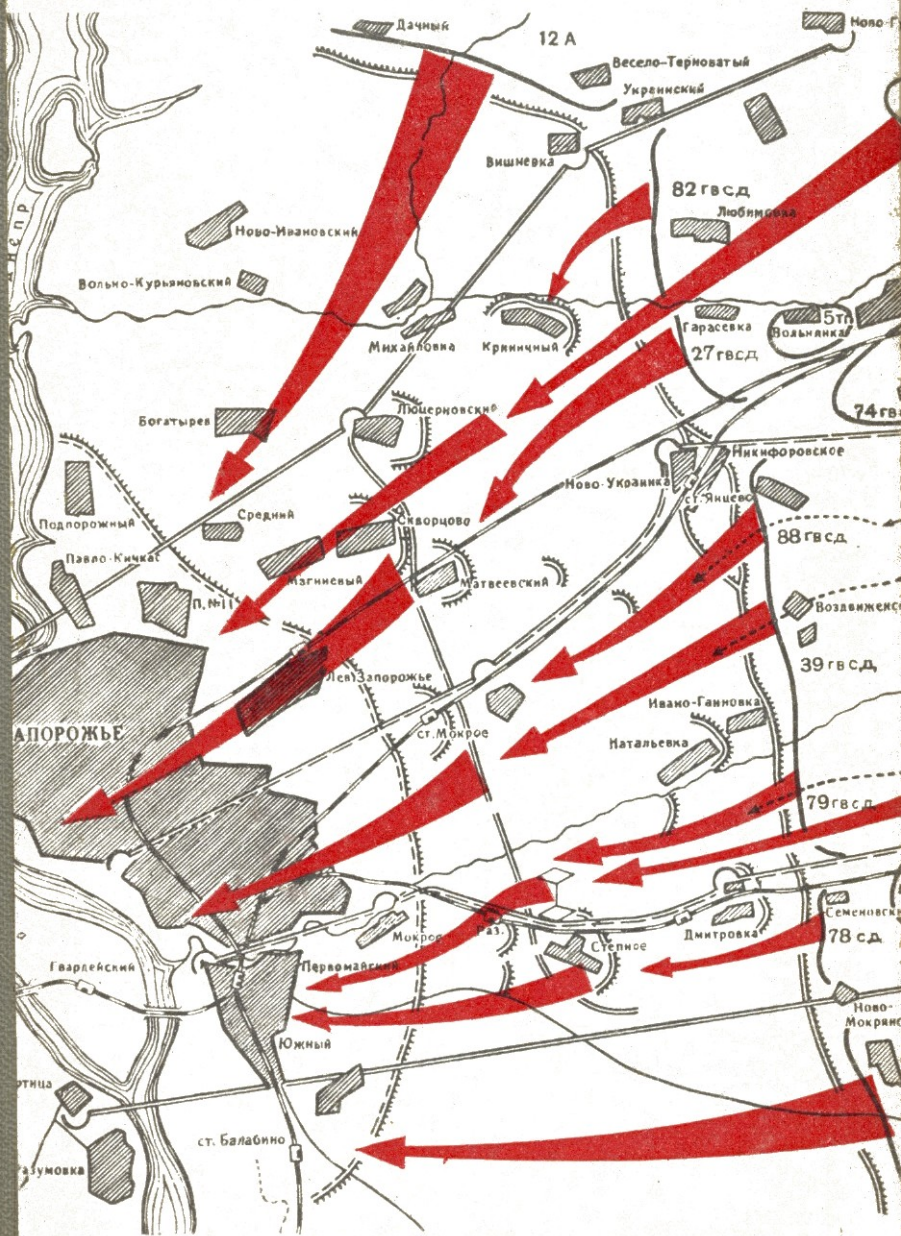


В. И. ЧУЙКОВ

# В боях за Украину



В. И. ЧУЙКОВ В боях за Украину

**В. П. ЧУЙКОВ**  
Маршал Советского Союза

# **В боях за Украину**

(Гвардейцы Сталинграда в боях  
против фашистских захватчиков  
за освобождение Советской Украины)

Издательство  
политической литературы Украины  
Киев 1972



От Волги до Берлина — такой героический путь прошла с боями 62-я (8-я гвардейская) армия, которой командовал В. И. Чуйков. Армия мужественно защищала от немецко-фашистских захватчиков Сталинград, ставший символом разгрома германской армии, участвовала в освобождении Донбасса, ликвидации Запорожского плацдарма гитлеровцев, разгроме фашистских войск под Никополем, Кривым Рогом, Одессой. О наступательных операциях по освобождению Советской Армией юга Украины во время Великой Отечественной войны и рассказывает эта книга воспоминаний Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова.

## Сражение века

Приступая к рассказу о боевом пути 62-й армии, которая после Сталинградской битвы была переименована в 8-ю гвардейскую, я не могу не остановиться на некоторых итогах Сталинградского сражения, не могу не коснуться, хотя бы вкратце, того, что вынесла из Сталинградского сражения 62-я армия, как, из каких элементов создавался ее боевой опыт, чтобы было понятно, как этот опыт применялся уже не в оборонительных боях, а в широких наступательных операциях.

Обратимся прежде всего к некоторым документам. «Правда» № 278 от 5 октября 1942 года писала: «С затаенным дыханием следит мир за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги. Каждое сообщение мгновенно облетает весь свет. Газеты всех стран на первых страницах печатают телеграммы о положении в районе Сталинграда, о ходе небывалого в истории сражения. Мировая печать единодушно отмечает беспримерный героизм защитников города. Турецкая газета «Икдам», высмеивая вымыслы о непобедимости германской армии, подчеркивала: «Один только Севастополь боролся больше, чем французская армия, один только Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа».

Фашистская газета «Берлинер берзенейтунг» от 14 октября 1942 года так характеризовала бои в Сталинграде: «У тех, кто переживает сражение, перенапрягая все свои чувства, этот ад останется навсегда в памяти, как если бы он был выжжен каленым железом. Следы этой борьбы никогда не изгладятся... Наше наступление, несмотря на численное превосходство, не ведет к успеху».

В мае 1944 года президент США Рузвельт прислал грамоту Сталинграду, в которой писал: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Соединенных Наций против сил агрессии».

Можно привести еще много документов, которые — иногда и вопреки желанию их авторов — давали и дают объективную оценку Сталинградской битвы. Все важнейшие документы сходятся на одном: Сталинградская битва была решающим сражением в ходе второй мировой войны, она положила начало коренному перелому в ходе войны. Некоторые зарубежные историки и журналисты и после войны, сохраняя объективность, признавали за Сталинградской битвой ее первостепенное значение для мировой истории двадцатого столетия.

Так Роберт Шервуд в своем двухтомном труде «Рузвельт и Гопкинс» писал: «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и вероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне, Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения».

Сегодняшние фальсификаторы истории, в надежде, что время размыло человеческую память, стараются изобразить дело так, что Сталинградская битва была чуть ли не рядовым событием второй мировой войны.

Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, бывший командующий группой армий «Дон» и затем «Юг», мемуарам которого на Западе придается особое значение в поисках «документальной основы» для фальсификации истории, пишет: «Несмотря на то, что немцы потеряли в общем пять армий, все же нельзя говорить, что эта утрата уже имела решающее значение для исхода всей войны».

В этой концепции нет ничего нового, она целиком повторяет установки гитлеровской пропаганды в дни разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. Известен случай с военным инженером 6-й армии Зелле. Он в качестве курьера вылетел на самолете из Сталинградского котла. Вскоре же он был по личному распоряжению Гитлера заключен в концлагерь за «пропаганду, наносящую ущерб вермахту».

Не отстают от гитлеровских генералов в своих попытках принизить значение Сталинградской битвы и военное искусство, проявленное при этом советским командованием, и некоторые английские генералы, военные теоретики и историки.

Вместе с тем фальсификаторы истории всячески преувеличивают роль вооруженных сил союзников на других

театрах военных действий. Так, генерал-лейтенант В. Вестфаль, упоминая о высадке 8 ноября 1942 года союзных войск под командованием генерала Эйзенхауэра в Марокко и Алжире, говорит, что «именно теперь и началась борьба не на жизнь, а на смерть», что «вооруженные силы именно этим начали теперь активные, прямые военные действия против Германии».

Тем, у кого так коротка память, я считаю необходимым напомнить, что наступление врага в Северной Африке началось 21 января 1942 года. Итало-немецкие войска под командованием Роммеля вытеснили англичан из Киренаики и достигли Эль-Аламейна, в ста километрах от Александрии. Наступление велось без привлечения сколько-нибудь значительных резервов. Вся техника, все резервы были сосредоточены Гитлером на Восточном фронте, в России. Наступление Роммеля затормозилось. Он неоднократно просил у Гитлера резервов. Гитлер уже ничем не мог помочь Роммелю. Не в пустынях Северной Африки, не на Среднем и Ближнем Востоке искал Гитлер победы — важнее театра военных действий, чем в России, для него не было во всю вторую мировую войну; важнее участка, чем под Сталинградом, в 1942 году для него не было на всем Восточном фронте.

Если бы мы не выиграли в Сталинградской битве, то это могло бы иметь тяжкие последствия и для нас, и для всей антигитлеровской коалиции. Это объясняется тем, что Гитлер связывал с победой на Волге далеко идущие цели. Потерпев поражение под Москвой, нацистские правители все еще рассчитывали на победоносное завершение развязанной ими войны против СССР. И потому, планируя летнюю кампанию 1942 года, они ставили перед своими войсками задачи вновь перехватить стратегическую инициативу, уничтожить основные силы Красной Армии, захватить важнейшие политические и экономические центры нашей страны.

Отсюда их стремление захватить Сталинград, перерезать важнейшую для нас в те годы транспортную артерию, связывающую центр страны с югом, Москву и фронт с бакинской нефтью, с хлебными районами. Захват Сталинграда означал бы также угрозу охвата Москвы немецко-фашистскими войсками с юга, отсечения центра России от Урала и Сибири. А ударом на Кавказ гитлеровское командование предполагало овладеть бакинской



нефтью и открыть ворота для военного вторжения на Ближний и Средний Восток. Кроме того, не следует упускать из виду расчет Гитлера на то, что после захвата Сталинграда ему удастся втянуть Турцию и Японию в войну против Советского Союза. Это могло дать возможность гитлеровскому командованию снять часть дивизий с Восточного фронта и, перебросив их в Северную Африку, развернуть и там широкие наступательные операции. И вместе с тем, несмотря на столь ответственный момент для хода всей второй мировой войны, Сталинградская битва носила характер поединка Советских Вооруженных Сил с гитлеровской военной машиной, в состав которой входили и войска ее сателлитов.

Наши союзники не горюпились выполнить свое слово о создании второго фронта в Европе в 1942 году.

Английская разведка информировала свое правительство: «Положение на Восточном фронте таково, что можно ожидать любого исхода, и поэтому трудно сказать, какой из противников потерпит поражение».

На совместном заседании штабов в Вашингтоне английские генералы заявили: «Сумеют ли русские удержать фронт — в этом главное. От решения этого вопроса зависят наши планы на остающийся период 1942 года».

Выжидательная, если не сказать резко, позиция наших союзников в годы второй мировой войны, позволила гитлеровскому командованию без особого труда создать на юге нашей страны значительное превосходство в людской силе и технике.

К стенам Сталинграда подходил сильный враг, владевший военным искусством, оснащенный превосходной военной техникой, накопивший опыт в проведении сложнейших военных операций. На узком участке фронта были сосредоточены превосходящие силы для удара на Сталинград. Операция под Харьковом проведена была в обычном для гитлеровской армии стиле — с охватом клещами наших войск. Как и в сорок первом году, погода была благоприятной для маневра танковых и моторизованных частей. Стояло сухое, ясное лето — степь лежала укатанной дорогой.

В гитлеровском генеральном штабе начертили на карте красивые разноцветные стрелы с направлениями ударов на рассеивание советских армий; удары нацеливались, как обычно, на стыки войсковых соединений как на самые уязвимые в оперативном отношении места; в прорывы

намечались переброски крупных танковых соединений, воздушные армады обеспечивали действия наземных войск, полевые штабы уточнили в деталях выполнение стратегических расчетов.

Но! Эти планы были построены на песке.

Советское Верховное Главнокомандование прежде всего правильно и точно раскрыло после харьковских событий 1942 года направление главного удара противника и своевременно сделало из этого выводы.

Исходя из реальной расстановки сил, Советское Верховное Главнокомандование приняло решение не только остановить врага, но, остановив, перемолоть в оборонительных боях его живую силу и технику. Разгадав замысел противника, Верховное Главнокомандование Красной Армии разработало план разгрома основной группировки противника в районе Сталинграда.

Теперь, оглядываясь назад, окидывая взглядом события, связанные со Сталинградским сражением, мы можем отметить два его периода; в каждом из них решались отдельные составные части общего стратегического замысла Советского Верховного Главнокомандования по разгрому противника.

Оборонительный период длился с середины (17) июля до середины (19) ноября 1942 года. В этот период входили оборонительные бои на дальних и ближних подступах к Сталинграду и оборона города. Под мощными, концентрированными ударами противника 62-я и 64-я армии, оказывая ожесточенное сопротивление, медленно отходили к Сталинграду. Ход боев сложился так, что на 62-ю армию Верховным Главнокомандованием была возложена задача оборонять город с запада, на 64-ю армию возлагалась задача оборонять южные подступы. 13 вражеских дивизий были нацелены в грудь 62-й армии.

Второй период Сталинградского сражения начался 19 и 20 ноября мощным контрнаступлением Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. 62-я армия также получила приказ о наступлении и уничтожении окруженного в Сталинграде противника. Этот период закончился 2 февраля 1943 года уничтожением и пленением окруженной группировки противника в Сталинграде и под Сталинградом.

Именно в этом периоде в процессе мощного контрнаступления зародились и были созданы предпосылки для

развития общего наступления советских войск на юге страны. В декабре 1942 года все южное крыло советско-германского фронта пришло в движение, гитлеровские войска начали откатываться на Курск, Харьков, Ворошиловград и Ростов-на-Дону. Разгром Сталинградской группировки создал условия, благоприятные для изгнания врага с Северного Кавказа. Фашистские войска вынуждены были отступать на Ростов-на-Дону, на Новороссийск.

Вся Сталинградская операция, когда выявились контуры этого сражения, была проведена, как грандиозные Канны, она и превратилась в Канны двадцатого столетия.

Как известно, Канны навечно вошли в классику военного искусства. Не раз известнейшие полководцы всех времен пытались повторить искуснейший маневр Ганнибала в битве против римских легионов, превосходивших его войска почти вдвое по численности. Но Канны по своей классической завершенности оставались единственным сражением на протяжении всей истории войн.

Я хотел бы напомнить главные моменты этой военной операции.

Римская армия, состоявшая из 80 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы, преградила дорогу карфагенским войскам. Под командованием Ганнибала в то время было 40 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы.

Римский полководец Варрон решил нанести сосредоточенный удар по центру войск противника, используя свое подавляющее численное превосходство. И не только численное превосходство спешил использовать Варрон. Самый принцип построения легионов и их боевая выучка позволяли ему действовать своими войсками как тараном. Римский легион мог вести сражение, словно бронированная машина.

Передние ряды выставляли впереди себя щиты. Щитами прикрывались и фланги легиона. Второй ряд закрывал возможные просветы в первом ряду щитов. В одно мгновение щиты могли сдвинуться или раздвинуться. И лишь только они раздвигались, как между ними выставлялся лес копий и почти синхронно наносились удары мечами. Бил первый ряд, наносил удары и второй ряд, удары противника принимались на щит. Сдвинув щиты, закрывшись ими, как сплошным обводом из брони, римский легион давил на противника своей тяжестью, вынуждал его пятиться, расстроить ряды и опять, открывшись, наносил удары.

Для концентрированного удара Варрон увеличил боевой порядок римлян в глубину. Таранный удар утяжелился. Для отражения возможных ударов карфагенской конницы с флангов Варрон выставил на свои фланги конницу.

Ганнибал противопоставил Варрону свой замысел, который требовал от войск, конечно, высокой выучки и решимости. Он решил нанести удар по римским боевым порядкам усиленными флангами, сжать, как в тисках, тяжелые, неповоротливые легионы

и, сжав их, создав тесноту для римлян на поле боя, разрушить их строй.

Ганнибал поставил в центре своего боевого порядка 20 тысяч лучшей своей пехоты, построив ее в несколько шеренг в глубину. Усиленные в глубину фланги из тяжелой африканской пехоты подбирались так, чтобы выстоять при давлении римских легионов. Карфагенский боевой порядок имел форму дуги, обращенной своей выпуклой стороной к противнику. Сам Ганнибал стоял в центре, считая силу сопротивления центра основой успеха в задуманном плане сражения.

Римская пехота атаковала центр карфагенских войск. Под ударами и давлением тяжелых легионов карфагенский центр начал пятиться и отступать. В то же время фланги карфагенской армии устойчиво держали фронт, ибо на них не приходилось столь тяжелого давления, как на центр. Дуга карфагенских войск прогнулась, фронт выровнялся и затем выгнулся в обратную сторону. Теперь карфагенские войска прогнувшейся дугой как бы охлестывали с флангов римские легионы, потерявшие свою ударную силу. В этот момент карфагенская конница, используя свое численное превосходство над римской конницей, атаковала ее и вышла в тыл римским легионам. Тяжелая пехота Ганнибала начала давить на легионы с флангов. Римские легионы оказались не только окруженными, но и стиснутыми со всех сторон. Ломались их бронированные фронт и фланги, скована была их маневренность, начался полный разгром. Римляне потеряли до 70 тысяч человек, из 16 тысяч оставшихся в живых больше половины попали в плен, остальные были рассеяны. Потери Ганнибала не превышали 6 тысяч человек.

Отметим, что речь идет не об окружении и уничтожении обычной армии. Были уничтожены прошедшие классическую выучку римские легионы, имевшие богатый боевой опыт, боевое построение которых опиралось на законы геометрии.

В августе — октябре сорок второго года окончательно определились не только стратегические планы гитлеровского командования в районе излучины Дона, но и выявилось в ходе боев направление главного удара на Сталинград. 62-я и 64-я армии отжимались превосходящими силами противника к Сталинграду, в то же время ослабевало давление гитлеровцев на наши фланги на севере и юге, ибо все их основные резервы сосредоточивались на направлении главного удара, удара на город. Наши войска получили возможность стабилизировать фронт на левом берегу Дона по линии Вешенская — Серафимович — Кременская — Трехостровская на северном фланге, и по линии Бекетовка — Цаца — Малые Дербеты — озеро Сарпа на южном фланге. Дуга вполне отчетливо прогибалась в нашу сторону, ставились под удар немецкие фланги.

По своим масштабам, по введенным в действие войсковым соединениям и технике Сталинградское сражение,



конечно же, не идет ни в какое сравнение ни с Каннами, ни с какими-либо другими сражениями далекого и недавнего прошлого. Но внешняя схема по мере определения линии фронта складывалась по классической схеме Кани. Перед 62-й и 64-й армиями, которые вдавливались противником в Сталинград, Верховным Главнокомандованием была поставлена четкая и необычайная по своей ответственности задача: принять в пригородах и городе на себя всю силу концентрированного удара гитлеровских войск, втянуть противника в изматывающие бои на городских улицах и тем самым во взаимодействии с армиями, сражавшимися в районе Сталинграда, дать возможность Ставке подтянуть резервы, создать материальную базу для широкого наступления на фланги гитлеровской группы армий.

В исследовательской литературе, в ряде воспоминаний наших военачальников разбирается вопрос о том, как, когда и у кого возникла мысль устроить гитлеровским войскам Канны под Сталинградом. Я должен отметить, что такой план не мог возникнуть сразу, когда гитлеровские войска прорвались в излучину Дона. Нужно было время, чтобы определилась линия фронта, нужно было, чтобы она стабилизировалась, нужно было обескровить, лишить маневра главные силы врага, нужно было втянуть его в изматывающие бои в городе, удержав город за собой.

Ход боевых действий на юге нашей страны летом 1942 года вплоть до приближения немецко-фашистских войск к стенам Сталинграда не давал никаких оснований для оптимизма. Не скрою, существовала реальная опасность, что враг с ходу овладеет Сталинградом, как это у него уже не раз получалось с другими не менее крупными городами, которые наши войска и наше командование отнюдь не собирались оставлять. Даже с точки зрения выбора позиции для решительного сражения Сталинград не имел никаких преимуществ по сравнению со многими другими городами. Принимались все меры к тому, чтобы приостановить отступление наших войск, чтобы остановить наступление врага, который, имея превосходящие силы, подошел к стенам Сталинграда и начал штурм города.

Будет ли остановлен враг в Сталинграде? Вот вопрос, который волновал тогда весь наш народ, весь мир. Гитлер с нетерпением ждал сообщения о падении Сталинграда.

А в армии у наших солдат, у командиров, у генералитета зрело между тем убеждение, что на этот раз враг будет остановлен, невзирая ни на что.

«Ни шагу назад!» — Сколько раз и на каких только рубежах наших сражений против захватчиков ни проносились эти слова: командирами, политработниками, коммунистами, комсомольцами, беспартийными. Год тяжелых боев, ожесточенных сражений за свободу Родины родил своих героев. К тому времени покрыли себя неуязвимой славой защитники Бреста и Киева, герои Одессы и Севастопольской обороны, ленинградцы, поразившие подвигом своим весь мир; позади уже были и первые победы над захватчиками в огромной битве сорок первого года под Москвой — битве, явившейся началом коренного поворота в борьбе с гитлеровской Германией, — и в сражении под Ростовом-на-Дону.

Этому способствовала огромная организаторская и идейно-политическая работа Коммунистической партии, ее армейских организаций, командиров и политработников по повышению моральной стойкости наших войск. В ее проведении советское командование, политорганы, партийные организации руководствовались заветом великого Ленина о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают кровь».

«Ни шагу назад!» Эти слова обрели особую реальность, они стали действительны для каждого солдата, для каждого офицера. Это стало внутренней убежденностью каждого защитника Сталинграда.

Огромная была проделана работа после событий под Харьковом в войсках. Центральный Комитет партии, Советское правительство, Государственный Комитет обороны потребовали от рядовых, от командиров, от генералов, от военачальников всех рангов неукоснительного выполнения воинского долга, укрепления дисциплины, исполнения воинской присяги. Коммунисты, политработники словом и делом доводили до сознания народа необходимость предельного напряжения всех сил, сами были примером в выполнении боевых задач.

Гитлеровское командование, фашистские офицеры и солдаты полной мерой ощутили на себе невиданную силу духа советских чудо-богатырей.

Известно, что части 14-го немецкого танкового корпуса под командованием генерала фон Виттерстейма пробили коридор в нашей обороне и 23 августа 1942 года им удалось прорваться к Волге в районе Латошинка — Рынок.

Обстановка была тяжелой. Нам удалось временно закрыть коридор. Я был свидетелем ведения боя немецкими танкистами 14-го танкового корпуса в полуокружении. Немецкие танки волна за волной шли на наши боевые порядки, пытаясь расширить прорыв. Но наши солдаты как бы вросли в землю. Сталь встретилась со сталью: чья закалка прочнее?

«Советские войска сражались за каждую пядь земли — пишет об этих боях первый адъютант армии Паулюса. — Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерстейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество... Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, нередко сжимая в оочолевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рулем разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели...» (выделено мною).

Генерал фон Виттерстейм предложил командующему 6-й немецкой армией Паулюсу отойти от берегов Волги, отойти от Сталинграда, высказав свое убеждение, что город взять не удастся.

Но гитлеровская военная машина, разогнавшись, неслась навстречу своей гибели.

Еще не раз военные историки будут возвращаться к изучению различных аспектов Сталинградской битвы, пытаясь вынести окончательное и полное суждение об этом грандиозном сражении. Мы, участники этой битвы, как-то должны помочь историкам, которым приходится работать, опираясь на документы и свидетельства очевидцев.

Недавно мне пришлось прочитать такие строчки в книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»: «Со всей ответственностью заявляю, что если бы не было настоячивых контрударов войск Сталинградского фронта, систематических атак авиации, то, возможно, Сталинграду пришлось бы еще хуже».

Речь идет об ударах по северному флангу гитлеровской группировки армий.

Я несколько дополнил бы здесь Георгия Константиновича Жукова. Диалектика учит нас рассматривать исторические явления не изолированно, а лишь в тесной взаимосвязи с окружающей действительностью. Безусловно, силой, противоборствующей наступлению противника в районе Сталинграда было взаимодействие всех советских войск под Сталинградом и на всем протяжении фронта. Каждое из войсковых соединений решало свои задачи и вместе с тем общую задачу — отстоять Сталинград. И я склоняю голову перед мужеством солдат и командиров 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий, которые вступали в бой прямо с пятидесятикилометрового марша, не ожидая полного сосредоточения и подхода артиллерии усиления. Отборные комсомольские части, наши десантники шли на штурм укрепленных вражеских позиций, обильно поливая родную землю своей кровью в то время, как армия Паулюса втягивалась в изматывающие ее уличные бои в Сталинграде.

И, склоняя голову перед героизмом гвардейцев, я должен сказать, что в те дни и часы вся страна поднялась на защиту Сталинграда. Тыл взаимодействовал с фронтом, фронт взаимодействовал с тылом, народ помогал из последних сил своей родной Красной Армии, посылая на защиту Отечества лучших своих сынов...

Для победы важно полное и действенное взаимодействие всего народа, всех его вооруженных сил и в большом, и в малом, и в масштабе всего театра военных действий и в масштабе отдельных фронтов, войск одного фронта, соединений одной армии, дивизий, полков, батальонов и рот. Именно этого рода взаимодействие рождает взаимодействие между стратегией и тактикой, между замыслом и его воплощением.

Центральный Комитет партии и Государственный Комитет обороны приняли решительные меры, чтобы сорвать вражеский удар по Сталинграду, сорвать наступление захватчиков. Не только перед непосредственными защитниками города, но перед всей Красной Армией была поставлена задача: «Сталинград не сдавать!»

В июле был образован Сталинградский фронт. Командование фронта в срочном порядке получило подкрепления для организации обороны города. Командиры и политработники, коммунисты и комсомольцы разъясняли бойцам, что выдержать удар на Волге, остановить его —



значит обеспечить победу. Девизом защитников города стало: «Ни шагу назад!»

Активно в оборону города включились трудящиеся Сталинграда. Более полутораста тысяч рабочих и колхозников строили оборонительные сооружения. Тысячи коммунистов и комсомольцев пришли добровольцами в войска.

В середине июля ЦК и ГКО дали Сталинградскому обкому партии указание увеличить выпуск военной продукции. Тракторный завод немедленно увеличил выпуск танков, которые прямо из заводских ворот шли на фронт.

Я, как бывший командующий 62-й армией, в свою очередь, со всей ответственностью заявляю, что Сталинград мог быть взят противником лишь при одном условии: если бы все до одного солдаты 62-й армии были убиты. Ни один из защитников Сталинграда не перешел бы с правого берега на левый. Мы дали клятву партии и народу: «Стоять насмерть!» От этой клятвы нас могла освободить только смерть. «Стоять насмерть!» Сие убеждение было продиктовано не только осознанием стратегической обстановки и необходимостью удержать город. «Стоять насмерть!» Это было веление сердца. Оно отражало тот перелом в сознании советского солдата, который произошел в нашей армии у стен Сталинграда: отступить хватит!

На защитников Сталинграда, в том числе и на 62-ю армию, выпала задача в общем плане обороны Сталинграда отстоять город от прямых ударов, принять на себя всю тяжесть этих ударов, выстоять, перемолоть живую силу противника, его технику и тем самым дать возможность Верховному Главнокомандованию подготовить резервы для контрнаступления.

Однако в современной войне одного убеждения, одной решимости не отступать мало. Нужны к этому и военное мастерство, и хладнокровие, и выдержка, и организация материального обеспечения, которым заниматься было отнюдь нелегко, учитывая, что боеприпасы, технику и продовольствие надо было доставлять через Волгу под прицельным огнем вражеской артиллерии, под непрерывными бомбежками.

Стояли перед солдатами 62-й армии и чисто тактические задачи.

В воздухе в то время господствовала вражеская авиация, которая буквально висела над нашими боевыми порядками, прижимала наши войска к земле, или, как говорили тогда, «колесами ездил по головам».

В гитлеровских войсках было отработано взаимодействие между наземными силами и авиацией. В то время, как авиация наносила удары по нашим боевым порядкам с воздуха, артиллерия и минометы противника окаймляли участки прорыва с флангов, немецкие танкисты почти безнаказанно врзались в наши позиции, подавляя огнем и гусеницами военную технику. Вслед за танками в наши боевые порядки, поливая все пространство автоматным огнем, врзалась пехота противника.

Одна из наших тактических задач как раз и заключалась в том, чтобы нарушить, расстроить такое отработанное взаимодействие подразделений противника. Нам было трудно с нашей наличной техникой, почти невозможное расстроить этот боевой порядок, так как превосходство во всех родах войск было на стороне противника. И мы нашли способ — решили пойти на ближний бой, стали сближаться на бросок гранаты. Наши позиции настолько сблизились, что немецкая авиация не могла различить, где наши позиции, а где ихние. В этом нам помогали городские строения, особенно каменные дома с подвалами: каждый дом, каждый подвал превращался в крепостной форт с соответствующим гарнизоном.

Вражеская авиация, боясь бомбить своих, била по нашим тылам, не затрагивая передний край.

Мы научили нашу пехоту пропускать танки противника через передний край и отрезать огнем его пехоту. Прорвавшиеся танки истреблялись бронебойщиками в глубине нашей обороны.

Подвалы и здания, как крепостные форты или как волнорезы, рассекали волны наступающих на отдельные потоки. В результате атака расстраивалась, а наш передний край приобретал упругость и устойчивость. Попытка взять город атакой с ходу встречалась организованным огнем и истреблением сотен и тысяч захватчиков.

Штаб армии, наша разведка всех видов и родов войск внимательно следили за перегруппировкой немецко-фашистских войск днем и ночью. Мы знали о всех маневрах противника, где он сосредоточивался и с какой целью. Зная, что он ночью не наступает, а только в свет-

лое время, мы перед рассветом производили контрподготовку. Ночные удары нашей авиации, артиллерии, минометов и «катиш» накрывали изготовившиеся к наступлению войска; противник перед наступлением нес потери и, зная, что его замыслы нам известны, шел в наступление уже морально подавленным. Гитлеровские солдаты быстро физически и морально изматывались, теряли веру в успех.

Не имея превосходства в силах, мы не могли применить мощных контратак, но мы должны были действовать активно. Наша пассивность была бы на руку врагам. Отсюда и было принято решение контратаковать противника мелкими группами, но при сильной огневой поддержке. Так родилась сталинградская штурмовая группа, малая по численности, гибкая в бою и управлении, грозная своей неожиданностью. Действия этой штурмовой группы не терпели шаблона, они требовали грамотных и решительных командиров и солдат.

Для штурмовых действий, со многим разнообразием объектов атаки, нужен был сознательный, волевой, обученный и натренированный человек, который часто один, без указки и без команды действовал в лабиринте улиц, домов, коридоров и комнат, на ступеньках лестничной клетки. В армии нашлись такие люди. Это были воспитанники партии и комсомола, советская молодежь сороковых годов. Мы могли им довериться, зная, что они не дрогнут перед опасностью, решат трудные задачи, встающие перед ними в бою.

Понимание всеми общей задачи — истреблением противника можешь завоевать себе и другим жизнь — создало для противника «сталинградский ад», «волжскую мясорубку», «огнедышащий и все пожирающий вулкан» (выражения, разумеется, из немецких источников).

Несмотря на все трудности, в ходе обороны Сталинграда становилось очевидным, что враг города не возьмет. К концу сентября определилось, что и в наступательных операциях на флангах враг успеха не имеет. Теперь уже не только очертания линии фронта подсказывали решение вопроса о том, как строить наше контрнаступление. Назревало решение на окружение и уничтожение немецкой армии, увязнувшей в Сталинграде. И каждый, кто имел под руками карту, видел, что возможности для наших войск открывались огромнейшие.

Ход событий требовал решения, и оно пришло. Верховное Главнокомандование начало готовить наступление советских войск с задачей на окружение немецко-фашистской группировки в районе Сталинграда. Защитники Сталинграда выполнили свою задачу — они дали советскому командованию выиграть время, чтобы сосредоточить необходимые резервы.

«Правда» от 25 ноября 1942 года писала:

«В Народном Комиссариате Обороны.

Народный Комиссариат Обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда...

В ходатайстве, где упомянуты армии, защищавшие Сталинград, подчеркивается особая роль 62-й армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград...»

Газета «Красная Звезда» от 1 декабря 1942 года:

«Слава 62-й армии переживет века. Пройдут годы. Зеленой травой зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые светлые здания вырастут в свободном Сталинграде, и ветеран-воин с гордостью скажет: «Да, я сражался под знаменем доблестной 62-й!»

М. И. Калинин в своем обращении к защитникам Сталинграда говорил: «За этот срок вы перемололи много вражеских дивизий и техники. Но не только в этом выражаются ваши достижения. Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере была парализована на остальных участках фронта. В этом — историческая заслуга защитников Сталинграда».

18 ноября закончился оборонительный период Сталинградского сражения.

19 ноября войска Юго-Западного и Донского фронтов начали контрнаступление.

А 20 ноября начали наступление и войска Сталинградского фронта. Фланги советских войск пошли на сближение в районе Калач — Советский.

И уже днем 23 ноября 45-я танковая бригада подполковника П. К. Жидкова из 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта вышла к населенному пункту Советский, где и соединилась с 36-й мехбригадой подполковника М. И. Родионова из 4-го мехкорпуса Сталинградского фронта. Кольцо окружения фашистских войск в междуречье Дона и Волги замкнулось. Войска трех фронтов блестяще выполнили поставленную перед ними задачу. В течение четырех с половиной суток была окружена основная вражеская группировка под Сталинградом (6-я полевая и часть соединений 4-й танковой армии) в со-



ставе 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тысяч человек.

Канни XX столетия состоялись.

Началась агония окруженного противника.

В наши дни фальсификаторы истории, и в особенности битые гитлеровские генералы, свое поражение под Сталинградом тщетно стараются изобразить как случайность. Ответственность за гибель армии Паулюса целиком возлагается на Гитлера.

Я уже говорил, что уже в августе и сентябре, глядя на карту боев на дальних подступах к Сталинграду, приглядываясь к определенному направлению главного удара гитлеровских войск, можно было предположить хотя бы вероятное развитие последующих событий. Еще, правда, ничего не установилось, но бесспорным вырисовывалось одно: немецко-фашистская армия сильно вклинивается в расположение наших войск и невероятно растягивает свои коммуникации. Когда же враг вошел в Сталинград, сосредоточив на узком участке фронта свои ударные силы, когда стабилизировались фланги на севере и на юге от Сталинграда, каждый, кому знакомы основы военного искусства, не мог не видеть, что для немецко-фашистских войск создается ситуация, похожая на Канни. Разве уже после нескольких неудачных попыток овладеть Сталинградом нельзя было предугадать, чем эти неудачи грозят 6-й и 4-й танковым армиям?

Более того, я далек от мысли, что сосредоточение наших войск на флангах противника, сосредоточение огромных средств техники можно было сохранить в полнейшей тайне. Но гитлеровские генералы не сумели разобратся в складывающейся обстановке и ничего не предприняли, чтобы предотвратить окружение группировки Паулюса.

Стало быть, трагедия армии Паулюса началась не в те дни, когда замкнулось за ним кольцо окружения, и не тогда, когда попытка Манштейна при помощи танковых клиньев Гота деблокировать окруженные части в Сталинграде окончилась провалом. Трагедия этой армии под Сталинградом началась в те дни, когда его защитники отбили первый штурм города. Дуга наших войск вогнулась, и ее фланги зависли над флангом немецко-фашистских войск. Генералы молчали, они не выражали в то время недовольства Гитлером, они спешили слать

в его Ставку победные релиции, вместо того чтобы призадуматься, чем все это может кончиться под Сталинградом. Возобладал и присущий прусской военной школе авантюризм, присущая ей близорукость.

Советское наступление велось в трудных природных условиях. Стояли жестокие морозы, лежал глубокий снег, метеорологические условия затрудняли действия авиации. Советское Верховное Главнокомандование не могло не считаться и с тем, что генералитет, командный состав, солдаты Красной Армии, особенно из новых пополнений, не имели опыта ведения сложных наступательных действий с вводом в прорывы крупных танковых соединений, в снабжении подвижного фронта. Итоги первых же крупных наступательных операций показали, что советский генералитет, советские командиры и солдаты способны быстро преодолеть все трудности, связанные с ведением сложных и больших наступательных операций. Это позволило Ставке день ото дня ставить все более усложненные задачи. Боевой практический опыт приобретался в ходе операций.

В ходе наступательных боев выявилось превосходство советского военного искусства над гитлеровским.

Удар Красной Армии был нанесен именно в тот момент, когда уже свершился психологический надлом у противника, на излете наступления врага, когда он еще не успел перейти к обороне.

Были разрешены проблемы прорыва укрепленного фронта и непрерывного нарастающего развития наступательных операций на большую глубину.

Огромное значение имел правильный выбор места для нанесения ударов.

Советское Верховное Главнокомандование сумело обеспечить взаимодействие фронтов и всех родов войск на огромном оперативном просторе.

Важным фактором в развитии оперативного искусства стало умелое и широкое использование крупных подвижных танковых и механизированных соединений.

В ходе контрнаступления под Сталинградом теория глубокой наступательной операции получила блестящее практическое воплощение.

Советские Вооруженные Силы осуществили огромное по масштабам окружение, перехватив стратегическую инициативу противника.

Результаты Сталинградского сражения сравнить не с чем. Армии фашистского блока потеряли с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года около четверти сил, действовавших на советско-германском фронте. До полутора миллионов солдат и офицеров противника было убито, ранено и взято в плен.

Канны XX столетия стали сражением века.

Мне хотелось бы поделиться с читателями моим разговором с И. В. Сталиным о некоторых итогах Сталинградской битвы.

Разговор этот состоялся в 1952 году. Я отдыхал в Сочи, в то время я был Главнокомандующим Группы советских войск и Председателем Советской контрольной комиссии в Германии.

Время было послеобеденное. Раздался телефонный звонок. Я поднял трубку. Незнакомый голос спросил меня:

— Это Вы, товарищ Чуйков?

— Да, это я. С кем имею честь разговаривать?

С другого конца мне ответили:

— Говорит Поскребышев. Соединяю Вас с товарищем Сталиным.

От неожиданности я даже растерялся. Вскоре я услышал негромкий и спокойный голос со знакомым каждому грузинским акцентом. Сталин спросил:

— Как отдыхаете, товарищ Чуйков, как себя чувствуете?

— Отдыхаю хорошо, чувствую себя прекрасно,— ответил я.

— Вы могли бы приехать ко мне? — спросил Сталин.

— Как прикажете, товарищ Сталин! Я готов приехать в любую минуту.

— Сейчас за Вами придет машина. Приезжайте. Только не понимайте это как приказ.

На сборы у меня ушло не более десяти минут. Подошла машина. Ехали мы недолго. Сталин встретил меня у подъезда. Я вышел из машины и, подойдя к нему, отплатил:

— Товарищ Сталин, по Вашему приказанию прибыл!

Он мягко отвел мою руку от козырька и сказал:

— Зачем же так официально?! Давайте проще!

— Хорошо, товарищ Сталин. Но это у меня по привычке.

Сталин улыбался в усы.

— Если по привычке, то я тут не при чем!

Мы прошли в большую комнату, в бильярдную. И. В. Сталин начал меня расспрашивать о положении в Германской Демократической Республике.

Ужин был собран на открытой веранде. Непринужденная обстановка за столом располагала к откровенности. Я спокойно отвечал на все вопросы, которые возникали у Сталина. Он вспомнил о Сталинградской битве и вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, как Вы думаете, можно ли было нам в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?

Мне приходилось думать о такой возможности в дни Сталинградского сражения. Мы не могли не принимать в расчет возможности прорыва войск Манштейна к Паулюсу, то есть возможности деблокировки окруженных частей. Скажем прямо, полной уверенности у нас, сталинградцев, что танковый клин Гота не «протаранит» фронт внешнего обвода нашего окружения, не было. Могли позже пробиться к Сталинграду и другие силы группы армий «Дон». Не исключено, что, деблокировав армию Паулюса, противник не дал бы нам возможности завершить его окружение. Одно мы тогда знали четко, что собственно окружение, полное окружение не так часто бывает — и не так часто повторяется — в военной истории. Мы отчетливо тогда понимали, что выпустить из Сталинграда армию Паулюса — мы не могли.

Могло ли случиться так, что, прорвавшись в Сталинград, Манштейн мог влить окруженным силы и надежду на спасение, на выход вместе с деблокирующей группировкой из окружения? Это сковало бы еще надолго наши силы вокруг Сталинграда. Уничтожение такой крупной группировки отчаявшихся людей дело нелегкое и затяжное.

В духе этих размышлений я и ответил Сталину. Их можно было бы свести к следующему.

В контрнаступлении под Сталинградом мы имели цели:

1. Окружением и уничтожением группы Паулюса прорвать оборону противника на широком фронте и на большую глубину.



Это освобождало большую территорию и снимало угрозу с Кавказа, что должно было послужить началом массового изгнания захватчиков с нашей территории.

2. Скорее добиться ощутимой победы.

3. Скорее нанести моральное и физическое поражение гитлеровской коалиции, его сателлитам.

4. Утихомирить воинственный пыл Японии и Турции.

И. В. Сталин вздохнул и задумался. Тихо проговорил:

— Это было очень рискованно. Я очень опасался, что во время огромной операции по окружению противника произойдет путаница во взаимодействии фронтов. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!

Он встал. Прошелся по веранде, остановился. Раскуривая трубку, вдруг спросил:

— Скажите, товарищ Чуйков, что такое окруженный противник?

Слишком уж нарочито простым показался мне вопрос. Я искал за ним какого-то скрытого смысла, но Сталин не ждал моего ответа. Он сам отвечал, развивая свою мысль:

— Если окружен трус и паникер — он тут же бросит оружие, даже не удостоверившись, есть ли выход из окружения. Если окружен ожесточившийся враг — он будет отбиваться до последнего. История войн знает очень мало примеров полного окружения противника. Многие полководцы пытались провести полное окружение противника. Почему же это не удавалось? Им это не удавалось потому же, почему Кутузову не удалось окружить Наполеона. Царь Александр требовал от Кутузова, чтобы он окружил, отрезал французские войска. Кутузов этого сделать не мог только потому, что бегство французов было стремительнее движения за ними Кутузова. Мне во время войны, после Сталинграда, много раз представляли проекты на окружение немецко-фашистских войск. На меня, наверное, даже обижались, когда я отклонял такие проекты. Товарищи, предлагавшие операции по окружению противника, часто не принимали в расчет такие обстоятельства. Первое. Гитлеровское командование после Сталинграда не желало ждать, когда мы ударим по флангам той или иной группировки, сведем кольцо окружения, и торопливо выводило войска из-под опасности окружения, очищая при этом нашу тер-

риторию. Второе. Памятуя о Сталинграде, немецкие солдаты не желали попадать в окружение. Если солдат не захочет попасть в окружение, он всегда сумеет вырваться из любого «котла» или заблаговременно отступить. Лишь только намечалось окружение, немецкие солдаты покидали позиции и отступали, опять же очищая нашу территорию. Это совпадало с нашей главной задачей: изгнать врага с нашей земли.

Разговор наш закончился в первом часу ночи. Сталин проводил меня до выхода. Мы распрощались...

Теперь еще и еще раз возвращаясь в своих раздумьях к прошлому, я не могу не отметить, что нынешние западногерманские историки и такие авторы мемуаров, как Манштейн и другие, подобно ему скорбящие об утраченных победах, слишком легко отходят от истины, не принимая в расчет некоторых непреложных фактов. В Сталинградской операции была окружена 6-я армия Паулюса и части 4-й танковой. Они были полностью разгромлены и полностью уничтожены. Всего в наступательных операциях Красной Армии в Сталинграде и под Сталинградом были полностью разгромлены пять армий противника, хотя и не все они были окружены. Они были разбиты и уничтожены в полевых условиях, на оперативных просторах, где они имели все возможности для широкого маневра, где они были обеспечены в достаточной степени и боеприпасами и техникой. Так что дело не только в окружении.

Ну, а если бы все же Манштейну удалось деблокировать сталинградский «котел» и армия Паулюса устремилась бы в пробитую брешь в нашем кольце, изменило бы это сколько-нибудь обстановку на юге, изменило бы это судьбу 6-й армии? Нет. Этот факт вынуждены признать западногерманские теоретики военного искусства. Вот как на этот вопрос отвечает Ф. Меллентин:

«Шестая армия была обречена, и теперь уже ничто не могло спасти Паулюса.

Даже если бы каким-то чудом и удалось добиться от Гитлера согласия на попытку прорваться из окружения, и измученные и полуголодные войска смогли бы разорвать кольцо русских, у них не было транспортных средств, чтобы отступить к Ростову по покрытой ледяной коркой стени. Армия погибла бы во время марша, подобно солдатам Наполеона в период отступления от Москвы к реке Березине».

Гитлер был против того, чтобы 6-я армия пробивалась из окружения, вырываясь из Сталинграда. Армия Паулюса была обречена, оставался выбор: гибель ее в городе или в приволжских и донских степях. Гитлер понял, что наступил час расплаты, и, оставляя Паулюса в Сталинграде, лишь откладывал этот час на более отдаленное время, ибо теснить и гнать врага легче, чем его полностью уничтожить на укрепленных позициях. Он сковывал, задерживал наши крупные силы на Волге, с тем, чтобы вывести свои войска из намечавшегося на Кавказе «котла».

## Из Сталинграда на Северный Донец

### 1

Итак, Сталинградское сражение, начавшееся 17 июля 1942 года, пройдя этапы обороны на дальних подступах к городу, в городе, на северном и южном фасах, этапы контрнаступления, завершившегося окружением и разгромом ударных группировок немецко-фашистских войск в Сталинграде, этапы наступления, в котором были разгромлены пять вражеских армий на огромных полях сражений на юге страны, закончилось. Красная Армия, развернув наступление от Воронежа и до Кавказских гор, взломала оборону противника, отбросила его на сотни километров на запад, создала предпосылки для новых успешных наступательных операций по всему фронту, предпосылки для полного изгнания врага с советской территории.

В конце марта 1943 года фронт стабилизировался. Линия фронта на юге страны, находившаяся до этого в непрерывном движении, установилась по линии Севск — Рыльск — Белгород — Волчанск, по реке Северный Донец до Ворошиловграда, а далее на юг по реке Миус до Азовского моря. На Северном Кавказе противник закреплялся на Таманском полуострове.

Весенняя распутица сковала действия сторон, началась перегруппировка сил по обе линии фронта, наступила оперативная пауза, после которой возобновление наступательных действий было бы началом летне-осенней кампании 1943 года.

Обе стороны получили возможность подвести некоторые итоги ожесточенных восьмимесячных боев — итоги величайшей битвы, получили возможность оценить сложившуюся обстановку на фронте, взвесить перспективы



надвигающейся летне-осенней кампании третьего года войны. Каждая из сторон должна была рассмотреть и стратегические задачи всей кампании, и оперативные задачи, вытекающие из установившейся линии фронта с ее выступами, с ее рельефами, с ее местными условиями на каждом отдельном участке.

Естественно, что и перед 62-й армией встали новые задачи. Ставка Верховного Главнокомандования передала 62-ю армию в состав войск Юго-Западного фронта с передислокацией ее из-под Сталинграда в район Купянска и Сватово, на Северный Донец.

Наступил час прощания со сталинградской землей. Армия перед отправкой на Северный Донец была дислоцирована в селах, расположенных вдоль Ахтубы. Армия отдыхала. Мы принимали пополнение в сильно поредевшие части, принимали технические средства усиления, осваивали новую технику.

Уходили от нас командиры, уходили целиком некоторые соединения. Верховное Главнокомандование рассредоточивало сталинградцев по различным объединениям, чтобы шире распространить в Красной Армии их боевой опыт. К нам пришли на пополнение новые дивизии, новые воинские соединения.

Бойцы 62-й армии покидали Сталинград, город, за который они сражались около двухсот дней и ночей. Это была изнурительная, смертельная борьба. В те дни и ночи, поглощенные этой борьбой, мы не могли до конца объяснить самим себе, какую роль играла наша борьба в большом стратегическом замысле, в общем ходе войны. Мы лишь догадывались, что, чем труднее нам в городе, чем больше вражеских сил мы оттянем на себя, перемолотим их, тем скорее придет наша общая победа.

Мы уходили из города, который только символично мог быть назван городом. Все было до основания разрушено, ни одного целого остова дома, ни одного заводского корпуса. Снежные сугробы прикрывали обломки.

Мы оставляли руины Сталинграда.

Над этим белым мертвым пространством ветер разносил тошнотворный трупный запах. Трупы не успевали убирать. Они лежали рядами, как бы разбивая на этапы немецкие попытки взять город штурмом.

Какие же, думалось, нужны будут силы и средства, чтобы восстановить город в его былой красе, чтобы вер-

путь к жизни его опустевшие, мертвые здания и улицы?

Даже Волга-матушка, вечно живая, вечно животворящая, и та под покровом льда и снега, застыла словно бы покрытая белым саваном. И только огромная полынья против Красной Слободы напоминала, что Волга течет, как течет и время...

Мы уезжали из города и прощались с родными и любимыми, прощались с теми, кто навсегда остался на этой земле.

Мы отправлялись в дальний и трудный путь и не знали, кому из нас суждено будет еще раз увидеть этот город, пощадит ли кого из нас судьба — нам предстояли битвы с жестоким и сильным врагом. Никто не обольщался надеждой, что полная победа достанется быстро и легко.

Мы поклялись памятью наших погибших друзей, что будем сражаться до последней капли крови.

Приближался час отъезда. Я обхожу эшелоны, в которые грузится армия. Сосредоточены лица бойцов, на глазах ветеранов слезы.

Гудок паровоза — без огней, без световых сигналов поезд тронулся в темноту, в неизвестность, в новое...

Нелегким тогда было передвижение эшелонов по железным дорогам. Враг, уходя с советской земли, пытался все разрушить до основания. Взрывались мосты, подрывалось полотно железной дороги, увозились на запад рельсы. Наши славные железнодорожники в невероятно сложных условиях, в удивительно сжатые сроки умудрялись восстанавливать железнодорожные пути буквально по развороченным насыпям.

Направление — Купянск и Сватово. Украинские города, узлы железных и шоссеиных дорог, только что освобожденные нашими войсками.

Военный совет армии разместился в двухосном старом пассажирском вагоне. Его так же мотало, как и товарный вагон. Но если бы только мотало. Это обозначало бы движение. Мы, право, больше простаивали.

Мне вспомнился переезд 43-го стрелкового полка из Кургана в Великие Луки в 1920 году, в годы разрухи и гражданской войны. Нас тогда везли по железной дороге около тридцати суток. Расстояние от Сталинграда до Сватово — Купянска в пять-шесть раз короче, чем от

Кургана до Великих Лук. Однако перегон эшелонов занял больше недели.

Из окна вагона видны пристанционные постройки. Ни одной уцелевшей станции. Полуразрушенные, с зияющими провалами окон, кирпичные остовы вокзалов, пепелища, обгоревшие печные трубы там, где когда-то стояли жилые дома.

Вокзальчики сколочены из шпал, из досок от разбитых вагонов. Чем только их отапливали?

На платформах безлюдье. Изредка увидишь женщину с ведром соленых огурцов. Это единственное, что можно было купить по дороге в разоренном крае. Люди голодали.

Мы с начальником штаба армии Николаем Ивановичем Крыловым не выдержали этой езды. На одной из станций выгрузили «виллис» и пустились в поиски штаба Юго-Западного фронта по пробитым в снегах дорогам! Несколько раз пришлось останавливаться на ночлег в почти опустевших селениях, в случайно уцелевших хатах. Мы имели возможность воочию убедиться, что такое мародерство гитлеровской армии. Отступая, гитлеровцы вывозили все, что можно было вывезти, а что нельзя было вывезти — сжигали и уничтожали.

Купянск и Сватово — места новой дислокации армии.

Никто еще тогда не ставил перед нами конкретных задач, но всем было ясно, что в самом скором времени нашей армии придется принять активное участие в боях за полное освобождение украинской земли от немецко-фашистских захватчиков, что армии, имеющей богатейший опыт ведения оборонительных боев, придется осваивать тактику боев наступательных.

Что же к этому времени представляла собой 62-я армия?

Из дивизий, входивших в армию во время боев в Сталинграде, осталось после переформирования только три. Это были прославленные сталинградские боевые соединения: 39-я гвардейская дивизия под командованием генерала С. С. Гурьева, 74-я гвардейская дивизия под командованием генерала В. П. Соколова, и 79-я гвардейская дивизия под командованием генерала Н. Ф. Батюка. Остались с нами и некоторые армейские части.

В 62-ю армию влились новые дивизии: 27-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерала В. С. Глебова, 88-я гвардейская стрелковая дивизия под

командованием генерала В. Я. Владимирова, 82-я гвардейская дивизия под командованием генерала И. А. Макаренко. Эти дивизии участвовали в Сталинградской наступательной операции в составе других армий.

Кроме того, армии были приданы специальные части усиления. Так, к нам влились два пушечных полка — 99-й, 671-й, три истребительных противотанковых полка — 536-й, 565-й и 184-й, а также 212-й танковый полк.

Новые дивизии и полки были полностью укомплектованы, имели отличные боевые традиции и опыт, приобретенный во время наступательных боев в Сталинградском сражении.

В 62-й армии как бы воедино переплавлялись части, имеющие опыт боев оборонительных и наступательных; одна часть армии как бы дополняла другую, все тактические приемы и обороны и наступления сосредоточивались в одном войсковом объединении.

Мы знакомились с новыми боевыми товарищами, с которыми предстояло идти в новые бои, и прощались со старыми боевыми товарищами, ибо время шло и требовало новых перемещений. Уходил от нас на большую самостоятельную работу начальник штаба армии Николай Иванович Крылов. Его сначала вызвали в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования, на беседу. Разговор с ним, конечно, был короткий. В армии его хорошо знали. Он показал себя истинным большевиком-ленинцем, человеком несгибаемой воли и при обороне Одессы, и в Севастополе, и в Сталинграде. Его назначили командующим армией.

Весть об его уходе мгновенно облетела все отделы штаба, дивизии и полки. Николая Ивановича знали очень многие, любили его, относились к нему с высочайшим уважением. Конечно, все жалели, что он уходит, но вместе с тем и радовались признанию его воинского таланта. Отпускать его без проводов было невысказано. Как сейчас помню разбитое здание сельской школы в Кисловке, километрах в тридцати восточнее Купянска. В наскоро расчищенном зале сдвинули уцелевшие учительские столы и ученические парты. Накрыли стол. Провожала Николая Ивановича, можно сказать, вся сталинградская гвардия.

Бывают в жизни минуты, когда хочешь что-то сказать, идущее из глубины души, но слов для этого не



находится. Беден язык, что ли, или волнение глушит слова, и кажется их смысл притушенным, невыразительным? Так было и со мной в ту минуту.

Я понимал, что так надо, что решение о назначении моего друга командармом — правильное решение! Но что поделать с чувствами? Слезы душили меня. Мне хотелось продлить минуты расставания, но я ушел после короткой прощальной речи. Мне надо было остаться одному. Как это поняли и приняли мои товарищи — я не знаю. Николай Иванович понял меня. Перед самым отъездом он зашел ко мне в хату, и мы с ним простились...

Вслед за Крыловым ушел от нас начальник политотдела армии генерал-майор И. В. Васильев. Он тоже уходил с повышением — членом Военного совета армии.

Можно было гордиться, что сталинградцы идут на расхват, но расставаться с ними было нелегко. Товарищ Васильев недолго прожил вне 62-й армии, не уберегла его судьба. Он был убит немецким снайпером. Память о нем как об организаторе партийно-политической работы в труднейшие времена сталинградской обороны навсегда останется у сталинградцев, у всех, кто с ним соприкасался в те дни, а его знали и командиры, и солдаты, все сталинградцы знали, ибо он, не робея, шел всегда туда, где было всего опаснее и тяжелее. Он был «крестным отцом» многих сталинградцев, в боевой обстановке вступивших в партию и затем с честью носящих звание коммунистов. Они выстояли в жестокой борьбе и покрыли себя неувядаемой славой. Многие из них захоронены на земле, которую стойко обороняли...

Вместо Н. И. Крылова начальником штаба армии был назначен генерал-майор В. Я. Владимиров.

Он командовал 99-й стрелковой дивизией в 66-й армии, которая вела бои на северном фланге Сталинградского фронта, участвовала в упоминавшемся ранее наступлении группы армий с севера в сентябре. Позже дивизия получила почетное наименование 88-й гвардейской, под этим номером она и влилась в 62-ю армию. Командуя дивизией, В. Я. Владимиров прошел довольно быстро путь от полковника до генерала. Это был обстрелянный человек, боевой командир. Он имел высшее военное образование, знал штабную оперативную работу. Но разница в масштабах руководства дивизией и армией, на первых порах, конечно, не могла не сказаться. Выру-

чал В. Я. Владимиров отлично подготовленный Н. И. Крыловым аппарат штаба армии, талантливые офицеры.

Первым членом Военного совета армии был назначен полковник Ф. Ф. Чернышев, бывший комиссар 39-й гвардейской стрелковой дивизии, сталинградец, которого я хорошо знал и уважал за его спокойный характер и храбрость.

Время между тем ставило в порядок дня новые задачи. Нам надо было не покладая рук готовиться к грядущим боям, осваивать тактику наступательных боев. Тяжело в учении — легко в бою. Этот давний армейский принцип известен всем. К сожалению, мы частенько о нем забывали. Особенно важна боевая выучка войск при наступлении. При прорыве обороны наступающий обычно несет очень большие потери. Военный совет армии много размышлял над тем, как, каким образом в предстоящих ожесточенных боях снизить возможные потери.

Самые большие надежды мы возлагали на артиллерию. Артиллерией армии командовал генерал Н. М. Пожарский. В Сталинграде он показал себя большим мастером организации артиллерийского огня и в обороне, и в наступлении.

Но наступление, к которому мы готовились на Северном Донце, во многом отличалось от наступления, в котором участвовала 62-я армия в Сталинграде.

Перед артиллерией армии вырисовывались очень разнообразные задачи. Ясно, что прежде всего наши артиллеристы должны были подготовиться к массированному огню по обороне противника. Это означало: доставка огромного количества боеприпасов, синхронная работа артиллеристов с транспортными частями. Это означало: организация армейских артиллерийских складов в боевой обстановке, их маскировка, их расположение... Расположить армейские артиллерийские склады — это сложная наука. Надо рассчитать на большую глубину продвижение наших войск и возможности переброски снарядов от складов, выверить коммуникации и прочее.

Но прорыв обороны противника возлагал на артиллеристов еще и иные задачи: сопровождение наступающей пехоты колесами, стрельба прямой наводкой по танкам противника, по скоплению его пехоты, оперативное, свое-

временное отражение контратак противника во время наступления.

Вели учение артиллеристы, осваивали все компоненты боя, шло обучение стрелковых частей.

Нам предстояло форсировать под огнем противника Северный Донец; преодолев эту водную преграду, развернуть бои, взламывая оборону, в которую входили составными частями и проволочные заграждения, и минные поля, и противотанковые рвы, и эскарпы по берегу реки, и траншеи, и огневые точки всех категорий.

Простейшее перечисление тех препятствий, которые нам предстояло преодолеть, уже говорит о том, сколь разностороннюю подготовку должны были иметь солдаты, младшие командиры и офицеры.

Вливались в армию необстрелянные люди, и с каждым приходилось начинать все сначала. Учить оканываться, учить зарываться в землю, воспитывать уважительное отношение к лопате, к каске, учить ползти по земле, не поднимая головы, слившись с землей, сравнившись с травой.

А как кинуть гранату? Это тоже своеобразное искусство, и дело не только в том, чтобы бросить гранату как можно дальше. Бросок должен быть точным. Точным по месту, точным по времени. Она должна взорваться именно в тот момент, когда ее взрыв окажется наиболее действенным...

Словом, во всех частях, во всех подразделениях шли упорные занятия...

Работали командирские курсы. Для офицеров устраивались штабные учения, но многу раз проводились игры на ящиках с песком, в которых точно копировался рельеф местности, где должно было развертываться наступление.

Пришел апрель. Под жаркими лучами солнца оголялись поля. Проливные дожди смывали снег. Бурлили балки, разлились ручейки и речки, вышел из берегов Северный Донец. Вчера гуляла по полям метель — сегодня томится над полями синеватое марево, и из теплой земли пробивается трава, а вот уже курчавятся редкие озими.

В районе сосредоточения армии день сменялся днем, не внося существенных перемен в нашу жизнь. Война словно бы забыла о нас.

Но вот 16 апреля 1943 года свершилось событие, сыгравшее значительную роль в истории армии. Ставка Верховного Главнокомандования переименовала 62-ю армию в 8-ю гвардейскую.

К началу сорок третьего года гвардейские части и гвардейские армии стали играть большую роль в действиях фронтов. Наше высшее военное командование научилось пользоваться гвардией, и порой перевес на том или ином участке фронта создавался вводом в бой гвардейских частей.

Присвоение армии гвардейского звания, несомненно, накладывало на нас особую ответственность.

Это приятное известие привез нам командующий фронтом генерал-полковник Р. Я. Малиновский.

Он остановился на квартире командира танкового корпуса генерал-лейтенанта Е. Г. Пушкина. Узнав о приезде командующего фронтом в расположение армии, мы с Н. И. Крыловым поехали к нему на доклад. О директиве Ставки я еще ничего не знал.

Р. Я. Малиновский и Е. Г. Пушкин обедали. Мы сейчас же были приглашены к столу. Хитро улыбаясь, Малиновский разлил водку по рюмкам, затем провозгласил тост за гвардейцев 8-й армии, за теперь уже бывшую 62-ю.

Ну что же! Шестьдесят вторая славно послужила Отчизне. Она была сформирована в сорок втором году в районе Сталинграда. В нее влились некоторые части, уже побывавшие в бою, ее пополнили новичками очередного призыва. По существу, необстрелянной, не имея серьезного боевого опыта, она была брошена в июне месяце в донское и сталинградское пекло. Если сегодня, восстанавливая ее боевой путь, мы присмотримся к картам, на которых расчерчены схемы боев на дальних и ближних подступах к Сталинграду, то без труда обнаружим, что 62-я армия вместе с 64-й при поддержке всех фронтов несли главные тяготы по защите города. Черные стрелы рассекают карту. Под их ударами гнется, прогибается и рвется линия фронта. Веером разбросаны наши отходящие войска. 62-я неуклонно склоняется к Сталинграду под давлением превосходящих сил противника, контратакуя, задерживая его и сдерживая его напор. Она отходит, враг как бы вдавливая ее в Сталинград. В Сталинграде, выполняя веление Родины, она встала на-



смерть. Последний рубеж обороны не сдан ею. Армия сумела выстоять.

Отныне начинается новая ее жизнь, жизнь гвардейской армии, подготовленной и предназначенной для наступления.

И все же звание «гвардейская» — это не только признание заслуг. Ставка, создавая гвардейские армии, нацеливала их на решение наиболее важных задач.

18 апреля 1943 года командующим фронтами и начальнику Главного Политического управления Красной Армии была направлена директива Ставки за подписью И. В. Сталина и Г. К. Жукова.

Вот некоторые положения этой директивы:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает гвардейские соединения (гв. стр. корпуса, гв. армии), состоящие из наиболее опытных и устойчивых войск, держать, как правило, в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции для прорыва на направлении главного удара и в оборонительной операции для контрудара».

Далее, развивая это положение, Ставка предписывала командующим фронтами вывести гвардейские соединения в резерв или во второй эшелон, сменив их на оборонительных рубежах другими частями, и, используя оперативную паузу, готовить гвардейские соединения «главным образом для наступления, для прорыва оборонительной полосы противника».

В директиве подчеркивалось:

«Особое внимание обратить на тщательность отработки вопросов взаимодействия родов войск, ближнего боя, ночных действий, борьбы с танками противника».

И далее директива развертывала целую программу подготовки гвардейских соединений для наступательных операций. Программа эта была и краткой, и простой, и четкой.

В мае месяце все дивизии, входящие в состав армии, получили правительственные награды: гвардейские знамена и ордена. Мне как командующему армией в Сталинградском сражении, а также члену Военного совета армии выпала высокая честь вручить эти знамена.

79-й гвардейской дивизии Военный совет вручил гвардейское знамя в селе Шевченково, расположенном неподалеку от Купянска в районе дислокации нашей армии.

Стоял яркий солнечный день. На яблонях, на вишнях, на черешнях набухали почки, березы выкинули мелкие клейкие листочки.

В поле, за околицей села, командир дивизии Н. Ф. Батюк выстроил в полном составе дивизию. 79-я гвардейская! В Сталинграде она была известна как 284-я стрелковая

Краснознаменная дивизия. Она сражалась у Мамаева кургана, не раз под немилосердным огнем противника ее солдаты штурмовали Мамаев курган, выбивая с него немецко-фашистских захватчиков. В самые трудные дни 284-я стрелковая дивизия была опорой для защитников города, за ее плечами 150 сталинградских дней и ночей непрерывных боев, без единой минуты отдыха или просто фронтового затишья. Это одна из тех стальных дивизий, которые перемалывали вражескую силу, обеспечивая возможность для наших войск подготовить контрнаступление. Четырежды орденосная — с такой славой закончила поход от Волги до Берлина эта дивизия.

Развернулось алое знамя с портретом Ильича. По полю прокатилось многократное «ура!».

Во время торжественного марша завывали сирены воздушной тревоги, на горизонте показались три самолета противника. Но ни один боец прославленной дивизии не дрогнул. Над землей завязался воздушный бой. Наши истребители встретили врага, повернули его назад и прогнали. Да, изменилась обстановка! Это уже не Сталинград, где вначале безраздельно господствовала в воздухе вражеская авиация. Наш праздник был надежно прикрыт с воздуха.

## 2

Армия готовилась к предстоящим сражениям. Оперативная пауза затягивалась, несмотря на то, что в воздухе уже накапливалась тревога, как перед большой очистительной грозой.

В начале мая над расположением наших войск развернулись ожесточенные воздушные бои.

Нам с начала войны еще не приходилось видеть в воздухе столько наших самолетов.

Волна за волной уходили с тыловых аэродромов бомбардировщики и штурмовики. В глубине расположения войск противника раздавались тяжкие взрывы. Затем появлялись фашистские истребители. Но их перехватывали наши истребители.

Вот оно, наглядное изменение соотношения сил. Редеют на глазах ряды геринговских воздушных асов. В плен попадают безусые мальчишки. Петушатся, но нет

в них той фанатичной веры в свое превосходство, в свою правоту и в свою победу, как у летчиков, что помнили еще небо Испании, высаживали десант в Роттердаме, пытались жестокими бомбежками сломить сопротивление английского народа. Нет, этих ждали не реляции о подвигах и не рыцарские кресты.

Короткая схватка в воздухе, черный шлейф за хвостом и глухой взрыв при падении на землю. А наши бомбардировщики и штурмовики новыми и новыми волнами прорывались к тыловым аэродромам противника в районах Краснодара, Днепропетровска, Чаплино, Запорожья, Красноармейского, обрушивались на железнодорожные станции, на крупные железнодорожные узлы.

В те дни наша солдатская «разведка» доносила, что воздушные бои развернулись на всем протяжении Южного, Юго-Западного, Воронежского, Центрального, Брянского, Западного и Калининского фронтов. Не трудно было догадаться в чем тут дело.

Верховное Главнокомандование этими массированными авиационными ударами препятствовало свободной переброске противником воинских частей с одного участка на другой, создавая помехи для сосредоточения крупных ударных формирований.

Если каждую значительную операцию рассматривать в диалектической взаимосвязи, то эти майские воздушные сражения справедливо будет считать преддверием нашей победы на Курской дуге.

Теперь мы знаем, что гитлеровский воздушный флот в майских боях, в особенности на юге, над Краснодаром и в Донбассе, понес невосполнимые потери и окончательно утратил свое превосходство в воздухе. Воздушное прикрытие подготавливаемого германским командованием решающего наступления сорок третьего года было утрачено.

В ходе войны определилась группа советских военачальников, которым Ставка доверяла командование фронтами, посылала в войска своими представителями, направляя с одного фронта на другой в зависимости от рода задач, которые приходилось решать на том или ином участке фронта. Из этой группы генералов и маршалов на наших глазах выковывалась плеяда советских полководцев, которая разрушила миф о непобедимости прусской военной школы.

Командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский ориентировал нас в мае на серьезные оборонительные бои. Армия, как указывалось выше, сосредоточивалась в районах Купянска и Сватово. Малиновский привез мне карту, на ней была нанесена операторами штаба фронта линия, по которой мы должны были подготовить оборонительные рубежи, прочно и глубоко закопавшись в землю. Линия шла по реке Оскол на участке Двуречная — Купянск — Сеньково — Горохovatка фронтом на запад и юго-запад.

Приказав нам развернуть армию для обороны сравнительно узкого участка, Р. Я. Малиновский требовал также, чтобы мы были готовы, если противник перейдет в наступление, нанести сильный контрудар в направлениях Купянск — Волчанск, Купянск — Чугуев вдоль правого берега реки Оскол на город Изюм и по возможным направлениям через реку Северный Донец.

Опять оборона...

А нам, и красноармейцам, и командирам всех рангов во всех звеньях армии, нам не терпелось померяться с противником силами в наступлении, испытать, что это такое гнать врага, громить его боевые порядки на оперативном просторе.

Военный совет армии чувствовал, что армия переживает сложное настроение.

Я видел отступление сорок второго года. Это отступление, как и в 1941 г., было вынужденным, оно шло с упорными боями за каждый оборонительный рубеж, сопровождалось ожесточенными контратаками. Но отступали, хотя в сознании солдата уже свершался тот психологический перелом, который и создал предпосылки для беспримерной обороны Сталинграда. Теперь свершался новый психологический переворот. Теперь солдат врался в наступление, он был уверен в своих силах. Огромная роль наших политработников в укреплении в сознании каждого солдата твердой уверенности в том, что час полного изгнания врага с родной земли близок.

Чем были вызваны столь осторожные распоряжения фронта, мы, конечно, не знали. На уровне командования армии общие стратегические планы целой кампании не обсуждались. Но глядя на установившуюся линию фронта, можно было сразу определить, что наш курский выступ — Курская дуга, вдавшаяся в сторону противника,



будет ареной жесточайших боев. Мы не знали тогда действительно, с какими планами встречается третью военную весну гитлеровское командование. Ставке же были известны эти планы, о чем свидетельствуют последующие ее действия. Я предполагал, что Гитлер готовит на Курской дуге генеральное наступление 1943 года и на нас падет задача оборонять фланги нашего фронта.

Однако, передавая установки на оборону, Родион Яковлевич Малиновский нацеливал командование армии и на наступление. Он отлично понимал, что мы будем готовиться к наступлению и отрабатывать на учениях все элементы взаимодействия войсковых частей для широкого маневрирования в наступательных операциях.

Я присматривался, как в новой обстановке, в свете новых задач можно было бы использовать сталинградский опыт.

Итак, командованием фронта была поставлена задача — закрепиться на левом берегу реки Оскол. При первом же взгляде на карту решение построить оборону по левому берегу, имея впереди водный рубеж, напрашивалось само собой. Но на месте открывались иные возможности, с многообещающими перспективами.

Если действительно перед армией ставились бы только оборонительные задачи, то левый берег должен был бы стать линией обороны. Но время и весь ход войны ставили оборонительные задачи в прямой связи с задачами наступательными. В этих условиях левый берег Оскола не подходил.

Западный, то есть правый берег реки был выше левого и господствовал над местностью. Это и предопределило возможность для нас представить командованию фронта свой встречный план.

Учитывая опыт сталинградцев, которые вели оборону, имея сзади себя водный рубеж, мы предложили укрепиться на западном берегу реки Оскол, более высокою, чем восточный, зарыться там в землю, оставляя себе развязанными руки для контрударов в любой благоприятный момент, не будучи зависимыми от переправы и от действия авиации противника при переправе.

Р. Я. Малиновский сам приехал на рекогносцировку. Почти целый день мы ездили на его «оппель-адмирале» по западному берегу, на месте уточняя все детали организации обороны. В результате этой рекогносцировки на

месте было принято решение, которое затем было оформлено директивой фронта от 6 апреля 1943 года.

Эта директива предлагала:

1. Одну стрелковую дивизию выдвинуть в район Шевченко и занять круговую оборону, включив в нее населенные пункты Мостовая, Верхне-Зареченская, Петрополье, Колесниковка, Михайловка, Ивановка.

2. Создать предместные укрепления на западном берегу реки Оскол у Двуречной на два полка, у Купянска — на дивизию, у Сеньково — на два полка, у Горохvatки — на два полка.

Это решение обеспечивало активность обороны, возможность маневра для армейских соединений на северо-запад, на запад и юго-запад, своевременную поддержку войскам, обороняющим Северный Донец от Волчанска и до Изюма.

Было и еще одно преимущество в таком построении обороны. Дислокация войск в этом варианте более походила на подготавливаемое наступление, чем на оборону, что больше отвечало настроению войск в тот момент.

Мы заняли новые позиции, несколько не меняя распорядка жизни в армии. По-прежнему шла работа по укреплению оборонительных рубежей, шли учения в войсках, отработка взаимодействия в наступательных операциях и в обороне, командиры дивизий обменивались между собой опытом, шли командно-штабные учения.

На партийных и комсомольских собраниях подводились итоги политической работы в боевой обстановке, обсуждался опыт прошлых боев, разъяснялись новые задачи, продиктованные временем и изменением общей обстановки на фронтах Отечественной войны.

Именно на партийных и комсомольских собраниях со всей остротой чувствовалась перемена настроения в войсках. Мы получили задачи на оборону и обсуждали их на собраниях. На них говорилось фактически о возможностях нашего наступления.

Менялось все. Менялось настроение в армии, приобретался командирами опыт, менялась техническая оснащенность. Промышленность, перебазированная на Урал и в Сибирь, наращивала свои мощности. Шли к нам новые танки, которые уже прекрасно зарекомендовали себя в бою. Наши самолеты не уступали теперь немецким, мы это воочию видели в воздушных боях, которые разыгрывались над расположением нашей армии.

Шло время. Ранняя украинская весна уже повернула на лето. Реки вошли в свои берега, подсохли дороги. Фронт все еще не приходил в движение. Шли бои лишь местного значения. Доходили до нас, однако, сведения, что в Брянских и Белорусских лесах усилили свою активность партизанские соединения, нанося ощутимые удары по коммуникациям противника. И все...

Мы использовали каждую свободную минуту для того, чтобы готовиться к наступлению. Я старался проконсультироваться и с командирами высоких рангов о методе наступательных операций, перенять у них опыт вождения войск во время маневренного наступления, старался выведать у них все, что им удалось узнать о поведении противника во время нашего наступления. Очень были для меня полезны встречи с генералом армии Николаем Федоровичем Ватутиным. Николай Федорович подробно рассказывал мне о прорыве немецкого фронта на Дону в ноябре 1942 года, о продвижении наших войск от Дона до Северного Донца. Его рассказы были крайне интересны. Он никогда не преуменьшал силы противника, не переоценивал и наши успехи, всегда с полной беспощадностью вскрывал недостатки, мешающие нашей армии.

Встречался я и с Василием Ивановичем Кузнецовым, командующим 63-й армией.

В. И. Кузнецова я знал еще до войны по совместной службе в Белорусском военном округе как разумного и волевого командира.

В. И. Кузнецов в Сталинградской битве показал себя выдающимся военачальником. 63-я армия в процессе наступательных боев на Дону была преобразована в 1-ю гвардейскую и решительно действовала на самых ответственных оперативных направлениях.

Генералы В. И. Кузнецов, П. С. Рыбалко и Ф. М. Харитонов обратили мое внимание на одно немаловажное обстоятельство. В сорок первом и в сорок втором годах, даже во время развития своего наступления гитлеровцы отнюдь не везде создавали окружение нашим войскам, а шли во многих случаях лишь на создание видимости окружения. После Сталинграда они сами стали панически бояться окружения и были очень чувствительными к воздействию на их фланги. Еще больше гитлеровцы

боялись появления наших танков в своем тылу. Они тут же сворачивали оборону и стремительно отходили.

Павел Семенович Рыбалко приоткрыл мне и причины нашего отступления весной из Харькова. Его войска ворвались в этот важнейший промышленный центр Украины с ходу, на плечах растерянного противника овладели Харьковом. Если бы вовремя были подтянуты тылы, а войска были бы обеспечены горючим и боеприпасами, немецко-фашистские войска не овладели бы вновь Харьковом.

Именно там на Северном Донце, я столкнулся впервые с довольно странным обстоятельством, которое заставило меня задуматься над психологией противника.

Я изучал обстановку на участке фронта, который должна была оборонять 8-я гвардейская армия или на котором она должна была наступать. Наша армейская разведка в обычном порядке доставила «языка». Военнопленный показал, что он из 6-й полевой армии. Наши разведчики сначала не поверили ему. Ведь 6-я полевая армия прекратила свое существование в Сталинграде. Пленный разговорился и объяснил, что Гитлер особым распоряжением создал вновь 6-ю армию, назвав ее «армией мстителей». Командовал этой армией генерал-полковник Холлидт, стремившийся в какой-то степени заменить в немецко-фашистских войсках Паулюса и успешный заслужить доверие Гитлера. Мы попытались расспросить немецкого солдата, за что же он собирается мстить? За Сталинград? Одно слово «Сталинград» вызвало массу эмоций у солдата, который оказался смущенным. Он рассказал нам, что в вермахте опасно произносить это слово. Не потому опасно, что кто-либо скрывает историю его разгрома в Сталинграде. Нет! Для гитлеровцев Сталинград стал вообще синонимом поражения. Слово «Сталинград» обозначается теперь любая угроза поражения.

И еще одно рассказал словоохотливый пленный: солдаты уже не надеются на своих генералов. Вся надежда на Гитлера, потому что Гитлер обещал «чудо».

Что-то подобное мы слышали от пленных солдат и до этого. И не только от солдат, но и от офицеров. Люди трезвые, реалистичные этой «третьей силой» называли сверхмощное, секретное оружие, которое изготавливается в большой тайне.



В двадцатом веке надежда на чудо! Это обнадеживало. Но вместе с тем и настораживало. Враг будет действовать рассудку вопреки! Это было видно каждому, кто хотя бы мало-мальски имел возможность проанализировать создавшуюся обстановку на фронте.

### 3

Теперь многое окончательно прояснилось, несмотря на все усилия фальсификаторов истории. Тогда же, в сорок третьем году, Верховному Главнокомандованию приходилось решать задачу со многими неизвестными.

Самые простейшие расчеты, анализ настроения как наших войск, так и войск противника подсказывали, что война гитлеровской Германией проиграна, что никакого поворота в военной судьбе быть не может, никакое сверхсекретное оружие, никакие чудеса не способны и не властны изменить создавшееся соотношение в противостоящих силах.

Что же может в этой обстановке предпринять Гитлер? Сколько мы ни пытались представить себе, ничего логического не получалось. Все стояло вне логики.

По моему мнению, можно было даже ожидать решения об отводе всех войск противника с территории Советского Союза. Такое решение в начале 1943 года в какой-то степени было оправданным. Оправданным, хотя бы потому, что таким образом можно было бы избежать кровопролития, спасти жизни миллионам немцев, избавить нацию от невосполнимых потерь. Говоря о поражении гитлеровской Германии во второй мировой войне, историки обычно обращают внимание на ее потери чисто политического и экономического характера, на потери ее престижа. Мало кто из исследователей упоминает о том, что в Сталинградском сражении и в последующих сражениях на полях России Гитлер положил в могилу миллионы немцев, обескровил немецкую нацию.

Я не вдавался в анализ того, как Гитлер мог бы совершить отвод войск из России. Наверное, для этого ему и его сообщникам пришлось бы уйти с политической арены. Этого требовали интересы германской нации, интересы германского государства. Но этого не случилось. А ведь история знает, что Германия Вильгельма II

в 1918 году, потерпев несколько поражений в сражениях на западе, капитулировала, не допустив англо-американские и французские войска в пределы страны. Теперь гитлеровские генералы пытаются надеть на себя венец мучеников, венец борцов за интересы германской нации.

Английский военный историк Л. Гарт в своей книге «Стратегия не прямых действий» пишет, что Гитлер не хотел переходить к обороне и закрепиться на достигнутых рубежах, как это советовали ему сделать некоторые генералы, или отойти в Польшу, как предлагали Рундштедт и Лееб. При всей стратегической целесообразности этих предложений они означали бы явное признание того, что Гитлер «откусил больше, чем мог проглотить». Подгоняемый ненасытным аппетитом, преследуемый призраком потерянного престижа и инстинктивно чувствуя, что наступление является единственным выходом из создавшегося положения, Гитлер хотел провести такое наступление, которое при наличии ограниченных средств могло бы дать большие результаты.

Здесь английский военный историк бродит где-то около истины, но что-то ему мешает вымолвить последнее слово, которое дало бы правильную оценку сложившейся обстановки к началу летне-осенней кампании 1943 года.

Возможно, и Рундштедт, и Лееб советовали Гитлеру перейти к обороне, возможно, что такие советы Гитлер получал и от других генералов. Но советы давать легко, гораздо труднее их исполнять.

Кто разрешил бы Гитлеру закрепиться на советской земле, кто ему разрешил бы произвести планомерный отвод войск в Польшу?

Время работало на нас. Военная промышленность увеличивала выпуск танков, самолетов, артиллерийского вооружения, боеприпасов, автоматического оружия. Мы создавали, и довольно быстро, перевес в технике. Несколько месяцев передышки могли сыграть решающее значение. И Гитлер, выслушивая предложения своих генералов о переходе к обороне, видел, что оборона на захваченной территории — это блеф.

Еще наименее выглядело предложение отвести войска в Польшу. Как бы это можно было сделать, не вступив в переговоры с антигитлеровской коалицией и не приняв тех условий, которые были бы продиктованы правительству «третьего рейха»? А одним из непеременимых условий всякого перемирия было бы условие о ликвидации фашистского режима в Германии. Если бы Гитлер попы-

тался без заключения перемирия отвести войска в Польшу, то это привело бы его к немедленной катастрофе на Восточном фронте. Стоило ему лишь на одном участке фронта ослабить насыщенность обороны, как в этом направлении немедленно последовал бы сокрушительный удар советских войск. Отвод немецких войск был бы расстроен, началось бы беспорядочное бегство. Так что напрасно теперь гитлеровские генералы говорят о своих «советах» Гитлеру. Ни один их совет не был реальным, кроме одного: капитуляция, смена политического режима в Германии. Ни один из генералов не подал такого совета.

Манштейн, оценивая обстановку, сложившуюся к весне 1943 года, признает, что Германия потеряла возможность покончить с «восточным противником» до вторжения англо-американских войск в Германию.

Признание несколько запоздалое. Манштейну не могло не быть известным учение немецкого генерала фон Денневица, теоретика «блицкрига». Фон Денневиц доказывал, что Германия может выигрывать только молниеносные войны. Любая затяжка войны чревата для нее поражением. Денневиц утверждал, что в первую мировую войну Германия могла победить Францию лишь в 1914—1915 годах. В 1916 году победа уже была сомнительной, а на третий и четвертый год война была уже проиграна. «Если дело дойдет до стратегии истощения, Германия потерпит крах раньше своих противников».

Да, время уже работало на нас. «Блицкриг» в войне против Советского Союза окончательно провалился еще в 1941 году, в сражениях под Смоленском, в грандиозной битве за Москву.

Но и после Сталинграда враг был еще силен.

Известно, что немецко-фашистские войска успешно наступали на Восточном фронте, лишь имея многократное превосходство над нашими войсками в живой силе, в технике, особенно в танках и самолетах, в артиллерии, располагая неограниченными накоплениями боеприпасов. К сорок третьему году они утратили это преимущество.

Ставка нацеливала советские войска на создание мощной обороны, дабы избежать каких-либо случайностей на юге страны, памятуя прошлогоднее поражение на Изюм-Барвенковском выступе.

Командующий Юго-Западным фронтом Родион Яковлевич Малиновский получил указание Генерального штаба Красной Армии, строжайше предписывающее укреплять оборонительные линии.

К этому времени наше Верховное Главнокомандование

знало, что гитлеровское командование планирует наступление, что главный удар гитлеровских войск последует в районе Курска, знало и предварительные сроки этого удара, но, учитывая их возможности производить в стремительном темпе перегруппировки для изменения направления удара, Верховный Главнокомандующий требовал быть готовыми к отражению удара на любом участке фронта.

Напряжение между тем в оперативной паузе нарастало. И мы все это отчетливо чувствовали.

20 мая в три часа тридцать минут последовало предупреждение из Ставки. Оно гласило: «По сведениям, полученным от разведки, немцы намеряют начать наступление на нашем фронте в период 19—26 мая».

Приказываю не ослаблять бдительности и боевой готовности войск; авиацию держать в полной готовности. Разведкой и захватом пленных вскрывать группировку противника и его действительные намерения. И. Сталин».

Прошел май. На исходе июнь. Мы по-прежнему занимались укреплением оборонительных рубежей, проводили учения в войсках и ждали. Фронт оставался недвижим. Шла местами перестрелка, совершались незначительные операции. В войсках накапливались силы для удара. Нарастало нетерпение и у наших солдат. Мне не раз в те дни приходилось беседовать с ними.

— Товарищ командующий,— спрашивали у меня,— когда же наступать?

Установка командования оставалась прежней — оборона.

— О каком наступлении речь? — отвечал я вопросом на вопрос.— Перед нами поставлена задача отразить возможное наступление врага.

— Оно возможное... — отвечали мне.— Но состоится ли оно? А если да, то мы перехватим его на ударе. У солдат твердое намерение прогнать врага! Хватит!

Наше Верховное Главнокомандование, наш Генеральный штаб правильно разгадали замысел противника. Курская дуга! И 2 июля безошибочно определили срок его перехода в наступление (3—6 июля). Были приняты все необходимые меры.

Гитлеровских генералов соблазнила кажущаяся легкость концентрированными ударами с юга и с севера срезать образовавшийся к весне 1943 года выступ на линии фронта между Орлом и Белгородом и, стиснув с двух



сторон наши войска, обороняющие Курск, уничтожить их, создать глубокий прорыв в наши тылы и организовать удары на юг и на север, в зависимости от исхода операции. Так Гитлер собирался «при наличии ограниченных средств» добиться «больших результатов».

Силы и средства были у него ограничены, конечно, весьма относительно. Для удара в районе Белгорода и в направлении на Поньри он сконцентрировал огромные силы. Пожалуй, в таких масштабах германская армия никогда не начинала наступления на сравнительно небольшом участке фронта. Но мы тоже имели теперь возможность противопоставить и значительные силы, и материальные средства, и возросшее мастерство наших армий, и воодушевление войск осязаемой победой.

Гитлер при всех условиях понимал, так же, как понимали и его генералы, что это их последняя попытка взять реванш за поражение под Сталинградом, опять захватить стратегическую инициативу. Поэтому они и оттягивали до последней возможности начало наступательных операций, подбрасывая все новые и новые контингенты войск, новую технику, знаменитые танки «тигр», «пантера», а также самоходные орудия «фердинанд», готовы бросить в костер сражения все самое лучшее, что могла в то время дать фронту военная промышленность почти всей Европы.

Обе стороны готовились к решительному сражению на Курской дуге. Обе стороны, конечно, знали о сосредоточении противником сил и средств для этого сражения. Обе стороны усиленно закапывались в землю и под видом оборонительных сооружений готовили исходные позиции для наступления всех родов войск.

Стоял вопрос: кто начнет наступать?

А время работало на нас — оборона врага на нашей земле не могла быть длительной.

Наше Верховное Главнокомандование учло преимущество активной обороны с переходом в контрнаступление и решило принять удар противника на подготовленных рубежах, обескровить и обессилить наступающую группировку противника, чтобы затем перейти в решительное контрнаступление.

И вот в ночь с 4 на 5 июля фронт загрохотал. Однако первой заговорила артиллерия не наступающих, а обороняющихся,

Еще дочитывали в отдельных немецко-фашистских частях приказ Гитлера, как всегда составленный в воисторженно-мистическом тоне:

«С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну... Моцный удар, который будет нанесен советским армиям, должен потрясти их до основания...»

Еще немецко-фашистские войска выходили на исходные рубежи для атаки, еще накапливались поблизости от передовой линии танковые соединения, на аэродромах летчики прогревали моторы.

Удар планировался на 3 часа утра 5 июля. В 2 часа 20 минут войска Центрального и в 3 часа Воронежского фронтов обрушили шквал артиллерийского огня на исходные позиции противника.

Что это? Артиллерийский палет разведывательного назначения? Бьют пять минут, десять... Следует залп за залпом реактивных минометов, рвутся тяжелые снаряды гаубичной артиллерии. Боевые порядки редуют, они расстроены. Командование торопливо и в панике отводит с исходных рубежей танки. Огонь — головы нельзя оторвать от земли.

Проходит десять минут, пятнадцать минут. В дело вступает авиация. Над полем боя нарастающий гул авиационных моторов. Самолеты пикируют на позиции, расстреливают на бреющем полете сосредоточившиеся для броска соединения пехоты. Проходит еще десять минут. Артиллерийский огонь не прекращается. Можно подумать, что через несколько минут советские войска перейдут в наступление...

В глубине фронта, в армейских штабах, в штабах вражеских дивизий мечутся дежурные адъютанты, непрерывно звонят телефоны полевой связи. Командиры полков запрашивают, что делать, не отменяется ли наступление.

Позволительно спросить сегодня гитлеровских генералов, командовавших в те дни войсками на Курском направлении, под Орлом и под Белгородом, на что они рассчитывали, решив все-таки начать наступление почти на два часа позже запланированного срока. Мы не получим вразумительного ответа на этот вопрос. Их планы были нарушены, тщательно подготовленный удар был

значительно ослаблен еще до его начала, развернулись воздушные бои, которых не знала вторая мировая война до Курской битвы. Господство в воздухе было противником утеряно. А с резервами?..

С резервами получилось совсем уж не по плану.

План Ставки Верховного Главнокомандования предусматривал — как только развернется Курская битва — переход в наступление нескольких соседствующих фронтов, чтобы гитлеровское командование не могло усилить войска на Курском направлении.

Юго-Западный фронт должен был начать наступление на Барвенково; Южный фронт — из района Матвеев курган прямо на запад, на Сталино и далее на Мелитополь; Брянский фронт — на Орел, Западный фронт — на Карачев.

В такой обстановке немецко-фашистское командование лишилось всякой возможности маневрировать резервами.

## Битва за Донбасс

7 июля, в разгар боев на Курско-Орловской дуге, меня и командующего соседней 1-й гвардейской армией генерал-полковника В. И. Кузнецова вызвали в штаб фронта. Мы поняли, что настал и наш час действовать.

Командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский объяснил замысел Ставки Верховного Главнокомандования: воспользовавшись боями под Курском, тем, что в эти бои втянуты основные ударные силы гитлеровской армии, начать наступление на Донбасс силами Юго-Западного фронта, имея задачу или опрокинуть противника, или, на крайний случай, сковать его силы на участке, противостоящем Юго-Западному фронту.

Задача для 1-й и 8-й гвардейских армий формулировалась таким образом: вводом в бой двух армий форсировать Северный (Северский) Донец, прорвать оборону противника в районе города Изюма и, развивая наступление, в общем направлении через Барвенково на Красноармейское совместно с войсками Южного фронта, наступающего от реки Миус на Сталино, разгромить донбасскую группировку противника и выйти на Днепр.

Задача эта формулировалась пока что в общих чертах. Она скорее выглядела задачей на всю летнюю кампанию, ибо средств на обеспечение такого широкого и глубокого наступления фронту выделено не было.

Должен отметить, что этот общий стратегический план имел под собой достаточное основание. Войска Юго-Западного фронта фактически нависали над немецко-фашистскими войсками, занимающими Донбасс. Представлялось соблазнительным одним общим ударом из района Изюма в направлении на Барвенково, Запорожье, Мели-



тополь расцечь и разгромить всю южную группу немецко-фашистских войск при активной поддержке Южного фронта, которым в то время командовал Ф. И. Толбухин. Таким образом, эта задача могла выглядеть и как конечная цель наступательных операций нескольких фронтов.

1-я и 8-я гвардейские армии должны были наступать каждая в составе трех корпусов, или, иначе говоря, в составе девяти дивизий. В качестве средств усиления армиям придавались по одной артиллерийской дивизии прорыва, по одному смешанному корпусу авиации и по два-три танковых или самоходных полка. Решением командующего фронтом 8-й гвардейской армии был передан 33-й стрелковый корпус в составе 50, 230, 243-й стрелковых дивизий и 253-й отдельной стрелковой бригады. Во втором эшелоне фронта были поставлены 1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова и 23-й танковый корпус под командованием генерала Е. Г. Пушкина.

В соответствии с общей задачей командование фронта определило три основных участка прорыва для 1-й и 8-й гвардейских армий.

33-му стрелковому корпусу предстояло наносить удар и прорывать оборону противника в направлении на Пришиб, Сидорово с ближайшей задачей в районе этих населенных пунктов форсировать Северный Донец и к исходу дня овладеть рубежом Адамовка — Хрестище — Соболевка — Райгородок.

29-й гвардейский стрелковый корпус нашей армии, а также 6-й гвардейский корпус 1-й гвардейской армии нацеливались на прорыв обороны противника на участке Еремовка — Синичино — южная окраина Изюма, с выходом на рубеж Малая Камышеваха — Перемога — Красный Яр.

4-й гвардейский стрелковый корпус 1-й гвардейской армии должен был прорвать оборону противника на реке Северный Донец на участке Петровское — Червоный Шахтер и развивать наступление в общем направлении Великая Камышеваха — станция Лозовая.

Срок готовности к наступлению устанавливался 15 июля. На подготовку отводилось, стало быть, восемь суток. Для выполнения поставленных задач 8-я гвардейская армия имела в то время три полностью укомплек-

тованных стрелковых корпусов: 28-й гвардейский, 29-й гвардейский и 33-й стрелковый. 33-й стрелковый корпус уже занимал позиции для наступления, находясь на переднем крае.

Необходимо было уточнить разведывательные данные о противнике и как можно полнее представить себе расположение его артиллерийских позиций и огневых точек. Обычно эти данные выясняются разведкой боем. Но это означало бы отказ от внезапности удара. Начальник разведки армии полковник М. З. Герман нашел творческое решение этой задачи. Он предложил создать единую карту оборонительных укреплений противника на основе всех, даже самых мелких, данных о противнике, накопившихся к этому моменту в армейских частях. Соприкосновение с противником всегда что-то подсказывает даже рядовому бойцу.

Сначала был составлен предварительный вариант карты по данным, накопленным в частях и соединениях армии. Карта была размножена и разослана для уточнения и дополнений в оперативный отдел, командующему артиллерией, в штабы корпусов и дивизий, а также нашим летчикам.

Наши летчики, имея на руках карту с отметками разведки армии, получили возможность не только откорректировать ее, но и провести аэрофотосъемку в тех местах, где не сумела разобраться наземная разведка.

Мы выдвинули к передовой линии рекогносцировочные группы, выбросили вперед наблюдательные пункты — наблюдение за оборонительной линией противника велось и днем и ночью. Местами разведчики завязывали активную перестрелку с противником, чтобы выявить точнее его огневые точки.

В армейской разведке тщательно были изучены все разведсводки, протоколы допроса пленных, учетные карточки на части противника, имевшиеся в разведорганах дивизий; было проанализировано все, что касалось не только количества войск противника, их вооружения, но также и их морального состояния.

Дважды или трижды уточнялась карта, наконец все было готово. Я пригласил на совещание командующих и начальников родов войск, начальников отделов штаба, выслушал их доклады о готовности к наступлению, о противнике, объехал с ними участки, выбранные для наступ-

ления, изучая правый берег и передний край немецкой обороны.

Оборонительный рубеж на реке Северный Донец противник начал сооружать со второй половины марта, и к началу нашего наступления им было подготовлено две позиции, по две траншеи в каждой. Траншеи были оборудованы подрустверными блиндажами с различными по степени сопротивляемости покрытиями, были связаны развитой сетью ходов сообщения и прикрывались с фронта многочисленными противотанковыми и противопехотными минными полями.

В глубине, на командных высотах, в населенных пунктах и на опушках лесов имелись опорные пункты и узлы сопротивления, приспособленные к круговой обороне и находящиеся между собой в огневой связи.

Правый берег Северного Донца на участке, намечавшемся для форсирования, господствовал над левым берегом, что значительно затрудняло наблюдение с нашей стороны. Мы должны были так подготовить наблюдательные пункты, чтобы во время форсирования реки не потерять управления боем. Наши разведчики и саперы излазили весь берег в поисках удобных позиций для наблюдательных пунктов, откуда можно было бы просматривать местность в глубине обороны противника во время боя...

В общем, к началу наступления, к началу форсирования Северного Донца система обороны противника была изучена нами неплохо. Мы установили с полной достоверностью, что войскам Юго-Западного фронта в Донбассе противостоят 6-я полевая и 1-я танковая армии из группы армий «Юг».

Читатель, незнакомый со структурой вермахта и исходящий в своих сравнениях из структуры Красной Армии военных лет, наверно, спросит: как же так, двум фронтам противостояли всего лишь несколько гитлеровских армий, потребовалось и время и усилия, чтобы сбить их с позиций, прорвать их оборону и погнать с нашей земли! Чем это объяснить? Объясняется это различным насыщением армейских единиц. Так, 6-я полевая армия Паулюса подходила к Сталинграду, имея в своем составе около 20 дивизий, в том числе три танковые и две моторизованные, в то время как 62-я армия, оборонявшая город, имела лишь восемь стрелковых дивизий и три

бригады очень слабого состава. Корпус вермахта доходил, как правило, до шести пехотных дивизий, что равнялось нашим двум корпусам, да и то по формальному признаку. Численность укомплектованной дивизии противника была намного выше численности нашей полностью укомплектованной дивизии.

Исходя из постановок Военного совета армии, штаб армии разработал подробный план операции, разбив ее на подготовительный этап — в шесть суток и на этап форсирования Северного Донца и прорыва обороны противника — в двое суток. Третий этап планировался на трое суток. На третьем этапе перед армией ставилась задача выйти главными силами на рубеж Красноармейское — Константиновка и совместно с войсками Южного фронта окружить донбасскую группировку противника в районе Сталино (Донецк).

Для того чтобы скрыть наши намерения, слово «наступление» в оперативных документах, в радиопереговорах, в устных указаниях командиров всех подразделений не употреблялось. Только оборона, оборона...

Войска фронта в основном были укомплектованы. Предстояла только передислокация сил в оперативных целях, незаметное сосредоточение частей на исходных рубежах для атаки. В районе дислокации 8-й гвардейской армии природные условия были благоприятны для скрытых передвижений. Наш левый берег Северного Донца, его поймы были покрыты густым лесом. Леса эти рассекались грунтовыми дорогами. В ночное время мы имели возможность совершать незаметные для врага передвижения.

В старых районах расквартирования оставались войска вторых эшелонов и тыловые части, перед ними была поставлена задача имитировать подготовку крупных войсковых соединений к обороне.

И вот совсем как будто бы незначительный фронтовой эпизод смыл наш прицел на внезапность.

В расположении 74-й гвардейской дивизии два бойца ночью пошли купаться. Заблудились и вышли не к старице, как собирались, а к берегу Северного Донца. Полезли в воду и были схвачены разведкой противника.

Обстановка была крайне напряженной. Враг опасался нашего наступления. Два наших солдата были для них находкой. В отчете разведывательной группы немецкого



батальона (он попал в наши руки в первые часы наступления) говорилось:

«Закончив допрос захваченных пленных и узнав от них о подготовке наступления русских, это было уже на рассвете, мы тут же сообщили в штабы батальонов и рот нашего полка о данных допроса. Тут же была объявлена боевая тревога. А через несколько минут началась артиллерийская подготовка русских».

Нам удалось установить, что наши бойцы и под пытками не назвали час начала нашего наступления. Предупреждение командованию противника, как мы видим, поступило за несколько минут до начала артиллерийской подготовки. И все же это было предупреждением. Противник получил ориентировку.

На рассвете 17 июля началась авиационная и артиллерийская подготовка на участках 1-й гвардейской и 8-й гвардейской армий. Артиллерийская подготовка длилась 1 час 30 минут. Мы сосредоточили для стрельбы прямой наводкой до 19 орудий на один километр фронта и 75—90 стволов с закрытых позиций.

В начале артиллерийской подготовки на мой наблюдательный пункт армии прибыли командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский и член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов.

Солнце еще не всходило. Светлела, разгоралась над степью знойная июльская заря с ее яркими оранжевыми красками. Били спящими залпами гвардейские минометы. Над рекой, над камышом, над кустарником по ее берегам потянулась густым туманом и окутала все непроницаемая дымовая завеса.

Из зарослей, из прибрежных лесов по-пластунски или бегом, пригибаясь к земле, спускались к берегам передовые батальоны пехоты. Под дымовой защитой отчаливали одна за другой весельные лодки.

Ветер минутами срывал дымовую завесу с реки. На том берегу сейчас же оживали огневые точки. Но они тут же гасились прицельным артиллерийским огнем.

Первые лодки причалили к противоположному берегу. Гвардейцы коротким броском достигли первого ряда траншей. В траншеях завязался жестокий рукопашный бой. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, а от нашего берега отчалила новая партия весельных лодок.

К 8 часам утра наши батальоны захватили первую и вторую траншеи, закрепились там, под их прикрытием мы подвели к берегу поптонные парки и приступили к наведению переправы для артиллерии и танков.

Переправившиеся войска получили приказ продвигаться вперед, расширяя плацдарм на вражеском берегу. Но результаты атак на удалении от берега не были столь успешными, как переправа. Нарастало сопротивление противника. Сказывался и недостаток в боеприпасах. Активизировала свои действия вражеская авиация, нанося удары по нашей переправе. Поминутно над рекой вспыхивали ожесточенные воздушные бои. Противник располагал здесь значительными воздушными силами.

План операции начал нарушаться по срокам.

К наступлению темноты 17 июля части 8-й гвардейской армии лишь закрепились на правом берегу Северного Донца, в глубину развить наступление не удалось.

Армейские танковые части и части 1-го гвардейского механизированного корпуса в бой введены не были: они запоздали с переправой.

Наступила поздняя и короткая июльская ночь. Тревожная ночь. Местами, как доносили из батальонов, еще не утихли бои. Начали обработку позиций противника ночные бомбардировщики. Штабы корпусов и дивизий готовились к новому бою на рассвете. Для меня лично это были трудные часы: первое наступление нашей армии после сталинградских боев, и ни одна из поставленных задач не решена.

Задуматься было над чем. Что случилось? Почему к середине дня наши атаки повсеместно захлебнулись, несмотря на то, что враг нес большие потери? В донесениях, которые проверялись и перепроверялись, указывалось, какие потери он понес. Над полем боя дымились танки противника, на нашу сторону наносило смрад от горящей краски на броне.

Наши войска взяли много пленных. Начинала слегка приоткрываться загадка столь сильного и активного сопротивления врага.

Противник создал на участках прорыва фронта глубоководную оборону. Подбросил новые части. Наутро, как теперь явствовало из показаний пленных, нас ожидали крупные силы противника. Пленные показали, что к частям, расположенным на нашем участке фронта,

подходили на подмогу соединения двух немецких танковых дивизий: 17-й и «Викинг».

Этой же ночью нам передали через командование фронта, что наступление противника на Курской дуге потерпело полный провал, что наступление войск Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно развивается — наши войска взломали оборону противника, и в прорыв вводятся значительные силы. Враг, отчаянно обороняясь, начал отступление...

Должен сказать, что в те дни получить полную информацию о битве на Курской дуге было трудно. Кое о чем мы могли только догадываться. В те дни мы не могли получить и достоверного представления о масштабах выигранного нами сражения. Теперь, зная весь ход операций наших фронтов в июле сорок третьего года после оборонительных сражений на Курской дуге, можно сказать с уверенностью: нашим наступлением в Донбассе мы ослабляли вражеский фронт под Курском и под Харьковом. Стало быть, уже одно то, что противник из-за удара на нашем участке фронта вынужден был расплывать свои силы, оправдывало наши действия. Вместе с тем, когда фронт в одном месте тронулся и враг потерпел значительное поражение от наших соседей, надо было наступать, чтобы лишить его возможности маневрировать войсками.

Мы досадовали, что не удастся расширить наступление, между тем, самый факт наступления нашего Юго-Западного фронта и захват нами оперативной инициативы у противника были уже немалым успехом в стратегическом замысле огромного масштаба.

Стало быть, наступать, давить на противника по всему фронту — и ни на минуту не ослаблять этого давления!

Поздно вечером я принял решение: с утра 18 июля, на второй день наступления, ввести в бой второй эшелон армии и танковую группу М. Г. Вайнруба в составе двух танковых и самоходно-артиллерийского полков. В ночь с 17 на 18 июля танки М. Г. Вайнруба были переправлены на правый берег Северного Донца.

Всю ночь напряженно работали переправы. Надо было пропустить не только войска, но и перевезти массу грузов, артиллерию, танки, боеприпасы, кухни. Но даже и ночью не прекращались удары авиации противника по переправам. Было ясно, что на нашем участке фронта

паращаются авиационные силы противника. К рассвету начали поступать в штаб армии сообщения авиаразведки о массовом движении гитлеровских войск к нашему участку фронта. По дорогам двигались немецкие танки, артиллерия, самоходные орудия. Самолеты, вылетающие на бомбежку, встречали мощное воздушное прикрытие противника. Эти данные авиаразведки совпадали с показаниями пленных гитлеровских офицеров. Таким образом, вырисовывалось, что командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн перебросил две танковые дивизии 24-го танкового корпуса из-под Харькова и вводил их в бой против нашей армии. Вслед за 17-й танковой дивизией и танковой дивизией СС «Викинг» против войск Юго-Западного фронта перебрасывался 3-й танковый корпус со средствами усиления. В районе Макеевки на прикрытие Донбасса от ударов Южного фронта немецко-фашистским командованием были также сосредоточены танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова», переброшенные из района Белгород — Харьков.

В разные времена по-разному человек воспринимает те или иные известия. Прямо скажу, когда меня ознакомили с донесениями летчиков о широком передвижении вражеских войск, о подходе крупных их резервов, мне стало не по себе. Наши силы в наступлении таяли, противостоящие нам на правом берегу Северного Донца силы противника возрастали. Мы отчетливо сознавали, что такое дивизии 24-го танкового корпуса, какой они обладают маневренностью, как значительна их огневая мощь.

Пытаясь удержать за собой Донбасс, Гитлер и Манштейн шли на огромный риск, ослабляя свой фронт под Харьковом, там где на них надвигались силы двух фронтов — Воронежского и Степного.

В те часы, когда против армий Юго-Западного фронта появились немецкие танковые дивизии, переброшенные из-под Харькова, мы понимали, что это облегчит наступление Воронежского и Степного фронтов — Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева. Об этом мне не один раз говорил Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Наступление фронтов под командованием Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева началось 3 августа, когда удары Юго-Западного фронта уже начали ослабевать, когда мы убедились, что развить наступление здесь не удастся.



Для нас наступление Воронежского и Степного фронтов как бы затянулось, но для противника оно началось в какой-то мере внезапно. Он еще не успел вновь укрепить ослабленный фронт. Уже развернулось наше наступление под Харьковом, когда гитлеровское командование в спешном порядке вынуждено было перебрасывать из Донбасса на белгородско-харьковское направление (переброска шла с 3 по 9 августа) пять танковых дивизий — 3-ю и 7-ю, дивизии СС «Викинг», «Райх», «Мертвая голова» и управления 24-го и 47-го танковых корпусов.

Да, нам предстоял трудный день. Сталинградцам предстояло новое и трудное испытание: опять неравные бои.

Прежде всего значительно усилилось воздействие авиации противника. Группы «юнкеров», по 20—30 самолетов, под прикрытием истребителей непрерывно бомбили переправы; многие части, получив приказ переправиться на южный, правый берег Северного Донца, приказ выполнили с задержанием.

Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса поднимались несколько раз в атаки, но их встречал массированный огонь, они смогли продвинуться лишь на один-два километра, неся большие потери. Повсеместно противник вводил в бой танки. Заметно усилилась его артиллерия. По нашим предварительным данным, этот участок фронта оборонялся 333-й пехотной дивизией противника. Но еще 17 июля она понесла большие потери. Из этого мы обязаны были сделать вывод, что 333-я дивизия получила очень сильное подкрепление.

Решительно и напористо действовал в этот день 33-й стрелковый корпус. Его части овладели Богородичным, балкой Висла, населенным пунктом Сидорова. Возросшее в течение дня сопротивление 387-й пехотной дивизии противника утвердило нас в предположении, что и эта дивизия получила усиление.

К вечеру бои начали затихать. Армия испытывала недостаток в боеприпасах. Штаб армии получал в течение дня сообщения о нарастающих перебросках войск противника из-под Харькова.

Генерал-фельдмаршал Манштейн об этих боях пишет так: «На участке 1-й танковой армии противнику удалось форсировать Донец юго-восточнее Изюма в полосе до 30 километров. Но благодаря вводу в бой обеих дивизий 24-го танкового корпуса, подошедших из Харькова, мы приостановили дальнейшее продвижение противника южнее реки...»

Наступила вторая ночь...

Ставка Верховного Главнокомандования требовала наступления. Мы в армейских звеньях ощущали, что наступление идет медленно, противник подбрасывает новые силы. В то же время не было возможности ослабить давление на противника хотя бы на одно мгновение. Севернее шли напряженнейшие сражения войск Западного, Брянского, Центрального фронтов. Они ломали тщательно продуманную и построенную по всем правилам фортификационного искусства оборону противника. Войска Воронежского фронта в середине июля начали его преследование на белгородском направлении. Поэтому и на 19 июля штаб армии ставил задачи перед войсками на наступление.

Приказ есть приказ, но главное во всех сражениях решалось солдатом. Если солдат был внутренне убежден, что те или иные действия, предписываемые ему командованием, правильны, если они соответствовали велению его сердца, то он мужественно действовал в труднейших условиях.

Здесь я должен сказать о большой роли политработников, партийных и комсомольских организаций армии.

Агитировать солдата, чтобы он бил врага, не нужно было, тем более сталинградца, гвардейца. Ненависть к врагу достигала в то время огромного накала. На политработников выпала задача — разъяснить смысл и значение тех боев, которые развернулись по берегам реки Северный Донец, на нашем участке фронта. Надо было разъяснить в частях, что наши удары по противнику оттягивают крупные силы противника с других участков фронта, где развивается успешное наступление других фронтов, что каждый метр отвоеванной здесь земли обрывается километрами продвижения наших войск на направлении главного удара.

19 июля, с утра, бои приобрели встречный характер. Противник непрерывно переходил в контратаки, поддерживаемые десятками танков. В 10 часов он бросил в контратаку против правого фланга 82-й гвардейской стрелковой дивизии со стороны Каменки пехотный полк в сопровождении 48 танков, а со стороны Сухой Каменки — полк пехоты с 50 танками. Враг пытался расчленить дивизию и уничтожить ее, приказав к берегу Северного Донца.

Сначала последовал хотя и короткий, но мощный артиллерийский удар по позициям, занятым частями дивизии. Затем налетели вражеские бомбардировщики, на боевые порядки дивизии устремились танковые клинья. Впереди шли тяжелые «тигры». За ними следовали легкие танки и самоходные орудия. Под прикрытием этих броневых щитов поднялась в рост и пошла пехота противника. Сотня танков двигалась на боевые порядки одной нашей дивизии.

На первый взгляд могло показаться, что таким ударом гитлеровцы смогут протаранить и более значительные силы обороны.

Танки рвались вперед, к основному рубежу обороны, пропуская под гусеницами мелкие траншеи, считая, что там, где прошли танки, ничего не могло уцелеть. А им вслед полетели гранаты, бутылки с горючей смесью, били в борт, в боковую броню противотанковые ружья. Строй сломался, клин притушился. Передовые танки достигли траншей основной линии нашей обороны. Здесь их встретил орудийный огонь. Артиллеристы били прямой наводкой. Авиация противника висела над полем сражения, но ближний бой, навязанный нашими гвардейцами, лишил ее возможности сбрасывать бомбы и выходить на обстрел наших боевых порядков.

Автоматчики и пулеметчики открыли огонь по пехоте противника и отсекали ее от танков. Танки развернулись, чтобы выручить свою пехоту. Но они имели дело со сталинградцами, которые не боялись ни огня, ни стали. Опять перед танками чистое поле, пустое, казалось бы, вымершее. Танки подтянули за собой пехоту. Опять двинулись вперед. Но все эти маневры происходили под воздействием нашего артиллерийского огня.

Сталинградцы пропустили танки еще раз и опять открыли отсечной огонь по пехоте. Сказывалась сталинградская выучка.

Два полка немецкой пехоты, поддержанных сотней танков, смяли и потеснили лишь батальон стрелковой дивизии. И захлебнулись... Устилая поле трупами, отхлынули назад. На поле осталось 16 подбитых и сожженных танков.

Не менее ожесточенные бои разгорелись в полосе 79-й гвардейской стрелковой дивизии. 20 июля дивизия овладела поселком Голая Долина. В тот же день к поселку

подожгли и были с ходу введены в бой части 17-й танковой дивизии и танковой дивизии «Викинг».

В уличных боях сталинградцы не имели себе равных. По несколько раз одни и те же дома переходили из рук в руки. Впрочем, какие там дома! Не дома. Домов в поселке не осталось. Под ударами танков рушились глинобитные стены, те, что не могли стореть в огне пожаров. Переходили из рук в руки подвалы, печные остовы, груды кирпича. Горела вражеская техника, гибли солдаты.

Последний удар в тот день по частям 79-й гвардейской дивизии в поселке Голая Долина последовал вечером. В атаку ринулась мотопехота противника и до 60 танков. Они потеснили гвардейцев, но выбить полностью из поселка не смогли. Гвардейцы обосновались на высоте с отметкой 199,5 и на северной окраине поселка.

И 20 и 21 июля Голая Долина оставалась полем ожесточенного сражения.

20 июля наша разведка отметила поблизости подразделения танковой дивизии СС «Мертвая голова». Гитлеровское командование явно спешило усилить те участки фронта, где наступление Красной Армии создавало угрозу прорыва на всю тактическую глубину и выхода ее резервов на оперативный простор.

Вспоминается мне эпизод боя 20 июля — история с сержантом Александром Ивановичем Чижиковым, одним из тех подлинных героев, о которых не написано громких реляций.

Сержант Чижиков командовал расчетом противотанкового орудия. Его расчет подбил три танка противника. Орудие было отлично замаскировано, но немцы почему-то настойчиво вели по нему прицельный огонь из минометов. Это насторожило сержанта. В короткую паузу между атаками противника он тщательно осмотрел окрестность и вдруг заметил на крыше сарая странно торчащую проволоку, которая никак не могла быть связана ни с крышей, ни со строением. Чижиков доложил об этом своему командиру — старшему лейтенанту С. Титову. Они вдвоем через кустарник и высокую траву подползли к сараю. Конец проволоки оказался антенной полевой радиостанции.

Что бы это могло быть? Неужели радист-лазутчик? Осторожно открыли дверь, в сарае — груды прошлогодней соломы, в беспорядке разбросана всякая рухлядь. Ни души. И все же сержант и старший лейтенант не успокои-



лись, осмотрели завал и в разошедшей бочке нашли немецкую рацию, соединенную с антенной.

Всяко могло быть. Можно было предположить, что здесь размещалась рация, когда оккупанты владели поселком, и, отступая, не успели прихватить ее с собой. Но могло быть и иначе. Старший лейтенант Титов оставил сержанта в засаде. Изготовившись к бою, с двумя ручными гранатами и автоматом Чижиков затаился в темном углу.

Бой шел, не умолкая, стены сарая содрогались от взрывов. Чижиков терпеливо ждал, когда придет к рации ее радист. Не отсюда ли корректировался огонь и по его батарее? Такой разведчик в иных случаях опаснее танковой роты противника.

Прошло около двух часов. И вдруг солома зашевелилась. Сначала высунулась рука. Из кучи вылез человек лет тридцати, в красноармейской форме с кавалерийскими петлицами, в синих шароварах. Огляделся, направился к бочке с рацией.

Чижиков скомандовал:

— Руки вверх!

Незнакомец резко обернулся и, выхватив из-за голенища нож, кинулся на Чижикова. Сержант оглушил его автоматом, связал руки и ноги, вызвал Титова и двух солдат-артиллеристов на подмогу. Радиста допросили.

Он был заслан в расположение наших войск с задачей — вести наблюдение за передвижением наших частей и корректировать огонь немецкой артиллерии. Изменник оказался жителем этих мест, той самой Голой Долины, за которую шли бои. В сорок первом году он сдался в плен. Этот предатель, пробравшийся в расположение советских частей, использовавший знание местной обстановки, действительно был опаснее целой танковой роты противника.

Наступило 21 июля. Это был исключительно тяжелый день, в особенности для 220-го гвардейского стрелкового полка. Противник контратаковал с раннего утра, он стремился во что бы то ни стало вернуть поселок Голая Долина. Ничего нового в тактике: сначала короткий артиллерийский налет, вслед за ним — налет авиации и танковый клин, под прикрытием танков — пехота.

Первая контратака, со стороны села Долгонького захлебнулась, встреченная артиллерийским огнем.

Тут же гитлеровцы, пытаясь отыскать в нашей обороне слабое место, предприняли контратаку с другой стороны, на этот раз из Хрестищ. На наши позиции в селе Голая Долина устремились вражеские танки, поддержанные штурмовыми действиями авиации и самоходными орудиями. Атака была жестокой и развивалась в благоприятной для противника обстановке: вражеская авиация внесла беспорядок на наших переправах, прервала подвоз боеприпасов. Да и от переправ доставить боеприпасы в Голую Долину было не так-то просто. Подъездные пути подвергались воздействию авиации противника и простреливались его артиллерией.

Противник понес тяжелые потери, но и у нас более половины орудий и орудийных расчетов вышли из строя.

В расчете противотанкового орудия сержанта А. И. Чижикова осталось три человека. Сам Чижиков был ранен в руку осколком снаряда. Санинструктор Н. К. Редькина перевязала ему рану, попыталась отправить его в тыл, в медсанбат, но Чижиков категорически отказался.

Через два часа атака противника повторилась. Расчет Чижикова сразу же подбил два танка. Соседние батареи подбили пять. Танки остановились, пехота залегла.

Противник не унимался. Все новые и новые подразделения кидал он в пекло. Стояла июльская жара. Раскалились орудийные стволы, раскалились стволы пулеметов и автоматов. Гвардейцы навязывали танкистам противника ближний бой. В ход пошли противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Догорали последние строения в поселке, горели сады и степь за околицей. Черным дымом и смрадом заволокло поле боя. (Голая Долина в войсках получила название «Мертвая Долина»).

Все настолько смешалось, что к концу дня на этом участке ни мы, ни противник не могли применить авиацию.

Мы видели вражеских солдат в наступлении, когда, не считаясь с огромными потерями в живой силе и технике, они рвались к Сталинграду. Я видел агонию трехсоттридцатитысячной армии Паулюса в Сталинграде. Ее солдаты сражались в окружении с ожесточенностью обреченных. Кое-кто из западногерманских мемуаристов и историков пытается сегодня представить их героями, сражавшимися до последнего патрона. Да, гитлеровские воюки не сразу капитулировали, но героями они не были.

Я понимал солдат 6-й армии — они боялись возмездия. Но когда каждому здравомыслящему становилось ясно, что война проиграна, что рассчитывать после Сталинградской битвы и поражения на Курской дуге уже не на что, что же здесь, на Северном Донце, под сокрушительными ударами советских войск заставляет немецкого солдата проливать кровь? Этого я понять не мог.

Наступает вечер. В который уже раз офицеры поднимают своих солдат в контратаку, бросая с ходу в бой прибывающие из-под Харькова резервы. Стало быть, еще не сбита инерция вражеской армии. Стало быть, еще бить и бить нам врага, пока он осознает, что победы не будет, что надо уходить с чужой земли.

Советские войска не отошли ни на одном участке фронта.

Наступила недолгая летняя ночь. Короткая передышка. Мне сообщили из штаба армии, что опять весь день авиаразведка наблюдала переброску крупных вражеских соединений из-под Харькова.

С восходом солнца бой опять разгорелся по всему фронту. И опять центром самых ожесточенных контратак противника становится Голая Долина. Но на этот раз он не торопился штурмовать наши позиции. Видимо, накануне и ночью подошли к фронту из-под Харькова новые значительные артиллерийские резервы. Они обрушивают на поселок Голая Долина и на наши позиции ураганный артиллерийский и минометный огонь. Неся немалые потери, к поселку прорываются сквозь строй наших истребителей самолеты врага. Они бомбят наши боевые порядки, по 30—40 самолетов за раз заходят на бомбежку наших переправ.

Положение становится сложным. В середине дня подразделения 220-го гвардейского стрелкового полка, оборонявшие поселок Голая Долина, подверглись атаке сразу с трех сторон: с юго-востока, с юга и с запада. Пришлось начать отход на Богородичное во второй эшелон дивизии.

Из этого боя не вышли и сержант А. Чижиков, и старший лейтенант С. Титов. Как мне рассказывала санитарструктор Н. К. Редькина, сталинградцы С. Титов и А. Чижиков похоронены в братской могиле в поселке Голая Долина.

Вокруг поселка Голая Долина было сожжено 30 танков противника, поле было устлано сотнями немецких трупов.

Но наши войска тоже понесли тяжелые потери. Много полегло бойцов, закаленных огнем сталинградских боев. Потеряли мы и славного боевого товарища, командира дивизии генерала Николая Филипповича Батюка.

Вот оно, переменчивое фронтовое счастье! Все выдержал, все прошел. Мужественно отстаивал вместе со своими солдатами Мамаев курган в Сталинграде. Какие позды бои!

Похоронили Николая Филипповича Батюка, генерала, сталинградского героя, на донецкой земле, возле памятника Артему на Северном Донце.

Мы, ветераны 62-й армии, вспоминая своего боевого товарища, не раз предлагали перенести его прах в Сталинград, на Мамаев курган, к памятнику защитникам Сталинграда, к общей братской могиле сталинградцев. Наши желания сбылись. Вечным сном спит Н. Ф. Батюк среди своих бойцов на Мамаевом кургане, у подножья величественной статуи Матери-Родины.

Бои не прекращались ни на один час, но уже было очевидно, что наступление наше захлебнулось.

1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова в бой не вводился. Я был склонен считать это решение командующего фронтом Р. Я. Малиновского правильным, оправданным оперативно-тактическими соображениями. Противодействие противника, подбросившего значительные резервы, не дало возможности 8-й гвардейской армии создать условия для ввода в прорыв механизированных соединений.

Силы и средства 8-й гвардейской армии были на исходе, особенно ощущался недостаток в боеприпасах из-за расстроенных вражеской авиацией переправ. Командующий фронтом с одобрения представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского приказал 8-й гвардейской армии временно прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах. Первый этап сражений за плацдарм на западном берегу реки Северный Донец закончился.

Можно было подвести и некоторые итоги, проанализировать, что помешало по-настоящему развить успех в



наступлении, что достигнуто за эти несколько дней упорных боев.

8-я гвардейская армия перешла к обороне на захваченном ею плацдарме шириной по фронту до 30 километров и глубиной до 8 километров.

Частная задача по созданию плацдарма на правом берегу реки Северный Донец, который мог быть в дальнейшем использован для наступления, была выполнена.

В ходе боев из опроса военнопленных, из данных фронтовой разведки нам стало известно, что из-под Харькова противник с 17 по 23 июля перебросил для защиты Донбасса пять танковых и одну пехотную дивизию; шесть дивизий снял с белгородско-харьковского направления накануне наступления Воронежского и Степного фронтов! Это, конечно, разрядило обстановку и под Белгородом, и под Харьковом.

Теперь мы располагаем и признанием Манштейна, который сетует на то, что попал в ловушку, расставленную Советским командованием, предпринявшим наступление силами Юго-Западного и Южного фронтов на Донбасс.

Он пишет:

«После того, как операция «Цитадель» по приказу Гитлера 17 июля была окончательно прекращена также и группой армий «Юг», командование группы (то есть сам Манштейн.— В. Ч.) решило снять временно с этого фланга крупные танковые силы, чтобы с помощью этих частей восстановить положение в Донбассе. Мы надеялись в ходе операции «Цитадель» разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этом фронте на определенную передышку. Однако эта надежда оказалась потом роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы ожидали».

Все это, конечно, можно занести в актив нашему Юго-Западному фронту.

А могли бы войска Юго-Западного фронта в той обстановке, со средствами, им приданными, добиться более серьезных успехов и не только захватить плацдарм на правом берегу Северного Донца, но и развить наступление? (Этот вопрос также относится и к усилиям наших соседей на юге).

Думаю, что для этого Юго-Западный фронт в ту пору не располагал достаточными средствами. Одно дело — операция, отвлекающая часть сил противника с других участков, другое дело — разгром и тех сил, что стояли

в обороне, и тех, что прибывали во время сражения, особенно танковых дивизий противника. Опыт наступательных операций уже подсказывал нам, что для решающего удара надо использовать большую концентрацию войск, особенно механизированных и артиллерийских средств. В масштабе нашего фронта, конечно, можно было добиться лучших результатов, если бы командование фронтом имело возможность более мобильно маневрировать даже теми средствами, которыми мы располагали.

Командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский вскоре поставил перед 8-й гвардейской армией задачу. Директива была подписана 29 июля в 14 часов 50 минут. Частная операция должна была сковать силы противника в Донбассе и пресечь его маневр.

Мы начали атаки на противника 3 августа. Они были приурочены к переходу войск Воронежского и Степного фронтов в решительное наступление против белгородско-харьковской группировки после того, как была восстановлена линия фронта после июльских боев.

5 августа, когда 8-я гвардейская армия вела бои на правобережном плацдарме Северного Донца, войска Брянского фронта освободили Орел, а войска Степного — Белгород, продемонстрировав полное взаимодействие.

Впервые в истории Великой Отечественной войны столица нашей Родины — Москва — салютовала войскам Красной Армии.

Отныне уже ни разу и ни на одном участке фронта вплоть до своего конца гитлеровские войска не смогли ни подготовиться, ни развернуть стратегического наступления. Все их контратаки и контрудары носили лишь местный характер.

И 5, и 6, и 7 августа войска 8-й гвардейской армии вели изнурительные бои, не ослабляя давления на позиции противника, не давая ему передышки и возможности снять с этого участка фронта хотя бы одно соединение для переброски под Белгород и Харьков. Мы опять отметили появление новых подразделений танковой дивизии «Викинг». Противник метался, растаскивая свои боевые соединения по частям.

10 августа наша армия — она понесла в этих боях большие потери — приступила к сдаче позиций 6-й и 12-й армиям. 12 августа мы ушли в районы расположения вто-

рого эшелона фронта, на северный берег реки Северный Донец, как резерв в целях развития предстоящей операции.

Наступление 6-й и 12-й армий началось 17 августа на рассвете.

Я и генералы Н. М. Пожарский, С. С. Гурьев и Я. С. Фоканов находились на командно-наблюдательном пункте, в центре наступления 6-й армии генерала И. Т. Шлемина. Со стороны, как говорится, виднее, чем командарму, которому в этот момент приходилось туго-вато. Управление боем требовало от него крайне обостренного внимания.

Я не устаю повторять мудрейшее изречение Александра Васильевича Суворова — классика русского военного искусства: «Удивить — значит победить». Внезапность — это главное при такого рода сражениях. А что же происходило на поле боя?

Войска встали и сделали рывок к позициям противника. Еще гремела наша артиллерия, рвались снаряды во второй линии обороны, а по нашим войскам из надежных укрытий враг открыл уничтожающий пулеметный и оружейный огонь. Наша артиллерия не подавила его огневых средств. Наше наступление не было неожиданным для противника.

Спрашивается: а можно ли было достигнуть внезапности при весьма широких средствах современной разведки? Этого можно было достичь выбором места удара, чтобы противник не ожидал активных действий на данном участке фронта. Этому могли помочь отвлекающие действия на других участках фронта, там, где мы не собирались наступать; тщательно организованная разведка, и обязательно на широком фронте, чтобы и сама разведка не давала повода противнику определить тот район, который нас особенно интересует; скрытой подготовкой и сосредоточением сил и средств для наступления при наличии дисциплины марша, особенно ночью; наступлением с ходу и т. п.; временем перехода в наступление, чтобы противник был ошеломлен ударом, не мог произвести контрподготовку и помешать плановому развитию наступления.

Это наступление велось с захваченного плацдарма. Противник ожидал нашего удара. 6-я и 12-я армии были, несомненно, обнаружены противником при подходе к Се-

верному Донцу, а их переправа через реку и замена войск 8-й гвардейской армии указывали приблизительно и время наступления. Определение часа атаки при таких условиях существенной роли не играет. Здесь противника во многом выручал установившийся шаблон в артиллерийской подготовке.

18 августа командующий фронтом приказал мне вводить армию в стык 6-й и 12-й армий.

Александр Михайлович Василевский не мог не заметить моих сомнений. Он всячески пытался их развеять как представитель Ставки Верховного Главнокомандования. Он доверительно мне говорил, что обстановка на севере, в зоне действия Воронежского и Степного фронтов, наше наступление на Харьков требует, чтобы мы, не теряя времени, приложили все силы на оттяжку хотя бы нескольких дивизий из-под Харькова.

В пределах приказа командующего фронтом у меня оставалось право выработать тактику наступления по своему усмотрению.

Я прежде всего отказался от рассеивающих ударов по всей полосе фронта 8-й армии, считая, что важнее сосредоточить удар на узком участке, прорвать оборону противника километров на восемь-десять в глубину и создать предпосылку для ввода механизированного корпуса. В прорыв, если бы он нам удался, планировалось ввести 1-й гвардейский механизированный корпус И. Н. Руссиянова, который стоял наготове уже более месяца.

Итак, чем я мог располагать?

Количество артиллерийских стволов на участке прорыва было достаточным. Правда, для сокрушительной, подавляющей артподготовки недоставало снарядов. Однако тесное взаимодействие пехоты с артиллерией плюс действия авиации с вводом механизированного корпуса, такое общее взаимодействие могло восполнить многое из того, чего нам недоставало.

Я сообщил Р. Я. Малиновскому свои соображения. Он утвердил мои распоряжения. Я просил его со своей стороны дать указание Руссиянову быть готовым к вводу корпуса в прорыв.

29-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу — одним броском овладеть населенными пунктами Сулировка и Долгенькое, а 28-й гвардейский стрелковый корпус — овладеть лесистым районом южнее Долгенького.



По достижении этих рубежей было намечено ввести в бой 1-й гвардейский механизированный корпус.

В ночь с 21 на 22 августа перед наступлением мы с Р. Я. Малиновским проехали по всему расположению армии, навестили каждую из дивизий. Все готовились к бою. Проводились партийные собрания. Многие воины вступили в эту ночь в партию. На партийных собраниях говорилось о том, что гвардии топтаться на месте зазорно, что пора нам ответить делом на высокую честь называться гвардейцами.

— С такими людьми, — говорил мне Родион Яковлевич, — и не опрокинуть врага!

Я понимал его настроение.

Мы побывали на исходных позициях, откуда должно было начаться завтрашнее наступление.

Свой наблюдательный пункт мы выбрали на высоте — курган с отметкой 217,4 севернее Голой Долины, на северо-западной окраине большого лесного массива.

Заночевать пришлось в лесу.

Бессонная ночь. Хочется еще и еще раз проверить, все ли готово. Seriously пришлось поработать командующему артиллерией армии генералу Н. М. Пожарскому. Он, как всегда, показал себя мастером, проявил находчивость, выдумку в распределении боеприпасов, сумел спланировать минометный огонь на три рубежа огневого вала, на глубину до 600 метров. Но снарядов, в особенности калибра 122, едва хватало на артиллерийскую подготовку. Еще раз проверили взаимодействие с авиацией. Командующий воздушной армией В. А. Судец находился с нами на наблюдательном пункте. Сюда же были подтянуты и его средства связи.

А как же с внезапностью?

И плацдарм обстрелянный, и на нем наступление за наступлением, и все же я старался, чтобы армия занимала свои исходные позиции скрытно. Расчет был лишь на то, что немецкое командование, отбивая с успехом атаки 6-й и 12-й армий, сочтет, что еще одну армию на этом плацдарме мы в бой не введем. Расчет, конечно, не ахти какой, но некоторые надежды он нам подавал.

И самое интересное: удар наш оказался для противника все же внезапным. Это позже подтвердили пленные немецкие офицеры, это подтвердили успехи наступления.

Рассвет 22 августа. Артиллерия открыла огонь,

В. А. Судец направил свои штурмующие звенья на позиции артиллерии противника. Было слышно, как он переговаривался с ведущими эскадрилий, нацеливая их удары на цели, обнаружившие себя в момент артиллерийской подготовки.

Вот огневой вал отодвинулся в глубину. Командиры полков и батальонов подняли солдат. Цепь за цепью уходила за артиллерийским валом в атаку. Пошли дружно. Уже гремел в первых траншеях противника огневой бой, рвались ручные гранаты, доносились до нас автоматные очереди. Прошло полчаса. Цепи ушли вперед. Только слышно, как разгорается бой во второй, а затем и в третьей траншеях. Бьют вражеские танки и самоходные орудия поддержки пехоты.

Вот уже поступают на командный пункт донесения, что гвардейцы завязали бой за село Долгенькое и Мазановку.

Успех! Успех! Впервые за месяц кровопролитных боев. Р. Я. Малиновский снимает трубку полевого телефона и дает команду генералу Руссиянову вводить 1-й гвардейский мехкорпус в бой без паузы, в общем направлении южнее Долгенького на Долгий Яр — Барвенково, придерживаясь грунтовых дорог. Тут же он соединяется с командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенантом П. В. Волохом и приказывает ему проконтролировать ввод корпуса И. Н. Руссиянова.

Вот-вот из леса, что виден нам с высоты, покажутся танковые колонны мехкорпуса, и бой оживет, удар наш обретет мощь и силу.

Идут ожесточенные бои в Долгеньком, враг выбит из Мазановки. Ворота для ввода мехкорпуса открываются. Танков нет! Р. Я. Малиновский опять вызывает по телефону И. Н. Руссиянова. Связь работает. Руссиянов отвечает, что сейчас, через несколько минут пойдут в бой танки. Малиновский кладет трубку, я вопросительно смотрю на него.

— Сейчас! — повторяет он слова Руссиянова. — Сейчас! Что ты на меня смотришь? — вдруг кричит он. — Я что, не понимаю, что дорога каждая секунда?!

Я действительно смотрю на Малиновского, смотрю и молчу. Да и разве тут выскажешь все что кипит в душе! Вчера же все проверяли вместе. Побывали во всех диви-

зиях 8-й армии, а в мехкорпус не поехали, считая, что там давно все готово.

Танков нет и нет!

Р. Я. Малиновский пытается соединиться с генерал-лейтенантом П. В. Волохом. Волох не берет трубки. Командующему фронтом отвечают, что генерал Волох у ганкистов в лесу.

— Он с ними! — с надеждой восклицает Малиновский. — Он с ними, он сам вводит корпус в бой!

Руссиянов опять уверяет, что танки скоро двинутся в бой.

Я опять выразительно смотрю на командующего фронтом.

— Что смотришь? Что смотришь? — кричит он. — Иди и сам вводи! Заснули они, что ли?

Я не стал ждать повторения и помчался в лес на исходный рубеж ввода мехкорпуса.

Сначала я никак не мог понять, что случилось. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант П. В. Волох был убит осколками снаряда. Руссиянов прямо мне заявил, что мехкорпус к вводу в бой не подготовлен, что он еще только сосредоточивается на исходных позициях. Естественно, что через голову командира корпуса я действовать не мог. На моих глазах танки выходили на исходные рубежи. Все, что я мог сказать Руссиянову о необходимости ввода в бой корпуса, было сказано.

Мне казалось, он не поверил, что мы прорвали оборону противника, что нами подготовлен ввод корпуса.

А время шло, противник подбросил новые силы за счет соседних участков фронта, пытаясь закрыть образовавшийся прорыв до десяти километров в глубину и восьми километров по фронту. Его дальнобойная артиллерия систематически обстреливала дороги, идущие с тыла к фронту.

Я доложил Р. Я. Малиновскому, что время для ввода корпуса в бой упущено... Противник, вероятно, подготовился к встрече наших вторых эшелонов. В воздухе к тому же появились вражеские бомбардировщики и штурмовики, вызванные, видимо, с дальних аэродромов для удара по танковым частям, появление которых предусматривало вражеское командование.

В этот день 1-й гвардейский механизированный корпус не был введен в бой, хотя прорыв фронта обороны противника был осуществлен.

8-я гвардейская армия сменила огневые позиции артиллерии, подтянув ее ближе к наступающим войскам.

Командующий фронтом весь день провел на армейском наблюдательном пункте. Уезжая вечером в свой штаб, он приказал мне и соседним 6-й и 12-й армиям с утра 23 августа продолжать наступление с прежней задачей. Так же подтвердил задачу и генералу Руссиянову — вступить в сражение с раннего утра 23 августа.

На следующий день утром армия после короткой артиллерийской подготовки снова пошла в атаку, очистила полностью село Долгенькое и вышла на западную опушку леса южнее этого села. По приказу командующего фронтом механизированный корпус Руссиянова в густых боевых порядках пошел в атаку. Танки перевалили высоту с отметкой 242,9 южнее Долгенького и тут же внезапно попали под огонь танков противника, закопанных в землю и хорошо замаскированных в кустарнике. Запылали наши танки.

Здесь впервые я увидел, как противник применил противотанковые торпеды, которые запускались из окопов и управлялись по проводам. От удара торпеды танк разрывался на огромные куски металла, которые разлетались на 10—20 метров. Тяжело было нам смотреть на гибель танков, более десятка машин погибло, пока наша артиллерия не нанесла сильный огневой удар по танкам и окопам гитлеровцев.

Все было ясно. Противник за ночь подтянул к опасному участку свои резервы. Мы опять натолкнулись на возросшее сопротивление. Прорыв к Барвенкову враг закрывал трупами, бросая в бой все силы, которые были у него в Донбассе, ибо взятие Барвенкова означало бы для него в сложившейся обстановке катастрофу.

А обстановка для него была действительно катастрофической. Советские войска подходили к Харькову, начавшееся 17 августа наступление войск Южного фронта успешно развивалось. Части 5-й ударной армии под командованием генерала Н. Э. Берзарина прорвали оборону противника на участке Куйбышево — Дмитриевка, продвинулись вперед, за ними в прорыв устремились части



4-го гвардейского механизированного корпуса. Гитлеровское командование не знало, откуда брать резервы.

«22 августа,— пишет Манштейн в своих мемуарах,— было явно днем кризиса. В Донбассе противник вновь атаковал нас. Хотя 6-я армия и смогла сдержать опасный прорыв противника, но ей не хватало сил вновь восстановить положение. На участке 1-й танковой армии новое крупное наступление противника было остановлено, но ее силы иссякли».

23 августа город Харьков был освобожден войсками Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Нас, командиров, иногда спрашивают: какие части или соединения освободили тот или иной город? Я отвечаю, что не всегда части, которые первыми входят в город, являются его единственными освободителями.

Взаимодействие фронтов — сложное дело, и не всегда оно приметно для широкого обозрения.

Несомненно, наше наступление, хотя оно и не нашло развития в глубину, сковало значительные силы врага и дало возможность войскам Степного и Воронежского фронтов достичь успеха.

Могло случиться и иначе. Не перебросив дивизии из-под Харькова, противник мог приостановить наступление советских войск под Харьковом, но тогда части Юго-Западного фронта сражались бы с противником, лишенным резервов, тогда наши усилия на барвенковском направлении увенчались бы успехом, и разгром немецко-фашистских войск начался бы под Барвенковом, с выходом на Харьков и южнее, в направлении на Запорожье.

В основном задачи Ставки нашими войсками на Северном Донце были решены — мы лишили противника маневра, сковали его силы, притянули часть танковых сил на себя.

В августовских боях были созданы предпосылки не только для полного освобождения Донбасса, но и для дальнейшего освобождения всего юга страны.

## Запорожская операция

1

15 сентября, после длительных и бесплодных поисков выхода из надвигающейся катастрофы, Манштейн отдал приказ об отводе основных сил группы армий «Юг» за Днепр, а на южном участке — за реку Молочную.

Днепр избирался и заранее подготавливался как непреодолимый водный рубеж для длительной обороны, как рубеж для создания длительной оперативной паузы, во время которой гитлеровское командование рассчитывало перемолоть наступающие советские войска в обороне, а затем, при благоприятной для них обстановке на западе, вновь захватить стратегическую инициативу.

Линию по Днепру противник называл «Восточным валом».

«Фронтник мечтал,— пишет бывший командир 47-го немецкого танкового корпуса генерал Форманн,— о защите и безопасности за Днепром. Единственный смысл во всех тяжелых боях, которые велись за последние месяцы, он видел в том, чтобы переправиться через реку и там наконец найти покой». Другой немецкий генерал, Кнобельсдорф, добавляет: «При отступлении среди солдат распространялись нелепейшие слухи о новых позициях, оборудованных специальными командами по строительству укреплений... Солдаты говорили о неприступных дотах и в глубине души возлагали величайшие надежды на эту новую линию».

Итак, ведя арьергардные бои, гитлеровские войска отходили за Днепр и Молочную.

Войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов выходили к среднему течению Днепра от Лоева и до Запорожья. С ходу, без оперативной паузы, началось форсирование «Восточного вала» для создания плацдармов на правом берегу Днепра. Войска

Юго-Западного фронта подошли к Днепетровску и Запорожью, к Мелитополю подходили войска Южного фронта.

25 сентября перед командующими Центральным, Воронежским, Степным и Юго-Западным фронтами была поставлена задача: с выходом армий к реке Днепр немедленно форсировать его на широком фронте с целью рассредоточить внимание и силы противника.

Действуя почти на всем протяжении среднего течения Днепра, четыре фронта могли, безусловно, так наделить удары, чтобы противник не смог определить направление главного удара, не смог создать, пользуясь маневренностью своих войск, оборонительный кулак для отражения удара.

Противник отступал на широком фронте, его оборона уже была прорвана, и он еще не успел перегруппироваться и занять новый рубеж обороны. Автором серийности ударов при прорыве укрепленной полосы на широкой протяженности фронта в свое время, как известно, был русский генерал А. А. Брусилев. Будучи командующим Юго-Западным фронтом в годы I мировой войны на русско-австро-германском фронте, он атаковал противника одновременно во многих местах вместо предусматриваемого тогдашней тактикой удара всеми силами на одном участке. Правда, этот прием в 1943 году мог быть действенным только на больших пространствах при взаимодействии сил нескольких фронтов.

Форсирование Днепра началось с ходу.

Перед Юго-Западным фронтом стояла несколько усложненная задача.

Отступая на правый берег Днепра, отводя свои войска за «Восточный вал», противник оставил на некоторых участках сильно укрепленные плацдармы как опорные пункты для возможного контрнаступления, а также как оборонительные рубежи: укрепрайоны, в которых, по их планам, могли быть перемолоты силы наших армий. Плацдарм, оставленный на левом берегу, прижатый к берегу реки, был для гитлеровского командования и некоторой гарантией стойкости войск.

Одним из таких плацдармов, причем наиболее мощным, был город Запорожье.

Поэтому наша Ставка, определяя задачу войскам Центрального, Воронежского, Степного фронтов, перед

Юго-Западным фронтом ставила особую задачу: не позднее 3 октября полностью очистить от противника занимаемый им Запорожский плацдарм и выйти на этом участке к реке Днепр.

В развитие этого последовало тут же и указание командующим Центральным, Воронежским, Степным и Юго-Западным фронтами, а также представителям Ставки Г. К. Жукову и А. М. Василевскому, предписывающее в ближайшее же время ликвидировать все плацдармы, находящиеся в руках противника на левом берегу реки Днепр.

Войска Юго-Западного и Южного фронтов вошли в соприкосновение с противником, занявшим оборону по «Восточному валу», и остановились по рубежу Днепетровск — Запорожье — Мелитополь и далее на юг по реке Молочной, упираясь своим левым флангом в Азовское море. Треугольник Запорожье — Херсон — устье реки Молочной, заранее укрепленный противником, обеспечивал гитлеровскому командованию единый фронт и связь с Крымским полуостровом, прикрывал железорудный и марганцевый бассейны, которые были очень важны для промышленности Германии. Лишившись донецкого угля, Гитлер всеми силами пытался удержать в своих руках металлургическую базу на юге Украины. Крымский полуостров также считался надежным и широким плацдармом и для действий флота, и для размещения на его плато военных аэродромов.

Потеря Крыма имела, кроме того, и политическое значение: это в сильнейшей степени ослабляло гитлеровскую коалицию на юге.

Итак, отведя свои войска на Днепр и реку Молочную, гитлеровское командование сильно сократило фронт, получив возможность на меньшем участке фронта гуще сосредоточить силы для обороны. Перед советскими войсками стояла очень важная задача — не дать возможности противнику спокойно отойти за Днепр, помешать ему закрепиться на новой линии фронта.

8-я гвардейская армия была оставлена в составе Юго-Западного фронта. 23 сентября штаб армии получил директиву командующего фронтом Р. Я. Малиновского сосредоточить армию в 20—40 километрах от Запорожья, в стыке 12-й и 3-й гвардейской армий, подготовленных к наступлению на Запорожский плацдарм.



Отдав соответствующее распоряжение войскам на марш, Военный совет армии с ответственными генералами и офицерами управления армии, с командирами корпусов и дивизий выехали вперед, на рекогносцировку участка наступления.

28 сентября мы весь день провели на передовой, пытаясь с высоток разглядеть прямым наблюдением позиции противника, изучить подходы к ним, районы развертывания артиллерии и других боевых средств, выбирали места для наблюдательных пунктов, намечали систему связи и управления войсками. Рекогносцировка, опрос командиров и штабов передовых частей 3-й гвардейской и 12-й армий, и особенно артиллеристов, дали возможность более или менее полно выяснить силы и средства противника, обороняющего Запорожье. В штабе 17-й воздушной армии мы получили данные о резервах противника и фотосхемы укреплений на плацдарме.

Перед нами располагалась серьезная оборонительная линия. Создавалась она заранее и тщательно.

Здесь мне впервые как военному человеку пришлось в огромном масштабе столкнуться с тем, что Манштейн в «Утерянных победах» называет тактикой «выжженной земли». Вот что он сам пишет об этом:

«В зоне 20—30 километров перед Днепром было разрушено, уничтожено или вывезено в тыл все, что могло помочь противнику немедленно продолжать свое наступление на широком фронте по ту сторону реки, то есть все, что могло явиться для него при сосредоточении сил перед нашими днепровскими позициями укрытием или местом расквартирования, и все, что могло облегчить ему снабжение, в особенности продовольственное снабжение войск».

Чувствуя, что надо как-то смягчить эти строчки, Манштейн далее пишет: «О разграблении этих областей, естественно, не могло быть и речи», «это мероприятие, однако, проводилось группой армий только в отношении военных машин, цветных металлов, зерна, технических культур, а также лошадей и скота».

Вот еще одно свидетельство гитлеровского генерала: «...главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население».

Сказать точнее — население было просто выброшено из этих мест, а тех, кто не хотел расстаться с родными местами, расстреляли во рвах... Как видим, Манштейн даже не оправдывается. Еще бы, ведь им, гитлеровским генералам, принадлежит приоритет использования бесче-

ловечной тактики, которую применяет американская военщина во Вьетнаме.

Стоял конец сентября. Шли дожди. Перед нами, когда мы с высоток рассматривали позиции противника, лежала черная, обуглившаяся равнина.

Перед началом наступления мы имели довольно точную картину укреплений на плацдарме. Штаб фронта и штаб армии получили в свое распоряжение довольно обширные разведданные, которые собирались при активнейшем участии украинских подпольщиков и партизан.

Нам противостояла сложнейшая система инженерных сооружений. Почти за год гитлеровское командование создало внешний и внутренний обводы, состоящие из ряда опорных пунктов, прикрытых непрерывной линией противотанковых и противопехотных препятствий, а между обводами — промежуточные опорные пункты.

На всем протяжении передний край внешнего обвода был прикрыт противотанковым рвом трапециoidalного сечения, от трех с половиной до пяти-шести метров глубины и ширины, причем некоторые участки рва были примерно на метр заполнены водой. Эти глубокие рвы являлись не только противотанковыми, но и серьезными противопехотными препятствиями.

На большом протяжении противотанковые рвы располагались в складках местности. На открытых участках брустверы рва в целях маскировки засеивались просом, ячменем.

На танкоопасных направлениях противотанковые рвы были усилены минами полями. Мины располагались в шахматном порядке в четыре ряда.

Система фортификационного оборудования внешнего обвода строилась с расчетом на длительное сопротивление. Укрытия для личного состава были возведены из прочных материалов, прикрыты настилами, защищающими от огня орудий средних калибров и от прямого попадания мелких авиабомб. Огневые средства размещались таким образом, чтобы можно было вести косоприцельный огонь вдоль рва, почти вплотную к его крутости. Усиленные огневые точки, дзоты, бронеколпаки — для их разрушения требовались сильнейшие артиллерийские и авиационные средства.

На Запорожский плацдарм противник срочно стягивал соединения с различных участков фронта. Так, наша раз-

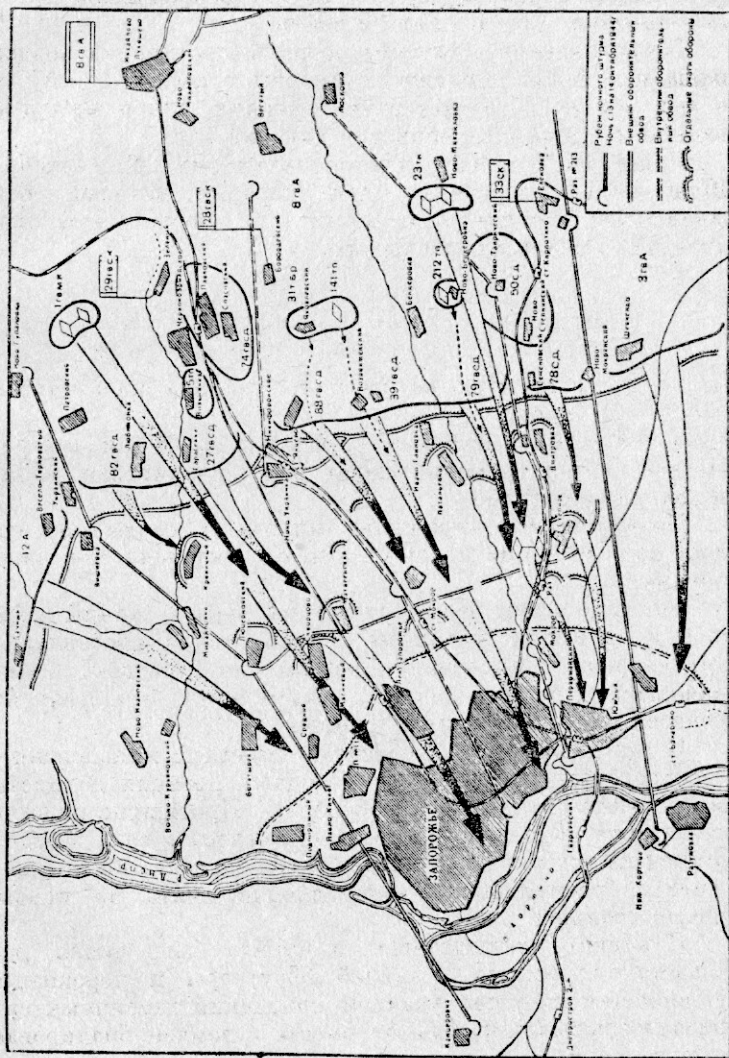


Схема ликвидации Запорожского плацдарма гитлеровцев.

ведка установила, что 27 сентября лишь в первую линию обороны Круглик — колхоз Дмитриевка гитлеровское командование перебросило на усиление обороны три пехотные дивизии: 123-ю, 125-ю, и 304-ю.

Сопротивление в глубине обороны противника поддерживали крупные подвижные резервы, а именно: 40-й танковый корпус в составе двух танковых, одной моторизованной и одной кавалерийской дивизий СС.

Наше наступление планировалось на 30 сентября. Штаб армии разработал план операции, который обсуждался на Военном совете армии, 29 сентября этот план утвердил Военный совет фронта.

2

1 октября на рассвете ударила наша артиллерия.

Участок прорыва был определен в 25 километров. Первый артиллерийский палет был спланирован мощно и концентрированно.

Подключились реактивные минометы. Затем прокатилась по всей линии прорыва, как эхо, канонада всех видов орудий.

Сначала огонь был обрушен на первую линию траншей и на зафиксированные огневые точки (подавлялась артиллерия, установленная врагом для стрельбы прямой наводкой по нашим танкам). Затем огонь был сразу перенесен на вторую линию траншей.

И тут наша пехота произвела обманый маневр: после короткого броска вперед от исходных позиций до противотанкового рва, залегла и окопалась. Противник, полагая, что пехота поднялась под защитой огневого вала в атаку, вышел из глубоких блиндажей в траншеи и открыл огонь. Артиллерийский шквал — немедленно опять на первые линии траншей.

С нашего наблюдательного пункта было видно, как вздымаются вместе с землей брустверы и перекрытия укреплений, как при удачном попадании гаубичных снарядов взрывы выбрасывают вместе с землей бронированные колпаки.

Огонь опять по позициям в глубине обороны. Наша пехота совершает еще короткий бросок через противотан-



ковый ров. Противник снова переходит в траншеи, открывает огонь. Наша артиллерия тут же возвращается к обработке первого ряда траншей. И так несколько раз на протяжении почти часовой артподготовки.

Наш удар не был неожиданным для противника: он готовился его принять. И все же в первую половину дня наши части имели некоторый успех.

Прежде всего, удалось переправиться через противотанковый ров. Этот ров можно было приравнять к переправе через водный рубеж, настолько он был глубоким и широким. Я уже говорил выше, что в нем на метр стояла вода. Перебравшись через ров, пехота успешно штурмовала первые траншеи. Минутами дело доходило до рукопашного боя. Под прикрытием танков пехотные части ворвались в населенные пункты Васильевский, Ново-Украинка, с ходу овладели станцией Янцево, Дружелюбовкой, Новостепнянским, Новоокрянским.

К полудню стал сказываться недостаток в боеприпасах. Противник из глубины плацдарма ввел в действие резервы: к двум часам дня он начал переходить в контратаки при поддержке «тигров», 88-миллиметровые пушки которых превосходили вооружение наших средних танков. Мы несли потери. Несколько раз пришлось отходить чуть ли не до исходных позиций, цепляясь за противотанковый ров, дальше которого врагу проникнуть ни разу не удалось. К концу дня мы опять отбили Васильевский и Дружелюбовку и там закрепились.

Бой затих к вечеру. Итоги дня были малоутешительны. Оборона прорвана не была, задача сбросить вражеские войска с плацдарма оставалась столь же далекой, как и перед началом наступления.

Воины нашей армии показали и мастерство, и мужество в бою, но недостаток боеприпасов не позволял артиллерии поддержать в нужной степени наступающих. С наблюдательного пункта были хорошо видны дуэли артиллеристов с тяжелыми танками контратакующего врага.

После того, как пехота преодолела противотанковый ров, в нем были установлены и отлично замаскированы орудия для стрельбы прямой наводкой. Как только танки противника продвигались ко рву, их встречал уничтожающий артиллерийский огонь и они откатывались назад,

неся большие потери. Но и наш 212-й танковый полк лишился в этом бою нескольких средних танков.

Р. Я. Малиновский нацеливал войска фронта на наступление и 2 октября.

Наступление началось в 8 часов утра после короткого огневого налета на вражеские позиции. Противник опять встретил нас огнем с места. Удалось потеснить его, отбить некоторые его опорные пункты, но к 12 часам дня наше наступление захлебнулось.

Около двух часов дня с наблюдательного пункта заметили на горизонте, в глубине обороны гитлеровцев, движущиеся точки, они надвигались на наши боевые порядки: был брошен против нас 40-й танковый корпус, чтобы отбить наступление на плацдарм. Танки, прикрывая пехоту, двигались полосой в шесть километров по фронту, в две линии. Командующий артиллерией Николай Митрофанович Пожарский успел вовремя принять меры. Я слышал по радию его переговоры и его команды артиллерийским частям. Он сосредоточивал против контратаки противника артиллерийские средства всей 8-й гвардейской армии. Этот удар оказался чувствительным для танков, они отошли. Но вот одно за другим стали поступать тревожные донесения: боеприпасы на исходе. Замолкли одна за другой батареи.

Дальнейшее наступление для нас стало бессмысленным. На фронте соседних армий успеха также не было. В 19 часов 20 минут командующий фронтом отдал приказ о прекращении наступления.

...При всем том, что наступление на нашем участке фронта не получило развития, оно косвенно помогло нашим войскам на других фронтах.

Обратимся к свидетельству того же Манштейна. Он пишет: «Хотя группе армий «Юг» и удалось к 30 сентября отвести свои силы в описанной тяжелой обстановке за Днепр, она не смогла предотвратить того, что противник захватил два плацдарма на южном берегу реки Днепр. Ему удалось вклинуться в стык между 8-й армией и 1-й танковой армией на середине участка между Днепропетровском и Кременчугом. Войска, расположенные (отойдя за Днепр) на южном берегу, были слишком слабы и не сумели помешать переправе. Для того же, чтобы контрударом отбросить противника на противоположный берег, не хватало 40-го танкового корпуса, о выделении которого в качестве подвижного резерва южнее Днепра в свое время был отдан приказ командующего группой армий. 40-й танковый корпус находился еще на Запорожском плацдарме».

Вспомним танковую атаку, которую нам пришлось наблюдать 2 октября, когда наши артиллеристы расстреливали последними боеприпасами танки 40-го танкового корпуса.

Далее Манштейн поясняет: «...После того как в начале октября удалось отразить сильные атаки противника на Запорожском плацдарме (правда, той ценой, что 40-й танковый корпус не смог быть своевременно высвобожден для ликвидации плацдарма противника между Днепрпетровском и Кременчугом), противник возобновил свое наступление, подтянув новые силы... Предпринятая под давлением Гитлера попытка удержать Запорожский плацдарм обошлась нам, во всяком случае, очень дорого...»

Другими словами, 40-й танковый корпус (3—4 танковые и моторизованные дивизии) использовался германским командованием в качестве подвижного резерва для активной обороны Днепра. По замыслу Манштейна, этот корпус должен был выступать главной контратакующей силой, с которой должны были взаимодействовать остальные силы армий при контрударе по плацдармам, занятым советскими войсками. В первую очередь предполагалось направить его против плацдарма между Кременчугом и Днепрпетровском, который был захвачен войсками Степного фронта под командованием И. С. Конева. Наше наступление 1 октября не позволило Манштейну высвободить 40-й танковый корпус с плацдарма, наоборот, мы заставили ввести этот корпус в бой, нести потери и, главное, потерять время, которое было выгодно использовано войсками Воронежского и Степного фронтов.

Итак, 3 октября наступательные операции 8-й гвардейской армии на Запорожском плацдарме были приостановлены. Войска всего Юго-Западного фронта перешли к подготовке нового наступления.

### 3

Запорожская операция в ходе ее развития приобретала свои сложности.

Новый штурм плацдарма должен был начаться в 7 часов 50 минут 10 октября, но с исходных позиций уже за противотанковым рвом, что значительно облегчало действия наших войск, в особенности при недостаточном обеспечении артиллерии боеприпасами. Противотанковый

ров противника, как я уже рассказывал, был преодолен 1 октября. С 3 по 10 октября эти позиции удерживались частями 8-й гвардейской, 3-й гвардейской и 12-й армий.

Штурм города Запорожья планировался в ночь с 13 на 14 октября.

С 4 октября и вплоть до наступления велась усиленная разведка огневых позиций противника, отрабатывались приемы штурмового боя. Задачи на наступление доводились не только до командиров корпусов и дивизий, но до полка, батальона, до роты и отделения. Формировались по примеру сталинградских штурмовые группы для боя на улицах города.

Исходя из новой обстановки, штаб армии уточнял ход всей операции на глубину.

В результате подготовительной работы всех звеньев армии я получил возможность принять развернутое решение на проведение операции, исходя из задач, поставленных командованием фронта перед 8-й гвардейской армией, — нанести главный удар в стыке 3-й гвардейской и 12-й армий.

Перед утверждением плана наступательной операции на Запорожье командующий фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский провел совещание в штабе 8-й гвардейской армии, на которое были приглашены командующий 12-й армией генерал А. И. Данилов, командующий 3-й гвардейской армией генерал Д. Д. Лелюшенко, командующий 17-й воздушной армией генерал В. А. Судец.

На этом совещании было отработано взаимодействие между армиями, между родами войск, участвующими в наступлении.

При этом было подчеркнуто еще раз, что главный удар наносит 8-я гвардейская армия, которой придавались средства усиления. За правым флангом армии был поставлен 1-й гвардейский механизированный корпус И. Н. Руссиянова, а за левым флангом — 23-й танковый корпус Е. Г. Пушкина, оба в готовности развить наступление 8-й гвардейской армии.

В ночь с 5 на 6 октября была произведена перегруппировка артиллерии и танков на направлении главного удара. В частях армии были проведены ночные учения. Штабы корпусов отрабатывали оперативную, разведывательную и тыловую документацию. Отрабатывались



вопросы взаимодействия в звене: дивизия — полк — батальон. Артиллерия производила пристрелку и разрушение обнаруженных целей. Продолжался подвоз и пополнение боеприпасов.

К наступлению, к утренней атаке на рассвете все было готово. Все было уточнено по всем звеньям армии. И солдаты, и офицеры, и генералы — все имели возможность перед боем отдохнуть, привести себя в порядок. Пищевое довольствие на вечерний ужин было выделено по усиленной норме. Оставалось время и поспать, набраться сил для завтрашнего боя, для боя, который, может быть, продлится несколько суток.

Наступила ночь с 9 на 10 октября.

Перед атакой, в предчувствии ожесточенного боя, не спится ни солдату, ни генералу. Это как перед прыжком в неизвестность. Хотя, казалось бы, все уже привычно: не один бой за плечами солдата и генерала.

Спрашивают: а до того ли солдату, чтобы думать и вспоминать, когда он не знает, останется ли жив.

Отвечаю: есть о чем подумать, есть о чем и вспомнить...

Ночь. Ни одного костра, ни одного огонька, даже вспышки спички и огнива не заметишь. Тишина передовой! Это особенная тишина. То там, то здесь ударит орудие: свое или противника. Взлетают над его позициями осветительные ракеты. На этот раз о подготовке нашего наступления там знают, готовятся к нему. Единственно, что им неизвестно, это — когда? Сегодня, завтра, на рассвете, или под вечер, или среди дня? Знают и нервничают. Самолеты сбрасывают на парашютах осветительные бомбы. Ждут...

И все же это тишина. Приостановилось всякое движение. Войска уже на исходных, прекратились разговоры, а если где и собрались солдаты пошутить или поговорить по душам перед боем, то разговор идет вполголоса, шепотом.

Иду по траншеям, где солдаты изготовились к утреннему броску в атаку.

Вот, прикрывшись плащ-палаткой, низко надвинув каску, полулежит автоматчик. Рядовой стрелок. Немолодой человек, видимо, из последних внеочередных призывов. Сразу и не угадаешь, сон ли смежил ему веки, или застыл он в раздумье. Я остановился, солдат встал. В тем-

ноте он не видит моих знаков различия, но угадывает, что перед ним генерал.

Мы поздоровались, я представился. Солдат вытянулся, я взял его за руку, присели рядом. Прикрывая ладонями огонек спички, закурили.

— Завтра, товарищ командующий? — спрашивает солдат.

Я и без пояснений догадываюсь, о чем он спрашивает: завтра ли наступление, не отложено ли оно по каким-либо соображениям?

— Завтра, солдат! А может, отложить? Все ли готово, на твой солдатский взгляд?

Солдат минуту думает. Не из торопливых. Отвечает так же не торопясь, раздумчиво роняя слова:

— По-солдатски, по-нашему, товарищ командующий, мы давно готовы! Как там фронты да армии — это нам не видно... Наша готовность, товарищ командующий, — это бить, и как можно скорее. Самое страшное не бой, страшно ожидание, и нет ничего хуже для солдата, когда откладывают назначенное наступление...

— Как же так? — спрашиваю. — День прошел, атаки нет — вот тебе еще один день жизни...

— Но она будет! Обязательно будет, зачем же ждать! Тут собрался с силами, тут весь как струна натянут, а глянь — и отложено... Опять собирайся сначала. А убить? Убить и в атаке и в обороне могут... В обороне еще даже способнее и глупее... Летит снаряд — он не выбирает. А в атаке? — В атаке, товарищ командующий, можно и самому кое о чем подумать. Вовремя подняться, вовремя лечь, чувствовать бой надо!

— Стало быть, завтра — это не первая твоя атака, солдат?

Солдат тяжело вздохнул.

— Не первая, товарищ командующий, но всегда идишь, как в первый раз! Началось-то у меня все с Купоросной балки. Отдельная бригада морских пехотинцев... Может быть, припомните, товарищ командующий?

Купоросную балку в Сталинграде нельзя было забить. И морские пехотинцы там себя показали! Знал я, что многие из них уцелели.

— Так с той поры и в строю? — спросил я осторожно.

— В Сталинграде после Купоросной в госпитале отлеживался...

— На том берегу?

— На тот берег переправить не успели. В подвале наш госпиталь размещался... В Голой Долине царшило. Но я и из строя не выходил. Ни к чему было.

— Ну, а завтра? Что думаешь о завтрашнем дне?

— Будет бой, товарищ командующий, расторопны будем — останемся живы, кто напугается — тому из боя не выйти. Пугаться нам — долгая ночь впереди, а как пойдешь — там уже пугаться некогда...

В траншеях мало кто спал...

Осенние ночи на Украине темны и глухи, звезды блещут, как омытые дождем.

Иду по траншеям. То там, то здесь слышится слабое позвякивание оружием.

Невольно приходит на память стихи Лермонтова, точно отражающие настроение солдат перед боем:

...Но тих был наш бивак открытый.  
Кто кивер чистил, весь избитый,  
Кто штык точил, ворча сердито,  
Кусая длинный ус...

#### 4

Командно-наблюдательный пункт 8-й гвардейской армии фактически был превращен в командный пункт фронта. С ночи ко мне приехали Р. Я. Малиновский и А. С. Желтов.

Командующий нервничал, прекрасно понимая, какие трудности ожидают нас в боях за плацдарм. Хотел сам, своими глазами видеть, как пойдет атака.

К нашему КП протянулись провода не только армейской, но и фронтовой связи. У нас работал и командующий 17-й воздушной армией В. А. Судец. Прямая связь поддерживалась и с командиром 23-го танкового корпуса генералом Е. Г. Пушкиным, и командиром 1-го гвардейского механизированного корпуса генералом И. Н. Русановым.

С трудом занимался поздний осенний рассвет. В лощинах плавал редкий туман. Заалело на востоке небо. В 7 часов 10 минут ударили гвардейские минометы.

Цели были отлично разведаны.

Мы могли видеть с наблюдательного пункта, как заполняло поле, накрытое этими залпами. Огонь, дым, клубы

пыли, далекий раскат разрывов. Тут же открыла огонь и тяжелая артиллерия. Голосов не слышно, в наушниках радиции сплошной треск.

Генерал В. А. Судец знаками показывает нам: посмотрите на небо. На обработку обороны противника вышли наши штурмовики и бомбардировщики.

Вдохновенно дирижировал своим артиллерийским «оркестром» генерал Н. М. Пожарский. Вот он перекинул огонь в глубину вражеских позиций. Огонь рассредоточился по заранее спланированным целям. Тяжелая артиллерия подавляла огневые позиции противника. Вновь зарокотали гвардейские минометы. Этот удар — после короткой паузы — опять же по первой линии траншей гитлеровцев, по огневым точкам, по позициям, где укрывалась сейчас их пехота. Вслед за залпом «катюш» переносится на первые траншеи и огонь всей армейской артиллерии. Короткий налет — и снова удар по вражеским огневым точкам. А в этом перерыве — налет штурмовой авиации на линии окопов и артиллерийские позиции.

Сорок минут огня! Тонны стали на врага. Все глухнут. Снова и снова гремят залпы, еще не опал черный дым, а наша пехота поднимается в атаку.

Не везде одинаково удобны исходные позиции. Кое-где нам пришлось разместить солдат сзади противотанкового рва. Во рву хранились фашины, мешки с балластом. В иных местах пехота сразу вырвалась на нейтральную полосу. За ней в боевых порядках шла артиллерия.

Последний залп гвардейских минометов.

Первый рывок пехоты артиллеристы сумели надежно прикрыть.

Медленными, очень медленными на таком дальнем расстоянии кажутся перебежки пехоты, хотя люди бегут, как только им позволяют силы. Бегут, уменьшаются на глазах фигурки. Вот они исчезают.

— Залегли? — встревоженно спрашивает Родион Яковлевич.

Начальник оперативного отдела штаба армии полковник Камынин неотрывно смотрит в бинокль. Докладывает:

— Нет! Не залегли! Они в первых траншеях...

Что там в первых траншеях? Рукопашная схватка? Если уж наши дошли до первых траншей, то зацепятся. Иного быть не может.



Видно, как разворачиваются для прямой наводки орудия. Прямой наводкой артиллеристы разрушают ожившие огневые точки противника. Из первых отбитых траншей гвардейцы делают рывок в глубину обороны.

Главное сейчас — опорные пункты и высоты. Местность трудная для атаки и штурма. Равнину испятнали старинные могильные курганы. Каждый такой курган — позиция для обороны, каждый курган оборудован для обороны как НП или как дзот. Косоприцельный огонь заставляет залечь нашу пехоту. В дело вступают наши танки. Они почти в упор расстреливают зарывшегося в землю врага. Бьют из пушек, из пулеметов. Еще перебежка, еще...

Поступают первые донесения с поля боя. Везде, по всей линии наступления, гвардейцы потеснили противника, захватили первые траншеи, завязали бои за опорные пункты в глубине обороны.

Время летит неощутимо — уже час идет непрерывная ожесточенная схватка с противником.

Прикрывшись опорными пунктами, он переходит в контратаки. Тактика эта нам известна. Кое-что и мы подготовили со своей стороны. Командиры соединений и частей были строго проинструктированы: не залегать, а принимать контратаку атакой. В создавшейся обстановке это в общем-то единственный выход. Противник выходит на встречный бой, а инициатива и превосходство в силах у нас. Да, эта тактика нам на руку! Было бы хуже, если бы враг залег и огрызнулся. У нас не достало бы боеприпасов выковыривать каждого пулеметчика и автоматчика из укрытий, подовать закопанные в землю танки. Гитлеровцы сами себя раскрывают и сами идут под огонь. Наша тактика эффективна: в открытом поле перемалывается их живая сила и техника.

Их командование бросает в бой крупные танковые группы в сопровождении самоходных орудий. Наши танки огнем с места, из-за укрытий, почти в упор их расстреливают. Большие неприятности доставляют «тигры» и «фердинанды» с их 88-миллиметровыми орудиями. Только сейчас мы вполне можем оценить, как трудно приходилось танкистам в единоборстве с этой техникой на Курской дуге. Лобовая броня «тигра» и «фердинанда» недоступна для нашего 76-миллиметрового орудия. В то же время его 88-миллиметровая пушка имеет большую на-

чальную скорость полета снаряда, это создает высокую его пробойность. «Тигра» надо бить в борт. Это артиллеристы хорошо усвоили, но немецкий танкист не подставляет борт своей машины.

Гвардейцы привыкли к танкам. Что это значит — «привыкнуть к танкам»? Это значит, что они их не боятся, зная, что вблизи танки теряют огневую мощь. Они пропускают их сквозь свои боевые порядки. Обрушивают огонь на пехоту, следующую под прикрытием танков, и бьют по танкам огнеметами, из противотанковых ружей, забрасывают их гранатами и бутылками с горючей смесью.

К середине дня начала проявляться картина сражения. Общее продвижение составляло по всей линии до трех километров. Немного. Но важно отметить, что гитлеровцы все же были сбиты со своих позиций, образовалась тактическая вмятина.

К концу дня начали стекаться сведения о потерях. Поступили подсчеты, что за день боев было убито до двух с половиной тысяч вражеских солдат и офицеров, взято в плен 69 солдат, уничтожено 19 орудий, 12 минометов, 47 пулеметов, 7 автомашин и бронемашин, взорвано 3 склада с боеприпасами.

Как видим, трофеи совершенно незначительны, а они как раз отражают эффективность наступательных действий. Не характерно для наступления и то, что убитыми враг потерял около двух с половиной тысяч человек, в основном во время контратак.

Из этих данных слагалась для нас тактика на следующий день наступления. Кое-что подсказали нам и действия немецких танковых группировок.

Каждое наше вклинение во вражеские боевые порядки, захват населенного пункта или высоты немедленно вызывали контратаки танков, которые нам с Р. Я. Малиновским отлично были видны, особенно удары «тигров», прошивающих наши боевые порядки и прорывающихся вплоть до противотанкового рва внешнего обвода.

Во второй половине дня во время их контратак наша пехота несколько раз применила дымовые завесы. Это ослепляло экипажи, они останавливались и многие становились жертвами истребителей танков, которые подползали на бросок гранаты, и — «тигры», получив тяжелые повреждения, отбуксировывались с поля боя или даже сгорали на месте.

Так родилась идея обескровить 40-й танковый корпус противника, пользуясь дымовыми завесами и наступающей темнотой; вырисовывалась необходимость ночного боя.

Ночной бой мог принести свои результаты еще и потому, что ночью могли успешнее действовать штурмовые группы истребителей танков. Противник не отводил от передовых позиций танки, держал в боевых порядках своей пехоты, пряча их в заранее вырытых укрытиях. К тому же ночью на танкоопасных направлениях имели возможность выставить минные заграждения и наши саперы.

Бой 10 октября закончился поздно вечером. Я поставил задачи командирам корпусов на утро — эти задачи во многом повторяли задачи на первый день наступления. А ночью приказал действовать штурмовым группам...

Уже за полночь. Штурмовые группы уходят в расположение противника. В каждой по три-пять человек во главе с офицером или сержантом. Задача — незаметно подползти вплотную к танковым укрытиям, взять на прицел люки и забросать танки гранатами и бутылками с горючей смесью. За день вражеская пехота подтянулась к своим опорным пунктам, укрылась в глубоких блиндажах и дзотах. Это облегчает задачу.

Позиции противника тонут в ночной тьме. По полю стелется дым. Этот мрак не пробивают даже осветительные ракеты, которыми немцы успокаивали себя. И вдруг где-то там, в глубине вражеской обороны, яркая вспышка. Как взорвавшаяся звездочка. Одна, другая, третья... И опять все тонет во мраке. Иной раз вслед за этими звездными вспышками — это рвутся противотанковые гранаты — раздается взрыв, и к небу взмывают огненные языки. Это загорелся танк, взорвались его баки с горючим. Сразу же оживает десяток огневых точек противника. Тьму прорезают трассирующие струи. Наши артиллеристы, конечно, засекают огневую точку. Если она пристреляна, раздается два или три орудийных залпа. Точка гаснет... Опять тьма. Условная фронтовая тишина, тишина передовой.

Вот вдруг в расположении противника открывается ураганный ружейно-пулеметный огонь. Что это? Может, враг засек продвижение нашей штурмовой группы? Или

у него не выдержали нервы? А там ведь наши люди. Там гвардейцы, бесстрашные сталинградцы.

А вот полыхнуло в отдалении, почти у горизонта. Пламя. Это еще один танк загорелся. Теперь вражеские пулеметы бьют по всей линии фронта, расчерчивают небо осветительные ракеты...

И так до утра!

Скажу прямо, это ночное зрелище выглядело странно и вместе с тем волнующе.

Утром 11 октября в 8.00 открыла огонь артиллерия всего фронта. Дивизии изготовились к атаке.

20 минут артподготовки, и в 8.20 атака.

Из штаба 82-й дивизии сообщают, что вышли на рубеж Васильевка. Дальше продвинуться не могут из-за сильного огня противника. Приказываю закрепиться на достигнутом рубеже, больше людей в атаку не поднимать.

27-я гвардейская стрелковая дивизия с первых же минут атаки натолкнулась на контратакующие танки. Солдаты залегли, пропуская их сквозь свои боевые порядки. Танки встречены 152-миллиметровыми орудиями, выдвинутыми на позиции для стрельбы прямой наводкой. Их контратака отбита, в контратаку пошла пехота противника. Продвигаться вперед дивизия не может.

Части 28-го гвардейского стрелкового корпуса встретили с первой же минуты сильнейшее огневое сопротивление. Залегли.

Более радостные сведения из 33-го стрелкового корпуса. Его 78-я дивизия потеснила противника, подошла к восточной окраине колхоза Дмитровка.

Даю приказ: истреблять танки любыми доступными средствами! Сейчас это главное. Враг непрерывно бросает их в контратаки. Весь день войска в активной обороне. И вот поднимаются над полем боя факелы горящих танков. Только по приблизительным подсчетам около двадцати, а сколько их отбуксировано с повреждениями, мы учесть не можем. Потери противника значительны... К концу дня видны результаты: прежде всего поведение танкистов ощутимо изменилось. Они уже не отрываются от своей пехоты, не прорываются сквозь наши боевые порядки.

В районе поселка Ивановки захвачен подбитый «тигр». Вместе с командующим бронетанковыми и механизированными войсками армии полковником М. Г. Вайнрубом и



командующим артиллерией генералом Н. М. Пожарским едем на место происшествия. Интересно, что это за зверь такой, этот «тигр»?

Башня пробита прямым попаданием 122-миллиметрового снаряда. Около танка с десятком трупов вражеских солдат, в танке четыре убитых танкиста.

Мощное сооружение! Отличная конструкция оптического прицела, сильная 88-миллиметровая пушка, лобовая броня устойчива к прямому попаданию 76-миллиметрового снаряда. В танковых боях сорок третьего года они, несомненно, могли иметь успех, но к тому времени мы тоже (спасибо тылу), имели мощные самоходные 122-миллиметровые орудия, которые пробивали броню «тигров».

По сталинградским традициям генерал Н. М. Пожарский и полковник М. Г. Вайнруб тут же на поле боя, у разбитого «тигра», открыли что-то похожее на летучие курсы для истребителей танков. Шел разбор, на какую дистанцию его подпускать, где наиболее уязвимые места, как бить его, как свести на нет его боевые преимущества.

Закончился второй день наступления.

В течение этих двух суток командующий фронтом Р. Я. Малиновский и член Военного совета А. С. Желтов безотлучно находились на наблюдательных пунктах 8-й гвардейской армии, на направлении главного удара. Через них мне было известно, как обстоят дела и у соседей — в 3-й гвардейской и 12-й армиях. Картина та же, что и у меня. Лишь 12-й армии удалось несколько продвинуться. Но и там контратаки следуют одна за другой, в основном силами 40-го танкового корпуса.

Третий день наступления. Задачи прежние: попытаться развить успех на ранее определившихся направлениях, вести истребительную борьбу с танками.

В ночь на 12 октября опять в расположение противника начали проникать истребительные штурмовые группы. Опять всыхивали в ночи яркими факелами его танки. Саперы устанавливали мины на танкоопасных направлениях, артиллеристы подтягивали орудия для стрельбы прямой наводкой.

12 октября в 8.00 началась артподготовка по зафиксированным за ночь целям. После получасовой артподготовки в 8.30 пехота с поредевшими танками поддержки опять пошла в атаку, прогрызая вражескую оборону. Танковый

корпус генерала Е. Г. Пушкина и механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова в бой не вводились.

С утра противник отбивался мощным артиллерийским огнем, потом начал контратаки. Наши войска уничтожали контратакующих.

В полдень определилось, что контратаки выдыхаются. Установился некий незримый, но все же ощутимый для тех, кто следил за боем, перелом. Надо сделать еще одно усилие — и противник будет сломлен.

Р. Я. Малиновский и член Военного совета А. С. Желтов находились у меня на командном пункте в полутора километрах западнее поселка Червоноармейского. Мы видели эту перемену в состоянии противника. Впереди нас метрах в двухстах, тоже на кургане, располагался наблюдательный пункт командира 27-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора В. С. Глебова.

Наши войска третий день вели напряженные бои, солдаты и офицеры устали. Они могли проглядеть, что противник колеблется, что его положение сделалось неустойчивым, и упустить момент для решающего рывка. Чтобы подтолкнуть части 27-й дивизии на этот рывок, я со своим адъютантом пошел на наблюдательный пункт В. С. Глебова. Поговорив с ним лично, а по телефону и с командирами полков, поставив перед ними конкретную задачу, исходя из сложившейся обстановки, я той же дорогой пошел обратно. Вероятно, с вражеской стороны обнаружили какое-то движение на наших курганах, может быть, решили, что мы меняем командный пункт. Словом, открыли ураганный артиллерийский огонь по высоткам и по дороге между курганами. Мы с адъютантом оказались как раз на полпути между курганами и попали как бы в огненное кольцо. Снаряды рвались со всех сторон. И никакого укрытия. Лишь одинокий, чудом уцелевший телеграфный столб. Мы и упали возле этого столба, я с одной стороны, адъютант — с другой. Огонь велся беспорядочно, и нельзя было угадать, куда упадет следующий снаряд, на то место, где мы залегли, или на то место, куда мы попытались бы отползти. Мы лежали, прижавшись головами к столбу. Я видел открытый рот адъютанта, он что-то мне говорил, но слышать было невозможно из-за грохота рвущихся снарядов. Вдруг лицо адъютанта исказилось, в глазах отразился ужас. Секундой позже я понял, что его задело осколком и он теряет сознание от боли.

Тогда я вскочил, вскинул на руки адъютанта и бросился бегом к кургану. Будто и тяжести ноши не почувствовал. Ждать в голову снаряда, никак не сопротивляясь судьбе, оказалось не в моем характере.

Родион Яковлевич, наблюдавший за этой сценой из укрытия, встретил меня шуткой:

— Говорил я тебе, таскай всегда с собой канавку, не попал бы в такую переделку...

И он, и генерал А. С. Желтов вечером уехали с нашего наблюдательного пункта, крайне расстроенные тем, что не удалось выполнить директиву Ставки и сбросить гитлеровцев с плацдарма. Срок взятия Запорожья, установленный на 15 октября, приближался, а мы, по существу, все еще топтались на месте.

Вот уже и третья ночь нашего наступления. Что же делать? Продолжать действия штурмовых групп? Но противник уже разгадал нашу тактику. Несомненно, он ждет штурмовые группы и может предпринять какие-то свои меры. Может, например, отвести с ближних позиций свои танки, а штурмовые группы взять под прицел пулеметов. С другой стороны, именно ночью мы имели наибольший успех!

Ночное наступление силами всей армии? Люди измотаны, а такое наступление нужно готовить заблаговременно. Наш транспорт с трудом справляется с подвозом боеприпасов.

Однако ночью не нужно и, пожалуй, даже бессмысленно вести полную артподготовку. Достаточно нанести удар по заранее пристрелянным целям. Враг будет ожидать появления штурмовых групп, а мы на него навалимся всеми огневыми средствами.

После недолгих размышлений мы на Военном совете армии приняли решение вести ночной бой.

Разведка дала нам сведения, что гитлеровское командование под покровом темноты начало отвод своих танков на вторые позиции и развертывает их в глубине обороны по линии: Богатыревка — Скворцово — станция Мокрое — Степное. Удары штурмовых групп по танкам оказались действенными и впечатляющими для противника.

На первых позициях оставались лишь потрепанные пехотные части и артиллерия.

Стало быть, ночной ближний бой мог нам как-то компенсировать недостаток в снарядах. Ночью танки противника не могли вести прицельного огня.

В 23.00 вся артиллерия армии произвела массированный, мощный артиллерийский налет по точно разведанным целям, который длился всего десять минут. В 23.10 пошли в атаку танки, прикрывая следовавшую за ними пехоту.

За ходом боя, естественно, наблюдать было невозможно. Управлять боем можно было только с помощью телефонов и радиосвязи.

Через какой-то незначительный срок стали поступать донесения. По рации я прослушивал все переговоры между командирами корпусов, дивизий и полков. Становилось очевидным, что удар нанесен вовремя. Силы вражеского сопротивления, как и предполагалось еще днем, оказались на исходе.

С правого фланга поступали сообщения о продвижении сразу на значительную глубину, что для этих боев было совершенно необычно.

Развивал наступление на главном направлении и 28-й гвардейский стрелковый корпус. Его части продвинулись на 5—6 километров и остановились, встретив сильное огневое сопротивление. Левому флангу, где действовал 33-й корпус, не ставилось задач на большое продвижение. Он должен был вести разведку боем. Но, ведя разведку боем, левый фланг тоже продвинулся вперед до полутора километров.

К утру определились новые рубежи, на которых закрепились наши части: Люцерна, Матвеевка (крупная железнодорожная станция в прямом направлении на Запорожье), Чумацкий, Крюков. Криничное и целая система опорных пунктов на высотах остались позади. Исходные позиции для дневного наступления были на этот раз более благоприятны. Наступил перелом, которого мы добивались в упорных боях, начиная с 1 октября.

Рано утром 13 октября мне позвонил по телефону Р. Я. Малиновский. Я обстоятельно доложил о ночных действиях армии. Родион Яковлевич попросил меня никуда не отлучаться, предупредил, что немедленно выезжает ко мне на командный пункт. Не бросая трубки, он тут же соединился с командующим 17-й воздушной армией гене-



ралом В. А. Судецом и поставил перед ним задачи, вытекающие из нашего почного продвижения.

Я, в свою очередь, сообщил командующему фронтом, что после короткого отдыха войска армии часов в 8—9 утра вновь возобновят наступление ограниченными силами, чтобы не дать противнику произвести какие-либо маневры. Мое предложение тут же было утверждено.

Р. Я. Малиновский приехал в 10 часов. Мы встретились на высоте 137,6, южнее поселка Никифоровского. В это время уже по всему фронту шел бой. Я не ставил задач на сильное продвижение частям, ожидая контратак, в ходе отражения которых представлялось возможным опять перемальвать живую силу и технику врага. И он контратаковал, но уже без прежней силы. И ни в одном пункте не смог потеснить наши войска, хотя солдаты и были утомлены ночным боем.

Сидеть на наблюдательном пункте и ждать донесений из штабов соединений и частей было нестерпимо. Мы все разъехались на машинах в разных направлениях по штабам и войскам, уточнять боевую обстановку, добиваться активных действий. Часов около пяти вечера я вернулся на свой наблюдательный пункт. Доложили, что командующий фронтом приказал найти меня и пригласить к нему в землянку, только что оборудованную саперами.

Стоял яркий солнечный день. Я опустился на несколько ступенек вниз, вошел в землянку и от яркого света сразу ослеп. Наступаю кому-то на ноги. Слышу протестующий голос Р. Я. Малиновского. Я начал извиняться, но он перебил меня вопросом.

— Василий Иванович! А если наступать ночью? С темнотой! Ослепить как следует гитлеровцев и ударить? Что думаешь?

— Как наступать? — попытался я уточнить.

— Наступать всеми силами фронта! — ответил Малиновский.

Вижу, что успех ночного боя что-то подсказал командующему фронтом. Я поторопился поддержать эту идею:

— Лучшего ничего нельзя придумать!

Тут же, в землянке командующего фронтом, начали составлять план ночного штурма Запорожья.

Документально оформлять что-либо некогда, в войска немедленно давались соответствующие распоряжения.

Первое, что было сделано, — это прекращено наступление. Солдатам надо было дать хотя бы короткий отдых (три или четыре часа) перед ночным боем. Срочно был передан приказ артиллерии армии подтягивать боеприпасы, готовиться к ночному артобстрелу. Штабы всех соединений были полностью переключены на разработку почного штурма. Общие задачи давно уже были всем известны. Но они были отработаны для дневного боя. Ночной бой нес с собой свою специфику. Каждой наступающей части надо было придавать проводника из штабов, который хорошо знал местность и должен был уметь ориентироваться на ней в ночное время. Не везде и не сразу нашлись такие офицеры. Нужно было выкроить время и на их подготовку. Какой-либо перегруннировки войск не предусматривалось.

Утвердили, что артиллерийский налет будет коротким, не более десяти минут. Огонь артиллерии ночью не мог быть прицельным. Удар по определенным целям — и достаточно. Снаряды надо беречь для огня прямой наводкой по укреплениям противника и для боя утром.

Особые задачи были возложены на 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпус. Не обошлось без серьезных споров, когда их вводить. Несомненно, о вводе этих корпусов до того, как был бы полностью завершен стрелковыми частями полный прорыв оборонительных рубежей, мы не могли и думать.

Перед нами лежал город, а за ним Днепр — задач для действий на оперативном просторе для танковых соединений мы поставить не могли. В то же время танковый прорыв в город мог значительно ускорить события, облегчить стрелковым частям разгром частей противника перед городом и уличные бои. Учитывая, что в предшествующих боях противник был сильно потрепан, что он начал отводить свои танковые части в глубину обороны, а возможно, готовил их эвакуацию с плацдарма, удар танковым и механизированным корпусами получал в общем-то законное право на жизнь. Оба корпуса намечалось ввести в бой одновременно с продвижением стрелковых частей 8-й гвардейской армии на правом и левом флангах прорыва. Координировать действия танковых соединений и стрелковых частей армии должен был я как командующий армией, в полосе которой вводились в прорыв эти соединения.

Командующий фронтом поставил также задачи на ночной штурм 3-й гвардейской и 12-й армиям.

Что нас привлекало в плане ночного наступления, кроме обычных преимуществ, которые давал ночной бой? — Это прежде всего внезапность. Ночное наступление силами целого фронта — явление в военном искусстве необычное. В ходе Великой Отечественной войны ночные сражения велись довольно часто, но таких — силами трех армий и двух танковых корпусов — не было. Стало быть, гитлеровское командование не сразу, не в первый же момент удара догадается, что весь фронт перешел в наступление, поэтому не сможет должным образом сориентироваться, пропустит нужный момент для маневрирования резервами, и мы сможем осуществить решительный прорыв к городу. Мы поступили вполне резонно, что около 5 часов вечера приостановили наступление: противник мог подумать, что наши силы иссякли.

План ночного наступления требовал быстрых и энергичных действий от командиров всех степеней и их штабов. На разработку плана для армии у нас ушло с генералом В. Я. Владимировым не более 40 минут. Члены Военного совета армии с офицерами штаба армии сейчас же отправились по корпусам и дивизиям, чтобы довести план ночного наступления до каждого командира.

К 20 часам в основных чертах все было подготовлено. Я вернулся на свой командный пункт в поселок Червоноармейское. Подписал самые необходимые распоряжения и сейчас же со своими непосредственными помощниками выехал в дивизию, чтобы оттуда руководить боем. На командном пункте остался начальник штаба армии генерал В. Я. Владимиров.

Близился установленный час для короткого ночного артналета на позиции противника. Мы разъезжали по позициям с командующим 17-й воздушной армией. В. А. Судец приехал к нам, «наземникам», в гости и выразил желание наступать вместе с нами, поскольку ночью он мог вести лишь ограниченные действия.

Стояла лунная ночь. С минуты на минуту должен начаться артиллерийский налет. Мы уже побывали с Владимиром Александровичем в нескольких дивизиях. Заехали к командиру 27-й гвардейской стрелковой дивизии В. С. Глебову. Он спал. Молодой, энергичный генерал. Через несколько минут его части перейдут в наступление,

а он спит! Нам с Владимиром Александровичем стоило немалых усилий разбудить генерала. Он отдал в полусне все необходимые распоряжения и стоя заснул. Четверо суток не спал человек. Как мне потом доложили, лишь только мы уехали, он тут же лег и проснул до окончания ночного штурма. Случается и такое: и человеческие силы имеют свой предел.

В 21 час 50 минут небо спереди и сзади нас вспыхнуло багровыми и оранжевыми отсветами. Вся артиллерия фронта открыла огонь. Все слилось в один сплошной гул и грохот. Огненными струями понеслись снаряды реактивных минометов. Артналет длился всего десять минут... В глухой тишине после артналета было слышно, как урчат танковые моторы, скрежещут гусеницы. Танки на полной скорости, некоторые с зажженными фарами, неся на себе десантников, устремились на ослепленного врага. И вот уже гремит русское «ура!» в глубине позиций противника.

На этот раз получилось. Несколько минут — и танки исчезли из пределов видимости.

Коротким ударом наши войска везде выбили противника с позиций второго оборонительного обвода. Потянулись первые вереницы военнопленных. Тут же на месте наши разведчики допросили некоторых солдат. Широко ночное наступление оказалось для них полностью внезапным. Их командование считало, что для наступления у нас уже нет сил. Накануне многие офицеры на ночь уехали в город, солдаты легли спать, не ожидая ничего, кроме действия штурмовых групп.

К середине ночи определилась обстановка. Повсеместно второй оборонительный обвод был прорван. В прорыв были введены танковый корпус Е. Г. Пушкина, а вслед за ним и мехкорпус И. Н. Руссиянова.

Рассвет застал советские войска у черты города. Местами наши танки и пехота ворвались на городские улицы и вели там бой.

Подтянув артиллерию и боеприпасы, сменив наблюдательные пункты, войска фронта после короткой передышки в 8.00 одновременным ударом со всех сторон начали завершать штурм города.

Противник из последних сил пытался оказывать сопротивление. Заговорила его тяжелая артиллерия с правого берега, в небе появилась авиация противника. Они прикрывали переправы для отхода своих войск.



Темп, приобретенный в ночном наступлении, не снижался.

Местами завязались ожесточенные рукопашные схватки. Гвардейцы повсюду теснили врага, деморализованного ночным разгромом. Бросая артиллерию и тяжелую технику, противник отходил к переправам. Но там, на переправах, господствовала в воздухе наша авиация. Немногом довелось уйти с Запорожского плацдарма. Тяжелые кровопролитные бои за город Запорожье подходили к концу. 14 октября к 13.00 советские войска полностью овладели городом. За сутки до срока, установленного Ставкой Верховного Главнокомандования для ликвидации Запорожского плацдарма.

В ходе ночных боев 13 и 14 октября только силами 8-й гвардейской армии было убито более 3 тысяч солдат и офицеров противника, уничтожено 26 тяжелых орудий, 59 пулеметов, 22 миномета, 32 танка, 120 автомашин и транспортеров...

А вечером 14 октября мы по радио слушали Москву. За столом сидели члены Военного совета фронта и Военного совета 8-й гвардейской армии. Передавался приказ Верховного Главнокомандующего. Раздавались телефонные звонки, звонили из Москвы, поздравляли нас с победой...

Разгромив крупную группировку войск противника на Запорожском плацдарме, освободив город Запорожье, войска Юго-Западного фронта очистили от оккупантов в своей полосе Левобережную Украину, возвратили нашей промышленности «донецкую кочегарку», металлургическую базу Левобережной Украины, освободили население многих сел и городов.

Гитлеровское командование еще хозяйничало в Крыму, оно еще держалось за Мелитополь, но над его войсками неотвратимо нависла угроза новых сокрушительных ударов.

Перед войсками Юго-Западного фронта встала задача форсировать Днепр и начать изгнание врага с Правобережной Украины.

Однако, прежде чем приступить к рассказу о дальнейших сражениях, в которых пришлось участвовать 8-й гвардейской армии, я хотел бы остановиться на некоторых вопросах тактического и оперативного характера, которые возникли в ходе борьбы за Запорожский плацдарм.

Великая Отечественная война разворачивалась на огромных оперативных просторах. Никогда ранее армии не имели такой мобильности. При армии моторов, при войне моторов со всей важностью встал вопрос о преодолении водных рубежей.

Давайте на одну минуту взглянем на карту. Сколько больших и малых рек, именуемых в военной практике водными рубежами, пришлось преодолеть гитлеровским войскам, когда они владели стратегической инициативой и рвались в глубь нашей страны. Я назову лишь главные из них: Прут, Южный Буг, Березина, Десна, Днепр, Западная Двина, Днестр, Дон...

Переправа через такие водные преграды требует особых технических средств, особых армейских служб, особых и немалочисленных воинских частей.

Ряд обстоятельств, благоприятно сложившихся для немецко-фашистских войск в начале войны, позволил организовать форсирование крупных рек с ходу. В 1941 году в большинстве случаев это форсирование происходило на наиболее ослабленных участках нашей обороны при подавляющем превосходстве противника в танках и авиации. Используя превосходящую маневренность своих войск, противник находил слабо обороняемые участки на водных рубежах и именно на этих участках осуществлял переправы. При этом его войскам не часто приходилось создавать и долго удерживать плацдармы для переправы войск и техники, ибо, переправившись, ударные танковые и моторизованные части переходили в наступление, глубоко вклинивались в боевые порядки наших немногочисленных войск и вынуждали их к отступлению.

Когда ход военных действий изменился, когда после Сталинградской и Курской битв свершился перелом в ходе войны и в наступление перешли советские войска, перед нами встала проблема преодоления, форсирования крупнейших водных рубежей.

Во многом пришлось перестраивать и всю армейскую структуру, насыщать армии инженерными средствами, создавать крупные саперные и понтонные части. Встали перед нами и вопросы чисто оперативного и тактического характера.

Отступая, немецко-фашистские войска цеплялись за каждый клочок нашей земли, их командование прекрасно понимало, что не может совершить планомерного отхода, сохранив при этом армию. Нынешние западногерманские военные историки и бывшие гитлеровские генералы проигрыш войны всячески стараются переложить на Гитлера, выискивая его стратегические ошибки, не желая признать, что корень ошибки заключался вообще в нападении на Советский Союз, а не в тех или иных удачных или неудачных военных операциях или приказах.

Но поскольку, фашистские орды вторглись на советскую землю, с огнем и мечом прошли по этой земле до Сталинграда, то уйти с нее было не так-то просто. Перед Гитлером маячил пример Наполеона, который, по существу, без единого серьезного сражения при отступлении, лишь параллельно преследуемый русской армией, растерял всю свою армию. Все это побуждало Гитлера сопротивляться желанию некоторых генералов «выпрямить фронт». «Выпрямляя фронт» отступлением, он, естественно, терял и технику, и живую силу. Поставив на карту все, Гитлер и его генералы пытались по водным рубежам создать такого рода укрепленные линии, на которых наши войска можно было бы остановить надолго. Фактор времени приобретал для Гитлера фатальное значение. Выиграть время! Во что бы то ни стало оттянуть поражение!

Форсирование крупных рек превратилось для нас в решение сложнейших тактических и оперативных проблем. Для того чтобы форсировать реку, противоположный берег которой заранее укреплен, для того чтобы перекинуть через реку крупные армейские соединения, технику, артиллерию, танки, вооружение, боеприпасы, продовольствие — словом, сотни тысяч тонн грузов, необходимо было создавать на берегу, занятом противником, плацдармы для устройства переправ.

Такие плацдармы, в свою очередь, требовали особой обороны от контрударов и контратак противника. Они требовали крайне плотного насыщения огневыми средствами, размещения на них многих соединений и частей для последующего развития наступательных операций.

Для примера возьмем два плацдарма на реке Висле, захваченные нами в августе 1944 года, — Магнушевский и Пулавский. Каждый из этих плацдармов занимал пло-

щадь около 150—200 квадратных километров. В январе 1945 года на Магнушевском плацдарме развернулось пять армий со многими частями усиления. На Пулавском плацдарме развернулись в то же время две армии, также со средствами усиления для наступления. То же самое было и на Сандомирском плацдарме, захваченном войсками 1-го Украинского фронта. В результате ударов с этих плацдармов войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов за 20 суток разгромили крупные соединения гитлеровских войск, освободили Варшаву, Лодзь, Познань, Силезию, сотни других городов и вышли на реку Одер; форсировали ее и захватили на левом ее берегу плацдармы для наступления на Берлин. Плацдармы на реке Висле удерживались нами с августа до января, а на реке Одер — с первых чисел февраля до середины апреля.

Значение плацдармов для наступающей стороны бесспорно. Нам пришлось при освобождении советской земли преодолеть многие водные рубежи, форсировать европейские реки с берегами, превращенными в сплошные линии укреплений. Без создания таких плацдармов вести наступление в тот период Великой Отечественной войны при том уровне техники было невозможно.

Но при этом встает вопрос: а имело ли смысл армии вторжения, каковой была гитлеровская армия, при отступлении с чужой земли удерживать плацдармы на оставленном в процессе отступления берегу? Конкретнее, нужен ли был гитлеровскому командованию осенью 1943 года Запорожский плацдарм? Нужен ли был ему плацдарм после убедительного поражения в Курской битве, после того как его войска под ударами Красной Армии откатились за Днепр и почти целиком очистили Левобережную Украину?

Не было ли попытки со стороны гитлеровского командования рассматривать такого рода плацдармы как миниатюрное повторение сталинградской ситуации? Возможно.

Но одно дело — удерживать плацдарм на своей земле. В своем доме и стены помогают. Мы держали Сталинград до последнего, но он был наш и на нашей земле. На чужой земле удержание плацдарма в момент утраты стратегической инициативы изменить ничего не могло.

Частный вопрос: мог ли Запорожский плацдарм помочь гитлеровцам предотвратить форсирование Днепра советскими войсками? Конечно, нет.



Ни само по себе наличие Запорожского плацдарма, ни сражение на нем не могли повлиять на форсирование Днепра советскими войсками. Сражение за плацдарм велось вплоть до середины октября, а Днепр, как известно, был форсирован войсками Центрального и Воронежского фронтов еще 22—30 сентября, 25—30 сентября форсировали Днепр и войска Степного фронта. 29 сентября войсками Степного фронта был освобожден Кременчуг, а вместе с этим был ликвидирован и Кременчугский плацдарм немцев.

Стало быть, и с чисто оперативно-тактической точки зрения оборона Запорожского плацдарма не оправдала себя. Его оборона стоила германской армии 25 тысяч убитых и раненых солдат и офицеров. На плацдарме было сковано более шести дивизий, половина из них — дивизии 40-го танкового корпуса, который был так нужен Манштейну для контратак по войскам Степного фронта, форсировавшим Днепр!

Так в чем же дело? Почему Манштейн не настоял на том, чтобы оставить Запорожский плацдарм без боя? Нежелание спорить с Гитлером? Нет. Как ни стараются сегодня битые гитлеровские вояки отмежеваться от бесноватого фюрера — своего идейного вождя и вдохновителя, они не смогут скрыть той истины, что их стратегия была стратегией авантюристов, имеющей мало общего с настоящей военной наукой, что тактика их была также авантюристичной, что победы, ими одержанные, были временным явлением, а поражение — закономерностью политического характера, стратегического, а, если хотите, то и тактического.

Каково же возможное будущее плацдармов? Имеются различные мнения по этому вопросу. Полагаю, что плацдармы отжили свой век. Плацдарм — это прежде всего сосредоточение войск, искусственно лишенных подвижности. Для обороняющейся стороны в условиях возможного применения атомного оружия, хотя бы и тактического назначения, они просто противопоказаны.

Для наступающей стороны они также утратили свой смысл. Современные средства переправы через водные рубежи сняли проблему плацдармов. Плавающие танки и бронетранспортеры, танки со средствами подводного продвижения облегчили и упростили форсирование круп-

ных водных рубежей. Главным препятствием для наступающих войск остается лишь система огня противника перед зеркалом воды. При всех условиях перед форсированием водного рубежа система огня противника должна быть подавлена. Подвижные войска, подавив систему огня, сохраняя внезапность, теперь способны форсировать водные рубежи с ходу.

В прошлую войну захват плацдарма совмещался с паузой для накопления сил для наступления. В ракетно-ядерной войне пауза может быть только перед подавлением огневых средств противника на противоположном берегу, захват плацдарма — это уже, по существу, стремительное развитие наступления, первый его этап.

# Трудный переход

1

Стояла поздняя, но мягкая осенняя пора. Нес свои воды еще не скованный льдом Днепр. Враг оттеснен, но не разгромлен, впереди битва за Правобережную Украину.

Сегодня Запорожье — завтра Никополь и Кривой Рог. Так вырисовывается задача перед Юго-Западным фронтом, а стало быть, в своей полосе — и для 8-й гвардейской армии. Гитлер цепляется за последнюю возможность оставить в своем распоряжении украинскую руду и украинский марганец. И то и другое ему крайне необходимо для бесперебойной работы военной промышленности.

Битва за руду и марганец — одна из труднейших операций, проходившая в невероятно тяжелых условиях. Операция крайне сложная по погодным и дорожным условиям, по перегруппировкам войск и множеству мелких, частного характера операций, входящих в общую операцию Никопольско-Криворожскую. Вместе с тем в военной истории эта операция наименее изучена.

В истории 8-й гвардейской армии бои на правом берегу Днепра в районе Днепропетровска, Кривого Рога, Апостолова, Никополя занимают немалое место. Это были тяжелые наступательные бои.

Нужно прежде всего отметить тот факт, что с самого начала борьбы за освобождение Правобережной Украины советские войска в целом лишь незначительно превосходили противника в живой силе, в артиллерии и авиации, в то же время по танкам и самоходно-артиллерийским установкам преимущество в полосе действий Юго-Западного фронта было на стороне вражеских войск.

Сражение на Правобережье приходилось на зиму сорок третьего — сорок четвертого года, на период крайне неблагоприятный в климатическом отношении.

Все это предисловие мне понадобилось для того, чтоб объяснить, почему с огромным трудом давался нам успех в наступлении в излучине Днепра. Мы здесь одержали победу, совершив трудный переход на пути к окончательному разгрому врага.

2

После освобождения Запорожья в составе Юго-Западного фронта произошли некоторые организационные изменения. Из состава нашего фронта по указанию Ставки Верховного Главнокомандования были переданы Южному фронту 3-я гвардейская армия генерала Д. Д. Лелюшенко и 12-я армия генерала А. И. Данилова. Вместо этих армий в состав Юго-Западного фронта вливалась 46-я армия генерала В. В. Глаголева, которая к тому времени в рядах Степного фронта уже форсировала Днепр северо-западнее Днепропетровска.

По настоянию командующего фронтом Р. Я. Малиновского и представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского 15 октября я выехал в Москву на лечение в госпиталь. Во временное командование 8-й гвардейской армией вступил генерал-полковник И. И. Масленников. Я вернулся из госпиталя сразу же после ноябрьских праздников, и 12 ноября вновь вступил в командование армией.

Соединения 8-й гвардейской армии к этому времени занимали фронт по линии: Боголюбовка — Котляровка — Машиновый — Александровка 1-я — Могила Дедова — Широкое — Многотрудный — Ивангород — пункт Привольное — Аполлоновка — Новоалександровка.

Можно было сразу же убедиться, что 8-я гвардейская прочно обосновалась на правом берегу Днепра, больше того, она нависает угрожающей силой над войсками противника в днепровской излучине.

Это расположение армии было приобретено в упорных боях в конце октября, которые шли почти непрерывно до 5 ноября.

29 октября, как я узнал по прибытии в штаб армии, определилось направление главного удара на Апостоново. Легко догадаться, чем грозило противнику это вновь открывшееся направление наступательных действий. 8-я



гвардейская и 46-я армии в случае успеха заходили во фланг и тыл всей никопольской группировке немцев, резали ее тылы, открывали путь на Николаев и Одессу. Замысел правильный, но, как уже говорилось выше, он должен был осуществляться более крупными силами. Если бы это направление было избрано для удара несколько ранее, операция имела бы, несомненно, лучший результат, но этому не суждено было сбыться.

Начиналась распутица. Армии не хватало танков. Артиллерия хронически испытывала нужду в боеприпасах, которые было очень трудно подвезти из-за Днепра. После довольно успешных боев за расширение плацдармов наступательные действия армии почти сошли на нет. Противник применил здесь, пользуясь множеством опорных пунктов, тактику подвижной обороны. Эти опорные пункты были одновременно и складами боеприпасов. Так что гитлеровские войска неудобств от распутицы в той же степени, что и мы, не песли.

Мелкими контратакующими частями противник как бы обволакивал наши прорывы. Наша артиллерия из-за недостатка снарядов не могла подавить огневые точки противника даже в первых позициях его обороны.

12 ноября я встретился с Р. Я. Малиновским и А. М. Василевским, чтобы узнать, какие задачи они ставят перед армией.

Александр Михайлович Василевский, конечно, прежде всего заговорил об общей задаче для всего фронта, даже для нескольких фронтов — как можно скорее овладеть Никоподем, лишить немецкую промышленность дарового марганца, без которого будет значительно затруднено производство самолетов в Германии. Слова «Никополь» и «марганец» звучали в те дни, как перед этим звучало слово «Донбасс». Василевский в своих установках ссылался на И. В. Сталина. Сталин, дескать, сейчас все свое внимание сосредоточил на Никопольском плацдарме.

Какие же задачи поставил перед нашей армией представитель Ставки?

— На Апостолово! — говорил он мне. — Сейчас о действиях 8-й будет судить по движению на Апостолово... 5—10 километров в день, но все же вперед, все же продвижение!

Всякое движение во время войны имеет свои законы. Кто знал до войны, что есть такой городок на Украине —

Апостолово? Ничем-то он особо не примечателен — узел железных дорог в центре рудного бассейна. Апостолово по законам войны, которые диктуют интерес к городам не только по их значительности, но и по географическому расположению, приобрело первостепенное значение. Вгрызаясь с фронта в оборону Никопольского плацдарма было невозможно. Там были воздвигнуты оборонительные укрепления высшей категории. Любовым наступлением мы не достигли бы успеха. Выходом на Апостолово мы ставили противника в катастрофическое положение. Никопольский гарнизон, войска на плацдарме лишались коммуникаций, попадали в окружение.

Итак, на Апостолово.

Опять, как на Северном Донце, выбивать противника из каждого опорного пункта, перемалывать его живую силу и наступать. По закону взаимодействия армий и фронтов наша активность должна была внести свой вклад в общую победу.

У каждого в этих наступательных операциях были свои трудности. Для 8-й гвардейской армии главные трудности состояли в том, что на первых порах наступление должно было вестись без каких-либо средств усиления. 23-й танковый корпус ожидал пополнения танков и другой техники. Стрелковые части не имели в своем составе танков и не могли быть усилены за счет танковых частей. Предвигаться нужно было по местности, укрепленной противником, по раскисшей и размокшей почве. Дорога на Апостолово была для него глубоким тылом, когда наши войска стояли на левом берегу Днепра; с того же момента, как мы переправились на правый берег, враг развернул свой фронт на север и северо-восток, построил и продолжал укреплять и без того сильные оборонительные рубежи на речушках, которые превращались в труднопроходимые водные преграды. 14 ноября я как командующий армией утвердил план операции, предусматривающий движение войск вдоль железной дороги Днепронетровск—Николаевка—Апостолово, с обходными маневрами вокруг сильных опорных пунктов противника на железнодорожных станциях. На первом этапе операции планировался прорыв фронта по линии, которая проходила через Екатериновку, Владимировку, Томаковку, поселок и станцию Незабудино, Натальевку, Павловку, Пропащенное. Овладев этими населенными пунктами, и контроли-

руя железную дорогу, армия могла взять направление на Николаевку. Овладев Николаевкой и станцией Лошкаревка, мы открывали ворота на Апостолово.

Стало быть, ближайшей задачей был удар на Николаевку. Здесь — обеспечить стык и взаимодействие с 46-й армией, которая наступала правее 8-й гвардейской. Задача не из легких. При планировании всей операции, конечно, учитывалось, что противник может оказать упорное сопротивление и со сроками получится не все гладко. В приказе указывались крайне сжатые сроки. Страна нуждалась в криворожской руде и никопольском марганце.

Задача эта была, конечно, очень трудной, однако ее выполнение было вполне реальным. Со дня на день можно было ожидать, что германское верховное командование примет решение об отводе 6-й и 1-й танковой армий с Никопольского плацдарма, избегая риска получить второй Сталинград.

Наступление советских войск могло попасть в ритм этого отхода, дезорганизовать спланированный отвод войск, внести сумятицу в стан противника. Это и побуждало нас выдвигать задачи перед армиями с некоторым завышением. Службы тыла тоже должны были иметь соответствующую ориентировку.

Первые дни наступления дались очень трудно. Гитлеровцы бросали в контратаку танки, а наша пехота имела для борьбы с ними лишь противотанковые ружья и полевую артиллерию на конной тяге.

Вспоминается мне бой за поселок Незабудино. Я наблюдал за нашей атакой с наблюдательного пункта, оборудованного на высоте с отметкой 192,7 в километре от станции. В атаку шли части 47-й гвардейской дивизии. После короткой, но эффективной артподготовки, скорее даже артналета, стрелковые части поднялись в атаку и выбили противника из поселка. А должен заметить, что наступление велось по пашне. Тот, кто знает, во что превращается чернозем после обильных осенних дождей, тот поймет, что такое пашня для перебежек в атаке. На сапоги налипали чудовые комья земли.

Овладев северной окраиной поселка, гвардейцы начали продвигаться к южной окраине. В это время с южной окраины вышли четыре самоходки противника. Что можно было с ними сделать, чем остановить их? Они не подхо-

дили на близкую дистанцию. А противотанковое ружье с большой дистанции брони не пробьет. Самоходки спокойно вели прицельный огонь. Наступление захлебнулось, пехота вынуждена была остановиться. Будь в наших боевых порядках три-четыре танка или самоходные пушки, атака получила бы иное завершение.

Некоторый перелом наметился к 20 ноября.

К этому времени войска 8-й гвардейской армии овладели Владимировкой, Томаковкой, Черниговкой, Авдотьевкой, Натальевкой, Незабудным, Екатериновкой. Это за шесть дней наступления составило лишь 10 километров продвижения в глубину разветвленной обороны противника. Но эти населенные пункты были удобны как исходные рубежи для дальнейшего наступления.

К нам подходили танки. Подошел 23-й танковый корпус, хотя и слабого состава. Прибыла и отдельная танковая бригада, и несколько пополнились танковые полки. Это уже было кое-что! Но именно «кое-что»!

23-й танковый корпус. Командир корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Е. Г. Пушкин. Заслуженный боевой генерал, отважный человек. С корпусом мы прошли бок о бок с Северного Донца к Запорожью. Он активно участвовал в боях за Запорожье в ночном наступлении. Из него выковывалась грозная сила. Но сюда, к нам, для наступления на Апостолово, он пришел с сильно поредевшими рядами. В корпусе имелось всего лишь 17 танков и 8 самоходных орудий.

11-я танковая бригада имела в то время 14 средних и 3 легких танка, 141-й танковый полк имел 8 средних и 4 легких, 10-й танковый полк — один танк и 6 самоходных орудий, 991-й самоходно-артиллерийский полк имел 12 самоходных 76-миллиметровых орудий.

Всего на восьмидесятикилометровом фронте мы имели 40 средних танков и 33 самоходных орудия. Меньше чем по одной бронеединице на километр фронта.

В 8-й гвардейской армии поределли роты, требовалась передышка, но логика военных действий требовала свое, вернее, брала это «свое». Надо было наступать. Чувствовалось, что и та малая поддержка в танках и самоходных орудиях, которую мы получили, окажется тем последним толчком, который заставит противника отступить или хотя бы понатиться.



На подготовку нового наступления ушло несколько дней. Пока танкисты, преодолевая грязь, сосредоточились на исходных рубежах, пока они завезли боеприпасы по полному бездорожью, доставили горючее, прошло время. Сначала наступление намечалось на 22 ноября. Пришлось его отсрочить еще на три дня — не управился транспорт.

Наступающим войскам наша авиация помочь не могла. Из-за дождей полевые аэродромы выходили из строя. Взлетные дорожки требовали особого ухода. Их не всегда можно было подготовить для взлета бомбардировщиков. По утрам стелились густые туманы. Дождь и туман закрывали для авиации цели. И все-таки летчики находили возможность помочь нам.

Дожди, туманы... Редко выглянет солнце. Но лишь только открылось небо — вот они летят, наши соколы!

26 ноября мы возобновили наступление. После 20-минутной артиллерийской подготовки наши части овладели Екатериновкой, Кошкарровкой и к исходу дня завязали бои в Петриковке, Пропашином.

23-й танковый корпус в бой введен не был. Решено было не торопить Е. Г. Пушкина. Дали ему еще один день на подготовку. Кроме того, обозначившийся успех надо было расширить ночными действиями.

27 ноября наступление началось в 8.00 при поддержке танкового корпуса. Сразу же сказалось участие в бою танков. Наши войска продвинулись на 10—12 километров и овладели Первомаевкой, Растаньем, Петриковкой, Александрополем, Пропашиным, Гегеловкой, Котляровским.

Казалось бы, не такое уж эффективное продвижение. Однако вспомним, с чего мы начинали, как ставились задачи наступления на 14 ноября. Линия, намеченная для первого этапа наступления, проходившая через Екатериновку, Владимировку, Томаковку, Незабудино, Натальевку, Пропашиное, Павловку, осталась далеко позади. Общее продвижение местами составило уже до 30 километров. Однако только километрами итоги наступательных операций в грязь и распутицу измерять и оценивать было бы неправильным. Создавалась ситуация неблагоприятная для частей противника, оседлавших шоссейные дороги Днепропетровск — Запорожье, Днепропетровск — Николаполь. Мы выходили в тыл этим частям. Перед фронтом левофлангового 29-го гвардейского корпуса противник начал отходить, уплотняя свою оборону вокруг Никополя.

Таким образом, одним флангом армия вплотную придвинулась к Николаевке и стучалась в ворота, ведущие в Апостолово, другим флангом зависла над марганцевыми рудниками, ради которых Гитлер и держал здесь 6-ю полевую и 1-ю танковую армии. До марганцевых рудников оставалось около 30 километров.

Попытки развить наступление 29 и 30 ноября ни к чему не привели. Нужно было вновь собираться с силами. Противник уплотнил оборону, мы стояли на рубеже, с которого начиналось сопротивление всех основных сил, собранных Гитлером для защиты Никополя и Марганца.

Все говорило о том, что еще не свершился тот цикл событий, который вынудил бы врага оставить Николаполь. Командование фронтом потребовало незамедлительного наступления. Еще один рывок. В армию был возвращен из резерва 33-й стрелковый корпус. Мы его ввели между 28-м и 4-м гвардейскими корпусами. Но и в 33-м корпусе не было танков. А штыком глубокоэшелонированную оборону не пробьешь!

5 декабря началась артиллерийская подготовка. Мы могли израсходовать лишь треть боевого комплекта. В снарядах нам никто не отказывал. Но как их было доставить к артиллерийским позициям, когда машины вязли в земле по ступицы? Не могли стронуться с места и машины, снабженные тремя ведущими мостами.

Артподготовка длилась целый час, но прошла вяло. Это же количество снарядов можно было бы выпустить и за 20 минут. Пехота двинулась в атаку и, конечно, тут же была вынуждена залечь.

Командующий фронтом дал указание закрепиться на достигнутых рубежах, провести боевую подготовку, влить в части полученное пополнение и возобновить атаки 10 декабря.

Новые попытки тоже мало что дали. Правда, мы овладели крупными населенными пунктами, расположенными на направлении к марганцевым рудникам: Токмаковом, Чумаками и Лебединским. Дальше никак.

В эти дни произошла большая беда с начальником разведки армии полковником М. З. Германом.

Всем нам вдруг пришлось задуматься о доверии к человеку, о его мужестве и стойкости в условиях, несколько отличных от открытого боя.

Михаил Захарович Герман прошел боевой путь в армии, по существу, со дня ее создания. Это был способный разведчик, умевший не только анализировать собранную информацию, но и организовать ее, выбрать направление для работы разведчиков. И мужественный человек...

Полковник Герман и его порученец капитан Червоиваненко возвращались после поездки по войскам. Возвращались в свой штаб, который тогда размещался в поселке Незабудино. Кто лучше Германа знал расстановку сил на фронте, расположение частей, линию обороны противника? Но одно дело карта и линии, нанесенные на карте, совсем другое дело — ориентировка на местности. Украинская степь. На дорогах почти никаких ориентиров. Только прирожденный степняк способен разобраться в хитросплетениях полевых дорог.

Погода в тот день выдалась морозной, что совершенно изменило начертания дорог. Все смерзло. Колеса стояли высокими мерзлыми отвалами. Приходилось объезжать дороги поем. Не мудрено заблудиться, допустить просчет во времени. И заблудились. Полагая, что едут к выброшенному к передовой позиции наблюдательному пункту, Герман и Червоиваненко проехали через позиции наших войск. До окопов противника оставалось не более 25 метров, когда навстречу выскочили вражеские автоматчики. Они, вероятно, удивились не меньше, чем наши разведчики.

— Назад! Противник! — крикнули почти одновременно полковник и капитан.

Водитель Николай Кучин, не останавливаясь, круто развернул машину, дал полный газ и повел машину зигзагами в сторону наших позиций. Тут же гитлеровцы открыли ураганный огонь. Пули прошивали кузов машины насквозь. Метров на 200—300 машина все же отъехала от вражеских траншей. Но вот ход ее замедлился, и она остановилась. Кучин начал сползать с сиденья, успел сказать:

— Товарищ полковник, сообщите жене...

И затих.

Полковник и капитан выскочили из машины. Легли рядом, чтобы как-то укрыться от прицельного огня.

Степь ровная, как полированный стол. Сначала был ранен полковник. Он сразу получил пять ранений. Три пули вошли в ногу выше колена, одна пуля — в грудь,

в область сердца, одна пуля по касательной задела голову. С помощью капитана он попытался подняться, но правая нога не держала.

— Ползем! — приказал полковник.

Но в это время в него попала еще одна пуля и перебила правую руку. Полковник терял сознание. Он успел приказать капитану взять документы и ползти к нашим. Капитан обязан был выполнить этот приказ: документы начальника разведки армии были огромной ценностью. Надо было сделать все, чтобы они не попали в руки врага. Полковник приказал уходить, а потом прислать за ним людей. Вынести его из-под обстрела не было ни сил, ни возможности. Надо спасать документы. Там, у наших, можно было еще что-то придумать. Открыть прикрывающий огонь, подавить артиллерией огневые точки врага...

Так полковник Герман попал в плен.

Это происшествие вызвало большую тревогу даже в Ставке Верховного Главнокомандования.

На другой же день мне позвонил генерал Р. Я. Малиновский. Он сообщил, что товарищ Сталин лично объявил ему и мне за этот случай по выговору...

— Давай скорее своими действиями снимать выговора! — добавил Малиновский. И тут же посоветовал мне переменить расположение штаба армии, сменить расположение штабов корпусов, дивизий и подумать о смене позиций для артиллерийских батарей.

Командующий фронтом прямо дал мне понять, что «наверху» опасаются, как бы полковник Герман не разговорился на допросах.

Я знал человека и верил ему. Но в таком деле, как война, когда лежит на тебе ответственность за многие жизни и судьбы, на свое доверие я полагаться не мог, не имел права. Безусловно, если бы гитлеровцам удалось заставить говорить полковника, это могло привести ко многим бедам.

Штаб мы перевели в другое место. Передислоцировались и штабы корпусов. Хорошо, что еще не тронули артиллерию.

Минула ночь, наступил рассвет. Авиация противника действовала обычным порядком, ничто не показывало, что разведка снабдила летчиков какими-то особыми сведениями, какими мог располагать полковник Герман. Так же, как и прежде, вела себя вражеская артиллерия.



Наша воздушная разведка не обнаружила никаких признаков передислокации войск противника. Стало быть, полковник Герман или молчал, или был убит.

Мы вернули штаб армии обратно в Незабудино...

Полковника Германа я встретил в 1945 году в Берлине. Он был освобожден из плена бойцами своей родной 62-й — 8-й гвардейской армии. Он многое пережил. Мне с большим трудом удалось заставить его разговаривать по душам о немецком плене, о том, что ему пришлось перенести.

...Первый допрос ему учинили тут же, в первой линии траншей, в блиндаже. Он был в полубессознательном состоянии, но все же, взяв себя в руки и оценив обстановку, выбрал для себя единственно правильный вариант поведения. Он помнил, что документов при нем нет, что Червоиваненко спасся, поэтому он назвал вымышленным именем, указав, что выполнял должность финансового инспектора армии.

Ему грозили пытки, может быть, смерть. Надо было что-то немедленно придумать. Герман дал понять тем, кто его допрашивал, что знает только общие данные, касающиеся армии. Он показал, что левый фланг нашей армии самый сильный. На самом же деле в те дни у нас самое беспокорство вызывал именно левый фланг, как самый слабый.

И здесь, в эту страшную для него минуту, разведчик оставался разведчиком.

Затем полковника доставили на допрос к следователю. Допрос велся профессионально, со знанием дела.

Опасаясь запутаться в противоречиях, М. З. Герман вообще не отвечал ни на один вопрос. Ему было нетрудно притвориться человеком, полностью потерявшим сознание. Потом его отправили в эвакуацию в Каменку.

Я рассказал Михаилу Захаровичу о судьбе его пленника. Капитан Червоиваненко спас документы. Он их доставил на наши позиции, хотя и был смертельно ранен. Через несколько дней он скончался. Посмертно был награжден орденом Ленина.

Наступил Новый год. Год 1944-й...

Минул еще один год войны. Трудный, тяжелый, но не безликий. Наступление по всему фронту.

Прошло лишь полгода с того рассвета, когда последовал приказ нашим артиллеристам: «Огонь!» И изгото-

вившийся для прыжка гитлеровский зверь был встречен огнем и сталью. То было начало Курской битвы.

Бокалы, стаканы, солдатские алюминиевые кружки в честь старого и в ознаменование Нового, 1944-го года, мы подняли на правом берегу Днепра. Мы знали, что перелом свершился. Враг еще был силен, но стратегическая инициатива прочно перешла в руки советского командования, Красной Армии.

Противник еще раз отодвинулся на новые рубежи, еще раз уплотнив свою оборону. Линия фронта еще больше нависла над Марганцем. Она теперь проходила по Хортица — Новое Запорожье и далее по прежней линии. К нам на правый берег переправилась наша 6-я армия, которая с 14 октября, со дня взятия Запорожья, стояла на левом берегу. Это дало возможность 8-й гвардейской армии несколько сократить фронт наступления и вступить в более тесное взаимодействие с частями 46-й армии.

Появилась возможность маневрировать частями 8-й гвардейской армии. С разрешения фронта мы вывели из боя 4-й гвардейский корпус и передислоцировали его на правый фланг армии для совместного с 46-й армией удара западной реки Базавлук в общем направлении на Апостолово. Корпус развертывался на рубеже Назаровка — северная окраина Петровки, фронтом на юг.

Это решение было утверждено командующим фронтом после того, как он сам убедился, что прорыв обороны и отход противника вдоль шоссе Днепрпетровск — Никополь приостановились, что лобовыми атаками на этом направлении мы ничего не сделаем. Перевод 4-го корпуса на правый фланг я мотивировал тем, что надо усилить удары через Николаевку на Апостолово. Это позволило бы нам поставить под угрозу полного окружения всю никопольскую группировку противника, и не только тем, что мы выходили ему во фланг и в глубокий тыл, но и тем, что, овладев Апостоловом, мы перерезали бы железную дорогу, проходившую вдоль берега Днепра и связывающую рудники с Кривым Рогом и с Николаевом. После этого смысл удержания рудников для гитлеровского командования пропал.

Разговор с командующим фронтом происходил на развилке дорог в двух километрах юго-восточнее поселка Чумаки. Р. Я. Малиновский был скор на решения, когда

они предлагались с достаточным обоснованием. Тут же он дал указания генералу В. В. Глаголеву, командующему 46-й армией, и генералу И. Т. Шлемину, командующему 6-й армией. В. В. Глаголеву было указано, чтобы он готовился к удару смежными флангами с 8-й гвардейской армией на Апостолово, И. Т. Шлемину — подготвить удар через Сергеевку на Никополь.

Спрашивается, почему же 8-я гвардейская армия, тесня в жестоких боях противника, выбивая его огнем и железом из каждого населенного пункта, за сутки иной раз продвигаясь не более двух-трех километров, не воспользовалась его отходом для того, чтобы развернуть наступление и на его плечах ворваться на новые позиции, а может быть, даже овладеть Никополем. Я уже выше говорил, что нам в пору было поносить со своей артиллерией за отходящим по непролазной грязи противником. Но суть даже не в этом. События могли развиваться в другое время года, при более благоприятных климатических условиях. Отход это одна из сложнейших тактических операций, а преследование отходящего противника должно соотносываться со многими обстоятельствами. Когда отход в динамике боя вынужденный и его моменты регламентирует наступающий, то преследование может осуществляться широким фронтом без потери в темпе, без остановок. Эти же законы непрекращающегося, безостановочного преследования действуют и в случае глубокого прорыва обороны при выходе подвижных войск в глубокие тылы противника. Еще более благоприятные условия для преследования отступающего создаются, если удастся выйти ему во фланг, как это сделал Кутузов, изгоняя наполеоновские войска из России.

Словом, если войска отступают под ударами наступающего, то здесь преследование должно вестись с напряжением всех сил.

Но когда войска противника отходят организованно, в порядке, то требуется крайняя осторожность, иначе можно натолкнуться на заранее подготовленную оборону, на заранее спланированную контратаку, которые могут поставить наступающие войска в тяжелое положение.

В ноябре — декабре 1943 года 3-й Украинский фронт достигал своими ударами по противнику чаще всего, так

сказать, тактических вмятин, прорвать в глубину его оборону не удалось. Иногда эти тактические вмятины доходили до 5—10 километров, но германское командование всегда успевало подтягивать на угрожаемые участки свои резервы, и наше наступление, не поддержанное подвижными войсками, захлебывалось. Пехота, двигаясь по полному бездорожью, волоча на сапогах комья грязи, выдыхалась, атака гасла, вся динамика боя замирала.

Как правило, до тех пор, пока наша пехота при поддержке артиллерии или танков имела силы двигаться вперед, враг отступал или отводил войска. Иногда он останавливался и на заранее подготовленных позициях, которые мы с ходу преодолеть не могли.

Январь не принес нам облегчения. Короткие заморозки сменялись длительными оттепелями, снег переходил в дождь, дождь — в мокрый снег, с холмов побежали ручьи, в балках бушевала вода, по-весеннему разлились бесчисленные степные речки, на оперативно-тактической карте иные даже и не отмечались, но они все вдруг ожили и превратились в водные рубежи. Разбушевавшаяся стихия давала нам бой, а впереди нас ждал хитрый и сильный противник.

6 января мы закончили рекогносцировку переднего края вражеской обороны в районе действий 4-го гвардейского стрелкового корпуса. Наметили исходные рубежи для атаки, установили наблюдательные пункты, выявили исходные рубежи для танков. Корпус должен был во взаимодействии с частями 28-го гвардейского стрелкового корпуса и частями 46-й армии отрезать противнику пути отхода из района Никополя.

Мокрый снег, грязь на дорогах, черноземные топи на пашнях очень затрудняли передвижение войск. Однако, несмотря на эти трудности, войска вышли на исходные рубежи к 9 января.

И вот наступило утро 10 января. Командование армии собралось на наблюдательном пункте, откуда можно было видеть атаку наших частей.

Наступление началось тридцатиминутной артиллерийской подготовкой. Николай Митрофанович Пожарский в артподготовке на этот раз ставил ограниченные цели: огонь велся прицельно по мощным укрытиям противника, по артиллерийским позициям, по огневым точкам.



В 9 часов 35 минут поднялась пехота, на траншеи противника обрушился огневой вал, положив первый рубеж огня. Пехота стремительным броском достигла первых траншей. Огневой вал был перенесен на второй рубеж. Пехота ворвалась в первые траншеи противника. Короткая огневая и рукопашная схватка, и наша пехота, прикрытая вторым рубежом огневого вала, устремилась ко второй линии траншей. В том же стремительном темпе были захвачены и вторые траншеи.

На одном из рубежей была захвачена в плен целиком рота противника. Ни один ее солдат практически не смог оказать сопротивления. Плотная огневая завеса, рота укрылась в блиндажах, откуда так и не вышла, пока наша пехота не захватила траншеи.

В результате короткого удара почти без потерь мы вышли на дорогу Софиевка — Николаевка.

Противник предпринял ряд ожесточенных контратак, чтобы отбросить наши части. За день было отбито пять контратак. Гитлеровцы несли потери, но нигде отбитых позиций не смогли.

В 11 часов 30 минут была перехвачена и расшифрована радиограмма противника: «16-й моторизованной дивизии Клаузенау немедленно сосредоточить танки кладбище Николаевка».

У кургана Могила Орлова свои танки мы и сосредоточили в засаде, чтобы встретить танковую атаку врага с места.

Расчет противника и в контратаках, и в обороне строился на его превосходстве в танках. И мы постарались воспользоваться благоприятной обстановкой для того, чтобы нанести по ним сильный удар.

Наши танки стояли за курганом в кустарнике, а вражеские с кладбища под Николаевкой ударили во фланг нашей наступающей пехоте.

Колонна танков противника, не менее тридцати машин, устремилась к кургану Могила Орлова, пытаясь разрезать наши стрелковые части. Они шли на полном ходу и волей-неволей подставили свои борты под огонь советских танков, которые тут же открыли огонь с места. Запылал один танк, другой. Четыре «тигра» взорвались на наших глазах. За несколько минут противник потерял десять танков. Остальные, круто развернувшись, откатились назад.

Используя замешательство в рядах противника, пехота бросилась в атаку и прорвала оборону. Наши части трудным броском по грязи продвинулись от пяти до восьми километров вперед. Развить этот успех было нечем. Мы натолкнулись на оборону, которую на этот раз держали танковые части.

До вечера изменений на участке прорыва не произошло. Было принято решение закрепиться ночью на захваченном рубеже: пользуясь тем, что в темноте авиация противника бездействует, подтянуть к передовым линиям артиллерию, подвезти боеприпасы и с утра 11 января начать новые атаки.

11 января бои начались в 9 часов утра, с поздним зимним рассветом. Бездорожье не дало нам возможности полностью обеспечить новую атаку артиллерийской поддержкой. Многие орудия никак не удавалось протолкнуть через грязь и переправить через балки и овраги, до краев наполненные талой водой. Наступление 11 и 12 января не дало значительного успеха, но кое-где нам удалось продвинуться вперед.

Нужно было сделать передышку для того, чтобы переместить прежде всего артиллерию. Именно «переместить». Слово «перевезти» здесь никак не подходит. Все вязло в совершенно разбухшей от избытка влаги земле. Приходилось наталкиваться на вражеские танки, увязнувшие по башню. Выручала нас конная тяга, но и для лошади путь был тяжел. Боеприпасы доставлялись вручную, в заплечных ящиках, на повозках. А это все требовало времени.

Бои 10—12 января показали, что противник надломлен. Нужен был еще нажим, еще удар, нужно приложить еще какое-то усилие — и его оборона развалится.

3

15 января представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский и командующий фронтом Р. Я. Малиновский вызвали меня на совещание в штаб 46-й армии в Софиевку. На совещании присутствовали и командующие 46-й и 37-й армий генералы В. В. Глаголев и М. Н. Шарохин.

На совещании рассматривались перспективы дальнейших действий 3-го Украинского фронта. Как актив-

зиповать действия армий, какие для этого необходимо принять меры? Александр Михайлович Василевский сообщил, что Ставка Верховного Главнокомандования требует быстрого освобождения Никополя и никопольских рудников. Василевский прямо говорил, что дальнейшее промедление с решением этих задач нетерпимо.

Мы, командующие армиями, со своей стороны, выступили с просьбами пополнить войска людьми, танками, техникой, которую можно было бы использовать для подвоза боеприпасов.

Василевский записывал в блокноте наши требования, затем поставил вопрос: какой оперативный план наступательных действий предложили бы мы, командующие армиями, чтобы наступление наконец получило широкое развитие, и задача, поставленная Ставкой, была выполнена? Мы были не подготовлены к такому вопросу, а говорить экспромтом о большой операции нельзя было. Василевский предложил нам вернуться к армейским штабам, подготовить свои предложения и доложить их ему или Р. Я. Малиновскому. Срок — одни сутки.

В свой штаб я ехал по раскисшей дороге. Везде еле-еле пробивался сквозь месиво грязи. В дороге у меня и созрел план перегруппировки войск для эффективного удара.

В штабе мы все рассчитали на карте, сделали на ней необходимые отметки и я позвонил по телефону Р. Я. Малиновскому. Обиняками, не прямо, конечно, изложил командующему фронтом основы своего предложения.

В чем состояла суть этих предложений?

Я предлагал как можно быстрее перевести 6-ю армию генерала И. Т. Шлемина с левого берега Днепра на правый, ее части должны были бы в кратчайший срок сменить части 8-й гвардейской на участке от Днепра до поселка Дружба. За счет сокращения фронта появлялась возможность высвободить войска 29-го гвардейского корпуса для концентрированного удара на правом фланге армии. Ту же операцию по усилению своего левого фланга должен был проделать и мой сосед В. В. Глаголев (за счет растяжки фронта 37-й армии генерала М. Н. Шарохина). Таким образом, для удара на Апостолово освобождались и два корпуса 46-й армии.

Концентрированный, усиленный удар предлагалось нанести смежными флангами 8-й гвардейской и 46-й

армий на фронте: Михайловка, Новые Ковны, Терноватка, Лошкаревка в общем направлении на Апостолово.

По достижении стрелковыми частями рубежа Сталинское — Павлополье я предлагал ввести в прорыв вновь прибывший в состав фронта 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т. И. Танасчишина.

Тут же мной была отправлена телеграмма с этим планом наступательных операций в штаб фронта. Ответа долго ожидать не пришлось. Спустя сутки Р. Я. Малиновский сообщил по телефону, что план принимается, что штабом фронта готовится соответствующая директива и что командующий 6-й армией генерал И. Т. Шлемин получил указание ускорить перевод всей армии на правый берег Днепра, чтобы сменить войска 8-й гвардейской армии на участке Днепр — поселок Дружба. Таким образом, полоса фронта перед 8-й гвардейской армией сократилась на шестьдесят километров.

Устанавливались новые разграничительные линии действий 8-й гвардейской армии.

В соответствии с вышеизложенным планом 29-й гвардейский стрелковый корпус скрытно переводился на правый фланг. Эта передислокация проводилась со всеми мерами предосторожности, чтобы противник не разгадал нашего маневра. Офицерам и солдатам объяснили, что они выходят в резерв фронта... Вся перегруппировка войск была произведена за три ночи — 16, 17 и 18 января.

Удар наносился силами двух корпусов 46-й и двух корпусов 8-й гвардейской армии при поддержке третьего корпуса. Все это было сконцентрировано на узком участке фронта. Силы достаточные для прорыва и развития его в глубину, если учитывать еще, что в резерве у нас был 4-й гвардейский механизированный корпус.

Учитывая трудности движения войск по бездорожью, мы основную задачу по расчленению вражеской группировки и по ее окружению расчленили на два этапа.

Особенно тщательно разрабатывался план действий артиллерии, ибо нам предстояло на этот раз вести бой на суженном плацдарме противника, уплотненным предыдущим отводом его войск. Ясно, что уплотнены были и его огневые средства.

Задумались мы и над чисто тактическими задачами предстоящих боев. Полностью обеспечить внезапность



наступления было невозможно прежде всего потому, что гитлеровское командование ждало нашего наступления, и, конечно же, в самом уязвимом для себя направлении — на Апостолово. Потому мы должны были найти в тактике боя нечто такое, что явилось бы для противника неожиданностью. Так родился прием с разведкой боем, перерастающей в наступление. Позже, во время Ковельского прорыва и Висло-Одерской операции, этот прием в нашей армии получил наименование «особого эшелона». В чем состояло отличие этого приема от обычного шаблона в организации наступления?

Силовая разведка боем проводилась и ранее. Строилась она таким образом: перед наступлением дивизии первого эшелона выделяли для силовой разведки боем по одному, иногда по два батальона. Этой атакой выявлялись слабые и сильные места вражеской обороны, во время боя противник раскрывал расположение своих огневых средств. В результате мы могли уточнить систему обороны, те точки, по которым надо было сосредоточить огонь артиллерии.

Противник изучил этот порядок и знал, что после такой разведки боем именно на этом участке через день-два, непременно утром, начнется наше наступление. Естественно, что он принимал свои меры. Он заранее подтягивал к этому участку фронта свои резервы, а в иных случаях шел и на более сложный маневр: перед нашим наступлением он отводил войска из первых траншей, и артиллерийская подготовка проводилась по пустому месту, а во вторых траншеях, в глубине обороны, он встречал атакующие части плотным огнем из огневых точек, не разрушенных артиллерией.

Именно на этом «отработанном» приеме с отводом войска — тоже шаблон! — мы и решили поймать противника.

На этот раз силовая разведка должна была проводиться как первая фаза всего наступления, наступления ограниченными силами с последующим, без какой бы то ни было паузы, вводом главных сил.

Что это нам давало?

Если противник узнает о готовящемся наступлении и отведет свои главные силы с первой позиции, оставив на них лишь боевое охранение, то силовая разведка при поддержке артиллерии уничтожит его боевое охранение

и овладеет первыми позициями без введения в бой главных сил. Если же противник решит оборонять первые позиции и наша силовая разведка будет остановлена его огнем, то для отражения этой атаки ему придется пустить в ход всю систему своего огня, полностью раскрыть ее перед нашим наступлением. Пока ведется силовая разведка, артиллеристы и все наблюдательные пункты получают возможность засечь огневую систему противника. На обработку этих данных потребуется не более одного-двух часов. Через час или два после силовой разведки мы могли начать полную артподготовку перед атакой всеми силами. Огонь артиллерии при таких условиях приобретал наибольшую результативность. За час — за два противник не мог произвести серьезной перегруншировки, даже если бы и попытался это сделать.

Вместе с тем здесь действовал и психологический фактор. Противник, отразив силовую разведку, мог полагать, что наступление, как было заведено раньше, начнется лишь на следующий день — не ранее. Этим он как бы расслаблял свое внимание, ожидая почти суточной передышки. Вместо передышки, вместо паузы — уничтожающей силы артиллерийский удар, а вслед за ним — атака всеми силами.

Прием этот как будто бы прост. Но читатель должен уяснить себе, что простых приемов в бою не бывает, когда войска должны действовать в сложном взаимодействии. Любой тактический прием только тогда имеет ценность, когда доступен, понятен каждому бойцу, когда он может быть исполнен всеми, начиная от офицеров и кончая рядовыми бойцами. Суворов когда-то говорил, что «каждый солдат должен понимать свой маневр». Эти слова сказаны им не случайно. Над картой, в тиши блиндажа или в кабинете, командующий армией, фронтом, штабной офицер может изобрести немало тактических приемов со сложнейшими перестроениями, которые в умозрительном плане могут показаться и весьма эффективными. Но они должны быть обязательно просты, легки в исполнении, их должны освоить, а не только понять непосредственные исполнители, то есть солдаты. Когда имеешь дело с большими людскими массами, с массами, в которых тысячи различных характеров, быстрых или медлительных, с великоленной реакцией или с реакцией замедленной, достигнуть этого не просто; выучка войск именно и изме-

ряется по тому, как ими освоены приемы боя. Надо помнить, что в бою легких маневров не бывает, ибо противник тоже не дремлет, он следит за тобой, он может разгадать твой прием, а если ты помедлил с его исполнением, он может применить контрприем, в результате которого ты понесешь тяжкие потери.

Поэтому я стою за простоту маневра, за простоту и доступность тактического приема. Простота поражает значительно сильнее, чем оставшаяся на бумаге «сложность».

Дня за три до наступления командующий фронтом приехал на курган Могила Орлова и пригласил к себе меня, командующего 46-й армией генерала В. В. Глаголева и командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала Т. И. Танасчишина. Здесь Р. Я. Малиновский дал последние указания о взаимодействии флангов 8-й гвардейской и 46-й армий. На этом совещании присутствовал и представитель Ставки А. М. Василевский.

Я поинтересовался у Р. Я. Малиновского, каким образом будет введен в бой корпус Т. И. Танасчишина.

Малиновский переглянулся с Василевским.

— Ну что же, — сказал он. — Сейчас трудно это предугадать. Все зависит от того, как пойдет наступление, где образуется прорыв. Все зависит от того, какая из армий выйдет первой на рубеж Златоустовка, Ново-Украинка, Павлополье... Где будет прорвана оборона противника, там и введем танки в бой...

Одним словом, меня с Глаголевым призывали к некоторому соревнованию. Мы оба это поняли и тоже обменялись понимающими взглядами...

Войска вышли на исходные рубежи. В соединениях и частях прошла отработка планов боя, на ящиках с песком проведены военные игры, разработана тактика силовой разведки с перерастанием ее в наступление всеми силами. Артиллеристы заняли свои позиции.

8-й гвардейской армии противостояли 46-я, 306-я, 123-я, 387-я пехотные и 16-я моторизованная дивизии противника.

Передовой командный пункт армии в эти дни был размещен на кургане Могила Орлова, в шести километрах западнее Николаевки. Командные пункты корпусов и дивизий по сталинградским традициям были выдвинуты вперед, поближе к передовым частям, а наблюдательные

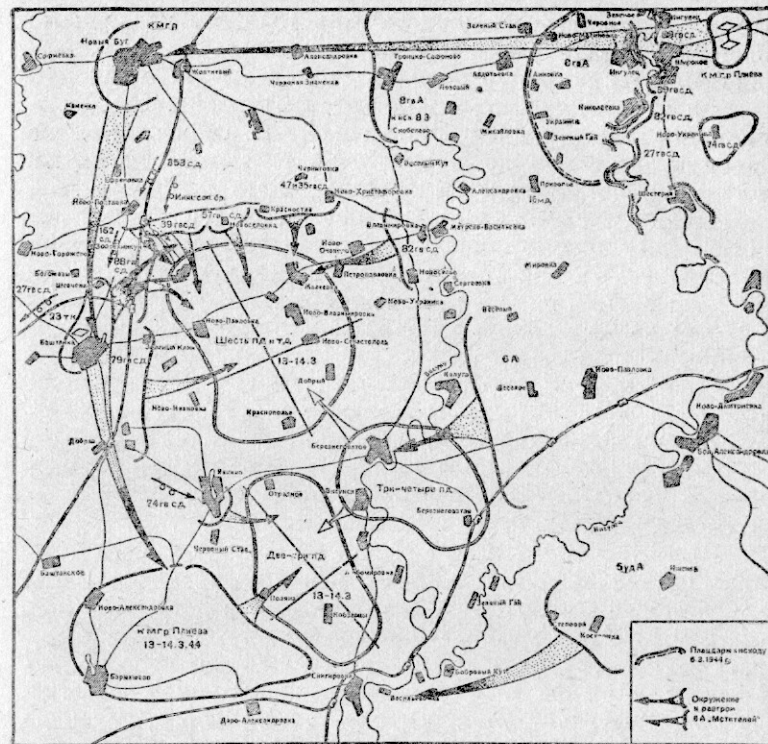


Схема окружения и разгрома основных сил 6-й армии «Мстителей».

пункты — к переднему краю. Генералы и офицеры, командный состав 8-й гвардейской — Пожарский, Вайнруб, Ткаченко, Семенов, Велькин, Мережко, Петров, Павлов, Капоненко, Касюк, Хижняков и другие — были на наблюдательных пунктах оперативного руководства. Все поле боя должно было находиться у них перед глазами.

Рано утром 31 января войска 29-го, 4-го и 28-го гвардейских стрелковых корпусов начали разведку боем на фронте протяженностью около десяти километров, от каждой дивизии действовал один батальон.

В это же время 37-я и 6-я армии 3-го Украинского фронта перешли в наступление с целью отвлечения вни-



мания противника от направления главного удара, который наносился силами 8-й гвардейской и 46-й армий.

Были захвачены в плен солдаты и младшие офицеры 123-й и 306-й пехотных дивизий противника. Они показали, что гитлеровское командование не собирается отводить войска с передовых рубежей, рассматривая их как крайнюю линию обороны Никопольского плацдарма.

Вскоре были обработаны и обобщены все данные разведки боем. Атакующие батальоны залегли, ведя огонь в ритме общей подготовки наступления, чтобы противник ни на секунду не ощутил паузы в бою.

В 8 часов 25 минут началась артиллерийская подготовка.

Артиллеристы были спокойны. Они знали с полной достоверностью, что их снаряды попадут не в пустоту, а обрушатся на траншеи, заполненные живой силой и техникой врага. Фонтаны жидкой грязи и земли вздымались к небу. Взлетали на воздух перекрытия блиндажей, брустверы окопов, бетонированные колпаки.

Через пятьдесят минут такого прицельного, но не густого артиллерийского огня на позиции противника лег огневой вал. Наша пехота и танки непосредственной поддержки двинулись в наступление.

Перебежки по топкой грязи было делать невозможно. Пехота двигалась медленно, но верно. Прикрытая огнем валом, она неуклонно продвигалась вперед, подавляя огонь сопротивления. К концу дня была решена ближайшая задача всего наступления. Наши войска вели бой за поселки Красное, Приют, Звезда, Лошкаревка.

Противник переходил в контратаки, но мы видели, что эти контратаки становятся все слабее и слабее. Сопротивление врага было на исходе: К концу дня все контратаки были отбиты с большими для противника потерями.

Мы опасались, что противник под покровом темноты начнет отвод своих войск, поэтому и ночью продолжали разведывательные бои. Но опасения были напрасны. Противнику отходить уже было некуда, у него в тылу была река Днепр.

Утром 1 февраля дивизии 8-й гвардейской армии после короткой артподготовки ввели в бой вторые эшелоны.

Было около 12 часов, когда я доложил командующему фронтом, что вражеская оборона в зоне действия 8-й гвардейской армии прорвана.

Р. Я. Малиновский и А. М. Василевский находились в это время на наблюдательном пункте командующего 46-й армией генерала В. В. Глаголева. Там же был и командир 4-го механизированного корпуса генерал Т. И. Танасчишин. Видимо, командование фронта ожидало прорыва обороны противника на участке 46-й армии.

Родион Яковлевич Малиновский выслушал мой доклад и приказал ждать его прибытия на командный пункт. Примерно через час Р. Я. Малиновский и А. М. Василевский прибыли на курган Могила Орлова. С кургана они могли видеть, как наши части втягивались на северную окраину Павлополя. Р. Я. Малиновский дал приказ о вводе мехкорпуса в бой. Генерал Т. И. Танасчишин действовал оперативно. Вслед за частями 29-го и 4-го гвардейских стрелковых корпусов танки механизированного корпуса устремились в прорыв.

К вечеру 1 февраля погода начала портиться, авиация лишилась возможности активно действовать. На землю опустился густой, почти непроницаемый туман. Хлынул дождь. Поплыл грунт под ногами. На полях разлились глубокие лужи, они превращались в настоящие озера.

Стремительно темнело. Танки Танасчишина и наша пехота двигались почти нога в ногу, пробиваясь с трудом по грязи и в тумане. Связь между наступающими частями едва-едва поддерживалась. Но, несмотря на сплошной туман, наши войска продвигались вперед, противник уже не имел сил сдержать наш удар.

2 февраля. Погода несколько не улучшилась. Видимость не более десяти-пятнадцати метров. И это днем. Даже выстрелы в тумане глохли, как в вате. Туман обволакивал все предметы, набухали от влаги солдатские шинели, на сапоги липли пуды грязи. Идти было невероятно трудно. Но солдаты шли. И только части двинулись вперед, как с ними тут же прекратилась всякая связь, они как бы утонули, как бы растворились в тумане.

Что же было делать командованию армии, командирам корпусов и дивизий? Оставалось одно — двигаться за войсками для того, чтобы не потерять с ними связь, чтобы не потерять управление. Рассчитывать лишь на радиосвязь и связь нарочными не приходилось. Но, оставляя командные пункты, мы теряли связь со штабом фронта. Однако задачи нам были ясны и в этой обста-

новке важнее было иметь связь с войсками. Я отдал приказ: «Командирам корпусов и дивизий с передовых пунктов управления взять радиостанции и следовать за наступающими войсками. Передовой пункт управления армии будет следовать вдоль железной дороги на Апостолово».

Со мной выехали член Военного совета генерал Дорониц, генерал Пожарский, полковники Вайнруб, Хижняков и другие. Для связи со штабом фронта на командном пункте армии был оставлен со своим аппаратом начальник штаба генерал Владимиров.

Мы разместились в вездеходах, в сопровождение взяли один танк КВ. Подъехали к железнодорожной насыпи, но ехать по полотну было невозможно: гитлеровцы перед отходом вывели его из строя — шпалы торчали дыбом, рельсы лежали вдоль и поперек. С большим трудом продвигались вдоль железнодорожной насыпи: каждая лошадка, каждая низинка оказывались труднопреодолимым препятствием.

Мы медленно продвигались за войсками, пытаюсь несколько раз установить связь с передовыми частями. Ни одна наша попытка не увенчалась успехом. Радиостанции командиров корпусов и дивизий работали с перебоями.

К 12 часам дня мы добрались до поселка Петропавловка. В Петропавловке со мной на связь вышел начальник штаба армии. Генерал В. Я. Владимиров передал мне кодограмму, в которой говорилось в несколько завуалированной форме, что «главный московский хозяин (по шифру имелся в виду И. В. Сталин) требует после овладения Апостоловом главные силы армии повернуть на Никополь и овладеть городом».

Приказ этот показался мне странным. Зачем же надо поворачивать армию и нацеливать на город, который фактически уже был у нас в тылу? Тем более, что на Никополь оказывали давление и наша 6-я армия и 4-й Украинский фронт. Спорить, однако, не приходилось.

Наши войска продолжали продвигаться вперед. На участке Апостолово — Перевизские хутора образовался крайне опасный для противника прорыв в линии фронта. Здесь были наголову разбиты две дивизии противника. Успешно развивали наступление и войска 46-й армии генерала Глаголева.

Весь фронт пришел в движение, все заколебалось.

Становилось очевидным, что в районе Марганец, Никополь, Чумаки, Чкалово попали в полуокружение пять-шесть вражеских дивизий. Перед нами вырисовывались две задачи. Первая — захватить Апостолово, Марьянское, Чертомлык, Шолохово и тем самым перерезать пути отхода гитлеровцам из района Никополя на запад. Эту задачу диктовала нам сложившаяся обстановка. Вторая задача была поставлена Верховным Главнокомандующим — овладеть городом Никополь.

В Петропавловке я наметил дальнейший план наступления и, пользуясь установившейся отсюда связью с войсками, передал им соответствующие указания.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем хуже и хуже становилась дорога. Шел дождь со снегом. Червозем размяк на большую глубину. Колесным машинам по дорогам двигаться не было никакой возможности. Вездеходы в несколько рядов двигались по полю, каждая машина оставляла за собой такую глубокую колею, что вслед за ней другая машина идти уже не могла, она сейчас же садилась на картер. На дорогах, в полях стояли сотни брошенных немцами автомашин, сотни и даже тысячи. Понадались увязшие в грязи танки и бронемашинны. Масса орудий была оставлена среди поля.

Наша колонна из двадцати «виллисес» и одного танка КВ на переходе от Ново-Ивановки к Шолохово подошла к речке Базавлук. Летом эта речка пересыхает, превращается в едва заметный ручеек, ее можно перепрыгнуть или перейти, не замочив коленей. В эти дни она разлилась на сто — двести метров, превратилась в водный рубеж глубиной около метра. Выручало нас то, что под водой не растаял лед и не раскис мерзлый грунт. Колесный обоз, повозки с лошадьми проходили через речку вброд. На машинах переехать через нее было невозможно. Пришлось сначала переправить танк КВ. Затем стальным тросом цепляли по две-три автомашины, и танк буксировал нас на другой берег. Переправились. Но дальше не стало легче. «Виллисесы» не могли двинуться с места. Тогда все двадцать машин были одна с другой сцеплены тросами, и танк поволок их за собой.

В Шолохово мы добрались только к вечеру. Нас встретил командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса генерал В. А. Глазунов, который добрался туда вместе со



своими офицерами пешком, доставив на себе радиостанцию, питание к ней и штабные документы.

Передовое армейское управление разместилось в больнице поселка. Мы разбирались по карте в сложившейся обстановке. Внезапно к нам явился за помощью генерал Т. И. Танасчишин. Командир корпуса, имевший в своем распоряжении более тысячи автомашин, попросил у меня хотя бы полсотни конных подвод, чтобы подвезти своим частям горючее и боеприпасы — машины буксовали в грязи.

Вдобавок ко всему ночью повалил мокрый снег и опять опустился густой туман. Рация наша не работала: мы промочили на переправе питание. Все попытки связаться со штабом армии, который в это время находился в Николаевке, окончились неудачей. С войсками связь была тоже утрачена. Хорошо, что мы успели поставить задачи командирам корпусов еще из Петропавловки.

С помощью раций В. А. Глазунова и Т. И. Танасчишина я связался с командиром 29-го гвардейского корпуса генералом Я. С. Фокановым. С командиром 28-го гвардейского стрелкового корпуса связь установить не удалось. Ничего другого не оставалось, как расположиться на ночлег. Танасчишин принес из своего танка консервы, мы вскипятили чай и устроили походный импровизированный ужин. Надо было ждать рассвета. Недаром говорится: «утро вечера мудренее...»

Рано утром мы услышали гул канонады. Приказ о наступлении выполнялся...

Первым делом я попытался связаться по радио со штабом армии. Питание для рации подсохло. Связисты наладили связь. У меня не оказалось с собой кодовой таблицы, и пришлось вести разговор с начальником штаба генералом Владимировым, пользуясь лишь условным языком. Мы узнали друг друга по голосу, я сообщил, что имею связь с Фокановым, Глазуновым и с Танасчишиным, что нахожусь в больнице. Других заметных ориентиров на карте в округе на двадцать пять километров не было. Назвать населенный пункт в открытой радиосвязи было нельзя. Владимиров понял, где я нахожусь, но это же поняли и те, кому это понимать не нужно было. Но об этом позже.

Владимиров очень обрадовался, услышав мой голос. Меня, оказывается, уже разыскивали из штаба фронта, обеспокоенные потерей со мной связи. Я просил всех успокоить, приказал выслать ко мне в больницу верховых лошадей и поторопить командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса к наступлению на юг.

Наши войска успешно теснили противника, отрезая последние оставшиеся у него пути отхода на запад.

5 февраля сомкнулись в почном бою фланги двух армий — 46-й и 8-й гвардейской. Фланги сомкнулись в Апостолово. Город был освобожден совместными усилиями 4-й гвардейской стрелковой дивизии 31-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии и 74-й гвардейской стрелковой дивизии 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии. Количество трофеев увеличивалось с каждым часом. Противник бросал все, что могло как-то задержать его бегство. По дороге из Каменки в Апостолово наши войска, например, обнаружили десять совершенно исправных танков «тигр». Они завязли в грязи по самые башни. У противника оставался единственный путь для отхода — это днепровские плавни, где можно было продвигаться только пешком.

Освобождение Апостолово частями 8-й гвардейской и 46-й армий было специально отмечено в приказе Верховного Главнокомандующего. В столице нашей Родины прозвучал салют в честь освобождения небольшого городка на юге Украины, который имел большое стратегическое значение.

Теперь уж мы не опасались за свой левый берег. Противник не мог организовать контратаки из Никополя.

Но мы могли еще ожидать контрудара на Апостолово с целью отбросить нас с железной дороги Никополь — Апостолово, чтобы облегчить выход немецких войск днепровскими плавнями. Поэтому мы решили усилить наступление на участке Апостолово — Чертомлык и ввести в бой 27-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Утром 6 февраля я решил проследить, как будет вводится в бой 27-я гвардейская стрелковая дивизия, которая выдвигалась к станции Ток. На автомашине ехать было невозможно. Мы с адъютантом сели на верховых лошадей. К станции Ток дорога лежала через Базавлук, Токовское. У Токовского мы могли переправиться по мосту через речку Каменку.

Выехав из Базавлука, мы увидели дорогу с глубоко прорезанными колеями. Она показалась нам хорошим ориентиром, мы решили, что здесь прошли наши части и спокойно поехали по ней. Солнце било в лицо, стало быть, мы продвигались на юг. Направление взято как будто бы правильно. Мы ехали полем вдоль пробитой колеи. Однако долгое время нам никто почему-то не попадался навстречу. У меня закралось сомнение: правильно ли мы едем? Поднялись на пригорок, я решил свериться по карте. Остановил лошадей. Позади меня остановились адъютант и коновод. Я развернул карту... И вдруг откуда-то со стороны раздались автоматные очереди и ружейные выстрелы. Засвистели пули. Моя лошадь поднялась на дыбы и рухнула на землю. Выручила меня старая кавалерийская привычка — я успел высвободить ноги из стремян и, прыгнув с седла, тут же упал в глубокую дорожную колею.

Адъютант и коновод оказались около меня. Они почти одновременно крикнули мне, чтобы я садился на какую-нибудь из их лошадей. В ответ я приказал:

— Слезай! Ложись!

Они оба упали в колеи. Секундой спустя и их лошади были срезаны ружейным и автоматным огнем.

Автомобильные колеи были спасательно глубоки. Мы несколько минут лежали не шевелясь. Пули вшивались в землю совсем рядом. Но долго в бездействии лежать было нельзя. Противник мог поинтересоваться, кого он снял с лошадей. На мне была генеральская папаха с красным верхом и брюки с лампасами, словом, приметы, хорошо известные врагу.

Да и лежать без движения было неважно. Ледяная вода просочилась сквозь одежду и сковала холодными обручами тело. Мы поползли вдоль колеи. Противник заметил движение. Усилил автоматный огонь.

Адъютант крикнул сзади:

— Командующий! Бросай шапку! Они по красному верху целятся!

Обращение было, конечно, не по форме, но до соблюдения ли формы в таком положении?

Папаху я снял, но огонь не прекратился. Мы ползли по-пластунски. Очень скоро в отвороты моих охотничьих яловых сапог набилась жидкая грязь. Не сдвинешь ноги в узкой колее. Адъютант посоветовал мне скинуть и са-

поги. Пришлось его послушаться. Разулся. Ползти стало легче. Что значит ползти по жидкой грязи? Право, не преувеличивая, двигались мы по метру вперед, разгребая впереди себя грязь.

Вскоре мы по слуху определили, что пули около нас уже не ложатся, а пролетают над нами значительно выше. Стало быть, мы спустились с пригорка в мертвое пространство.

Мы из предосторожности ползли еще некоторое время. Наконец обстрел прекратился. Мы встали и пошли к поселку.

Неподалеку от поселка Базавлук встретили члена Военного совета армии генерала Я. А. Доронина, который ехал в Каменку и так же, как мы, сбился с дороги на той же автомобильной колее. Мы его, конечно, завернули обратно, а я, воспользовавшись лошадьёю его коновода, поскакал к командному пункту в Шолохово, располагавшемуся по-прежнему в больнице. Пришлось переодеться в валяные сапоги и в запасное обмундирование. Но приключения этого дня еще не кончились. Не успел я переодеться — раздался сигнал воздушной тревоги. Послышался нарастающий гул самолетов, затем раздался разрыв авиационных бомб. Разрывы бомб сотрясали здание, вылетели стекла. Я вышел на улицу и прислонился к стене здания. Прятаться, собственно говоря, было некуда. Кругом все открыто — ни кустика, ни канавки.

Самолеты один за другим заходили на бомбовые удары. Целили в больницу. Я вспомнил о своем выходе в эфир, о том, как на условном языке сообщил Владимирову, что нахожусь в больнице. Как видно, наш «условный» язык оказался не таким уж недоступным для противника, который по-видимому догадался, что больница превращена нами в какой-то важный командный узел. Зенитных орудий, чтобы отразить налет, у нас не было. Пришлось терпеливо ждать, когда самолеты освободятся от своего смертоносного груза. Без потерь не обошлось. Война есть война...

Наконец самолеты улетели. Мы немедленно перевели командный пункт в близлежащий поселок.

С нового командного пункта, на этот раз тщательно замаскированного, мне удалось связаться с войсками. В донесениях сообщалось об успешном наступлении и



взятии Большой Костромки и других опорных пунктов противника. Горловина для выхода немецких войск сузилась.

В больших сражениях где-то бывает кульминационная точка. Такой кульминационной точкой в сражении против никопольской группировки противника оказалась Большая Костромка. Падение опорного узла обороны в Апостолово, конечно, не оставляло уже никаких надежд у гитлеровского командования остановить наше наступление. Чтобы как-то сдерживать войска 8-й гвардейской армии, опускавшиеся дугой через Большую Костромку на берег Днепра, немецкое командование бросило против нас все свои резервные части, в том числе войска, переправленные с восточного берега Днепра, до этого сдерживавшие там 3-ю гвардейскую армию. Эти части были брошены в контратаку против наших двух корпусов.

Наше продвижение приостановилось. Опять же бездорожье. Нам не доставало боеприпасов, чтобы, отбив контратаки, тут же развернуть и наступление. Контратаки были отбиты. Противник нес в этих контратаках неисчислимы потери. Но и у нас не доставало силы еще одним ударом достичь берега Днепра и замкнуть дугу окружения. Наша авиаразведка докладывала, что солдаты противника потоком уходят из окружения, бросая технику и тяжелое оружие на дорогах и в плавнях, что это уже не отход, а беспорядочное бегство.

8 февраля нам стало известно, что войска 66-го стрелкового корпуса 6-й армии генерала И. Т. Шлемина и 32-го стрелкового корпуса 3-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко вошли в Никополь.

Я полагаю, что освобождение этого города было великолепной демонстрацией взаимодействия всех родов войск, в составе нескольких армий и даже фронтов. Никополь был освобожден войсками 6-й и 3-й гвардейских армий. Но освобождение Никополя было предрешено не в меньшей степени действиями 8-й гвардейской и 46-й армий. После падения Апостолово и Большой Костромки противник начал стремительный отход из Никополя, покидая марганцевые рудники, за которые держался с фанатическим упорством.

Казалось, с освобождением Никополя операция могла бы и закончиться. Но это далеко не так. Переправив несколько дивизий с левого, восточного берега Днепра, про-

тивник сосредоточил части для контрудара на Апостолово. Для этой цели он южнее Большой Костромки собрал в кулак 10—12 дивизий. Гитлеровское командование намеревалось повторить контрудар, который был нанесен им по войскам 2-го Украинского фронта в октябре 1943 года к северу от Кривого Рога. Этим своим контрударом он намеревался сорвать наступление наших войск на Криво-рожский район.

Все решалось на дорогах. Через разлившуюся Каменку почти невозможно было переправлять транспорты с боеприпасами и продовольствием. Военный совет армии специальным решением организовал переброску боеприпасов и продовольствия на самолетах По-2. На северной окраине Каменки был сооружен специальный аэродром и создана погрузочная база, а в поселке Запорожское выставлена разгрузочная команда возле посадочной площадки. Эти пятнадцать километров между Каменкой и Запорожским были превращены в воздушный мост. Летчики совершали по шесть-десять рейсов в сутки с грузом в сто — сто двадцать килограммов. За сутки переправлялось до шести тонн грузов. Хотя это было очень мало, но в той обстановке и это было подспорьем. Однако воздушный мост работал только два или три дня. Опять полил дождь, пошел мокрый снег, повисли туманы, погрузочные и посадочные площадки вышли из строя. Боеприпасов не хватало.

Тяжелая артиллерия под командованием генерала А. И. Ратова отставала от войск и вязла в грязи. Полковая и дивизионная артиллерия простаивала из-за отсутствия боеприпасов.

Пользуясь этим, противник 8 и 9 февраля усилил свои контратаки. Он ввел танки и подошедшие с левого берега Днепра пехотные части. Ему удалось подойти к окраине Большой Костромки.

А тут еще нарушилось взаимодействие 46-й армии с 8-й гвардейской.

Полное бездорожье, туманы, непрерывные из-за этого нарушения связи, расплывающаяся линия фронта, конфигурация которой диктовалась необходимостью преследовать отступающего противника, — все это, возможно, и привело к тому, что В. В. Глаголев растянул свой левый фланг и сильно выдвинулся в направлении на Широкую, подставив свой фланг под удар. Противник группой тан-

ков незамедлительно нанес удар по флангу 46-й армии, занял поселок Червоный и усилил нажим с юга на Апостолово.

Пришлось провести перегруппировку войск в районе Апостолово, создать ударный кулак в составе трех-четырех стрелковых дивизий и механизированного корпуса.

10 февраля можно считать днем окончательного разгрома никопольской группировки противника, против которой 8-я гвардейская армия вела бои, начиная с ноября 1943 года.

Перегруппировкой войск в районе Апостолово, с выдвинутым их западнее этого железнодорожного узла начиналась новая полоса сражений.

Попытка гитлеровского командования вывести свои войска к Кривому Рогу была сорвана. Около десяти дивизий противника были скованы нашей армией южнее Апостолово. В это время на правом крыле фронта шли бои за Кривой Рог, который был освобожден войсками 37-й, 46-й и 17-й воздушной армий к славной годовщине создания Красной Армии — к 23 февраля.

С осени 1941 по февраль 1944 года фашистская Германия владела рудными богатствами Никополя и Криворожья. Другое дело, насколько германская промышленность могла воспользоваться ими из-за действий украинских партизан и подпольщиков.

В результате Никопольско-Криворожской операции советские войска нанесли огромный урон гитлеровским войскам в живой силе и технике. Были захвачены десятки тысяч автомашин, сотни танков, тысячи орудий и минометов. Трупы гитлеровских вояк устилали поля Днепропетровской области.

Никопольско-Криворожская операция завершилась.

Перед фронтом и 8-й гвардейской армией вставали новые задачи.

## Ингулецкий парадокс

Командование фронта поставило перед армией задачу: в течение 1 и 2 марта захватить плацдармы на западном берегу реки Ингулец и выйти на рубеж Зеленая — Андреевка — Зеленый Гай — Горохватка. С этого рубежа войска 8-й гвардейской армии в соответствии с директивой фронта должны были 3 марта начать общее решительное наступление в направлении на Троицко-Сафоново — Новый Буг. В директиве фронта ставилась задача перед армией подготовить переправы в районе Широкое — Андреевка для ввода в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса, объединенных под командованием генерал-лейтенанта Исы Александровича Плиева.

Получив эту задачу, Военный совет армии на заседании в Апостолово 27 февраля утвердил разработанную штабом операцию и дал указания командирам и политработникам довести до каждого солдата приказы Верховного Главнокомандующего о взятии Апостолово и Никополя. Одновременно мобилизовать личный состав частей на выполнение дальнейших задач.

Разведка, а также и рекогносцировка показали, что правый берег Ингульца сильно укреплен: окопы полного профиля, артиллерийские и минометные позиции с наблюдательными пунктами, минные поля. Одним словом, противник опять стоял на укрепленных рубежах, защищенный разлившейся рекой Ингулец. Для прорыва такой укрепленной полосы требовалась, конечно, тщательная подготовка. А главное, требовалось много снарядов и мин, чтобы разрушить огневые позиции противника. У нас опять не доставало боеприпасов, ибо подвезти их было очень трудно. Выручала железнодорожная насыпь,



но она была тонкой ниточкой, всего лишь артерией, пропускная способность которой не могла полностью обеспечить нужды армии. Но война являет нам частенько неожиданности, вовремя воспользовавшись которыми, можно решить задачи, кажущиеся порой и неразрешимыми.

На войне иной раз приходилось слышать, что такому-то командиру «везет». Говаривали, что такой-то командир знает «петушиное слово», что родился он, дескать, в рубашке. Все это, конечно, выдумки. Именно таким вот «везением» объясняли и блистательные победы Александра Васильевича Суворова. Это побудило его однажды воскликнуть: «Везение и везение, а когда-то и умение!» Везение — это действительно умение. Надо уметь воспользоваться оплошностью противника, не прозевать минуты, когда он раскрылся, и точно нанести удар. Исход боя не всегда решается массой, но всегда мастерством, умением вести бой.

Что такое «везение» и «умение», поясню на блестящем примере действий командира разведывательной роты 88-й гвардейской дивизии старшего лейтенанта Федора Леонтьевича Каткова. Комсомольцы-разведчики. Всего одна рота. В общей массе армейских соединений единица невелика. А она сыграла большую, исключительную роль в прорыве обороны противника на реке Ингулец на участке 28-го гвардейского стрелкового корпуса.

Катков получил задание разведать русло реки Ингулец, подыскать места для форсирования, для переправ, установить, какие силы врага обороняют поселок Зеленое и Широкую Дачу. Старший лейтенант тщательно проанализировал обстановку. Он решил, что лучше всего удастся разведать силы противника, если всей ротой переправиться на другой берег.

Но не с боем же его роте пробиваться сквозь оборонительную линию!

Катков вызвал к себе на наблюдательный пункт, на крышу хаты, на южной окраине поселка Ингулец, своих бсевых товарищей и помощников: старшину Корша, старшего сержанта Примака, ефрейтора Лонахина и рядового Самойленко.

Полдня, не отрываясь, просматривали разведчики местность и изучали обстановку в поселке Зеленое. Ни одного здания, ни одной улицы, ни одного рва не было оставлено без внимания. В поле их наблюдения попал

участок железной дороги, идущей через поселок Зеленое на станцию Ингулец, и берег реки с густыми зарослями неубранного прошлогоднего подсолнечника и кукурузы, и излучина, вдающаяся к поселку Ингулец от Зеленого и станционного поселка Ингулец.

Разведчики засекли, что вражеские парные патрули изредка проходят по железнодорожной насыпи между поселками Зеленое и Станционное. Появление патрулей подсказало, что в самой излучине войск противника нет.

На основании всех этих данных разведчики составили свой план действий, который они сообщили командиру 3-го батальона 226-го полка гвардии майору Черняеву и парторгу 2-го батальона 269-го полка гвардии младшему лейтенанту Галимову. Фланги этих полков 88-й гвардейской стрелковой дивизии смыкались в поселке Ингулец.

План был прост.

Под покровом темноты разведывательная рота во главе со старшим лейтенантом Катковым должна была бесшумно переправиться через Ингулец в его излучине, преодолеть пространство от реки до полотна железной дороги по зарослям кукурузы и подсолнечника, снять патрулей, пересечь железную дорогу и подползти к поселку Зеленое и к станционным зданиям на станции Ингулец. Достигнув поселка Зеленое и станции, они должны будут дать сигнал 3-му и 2-му батальонам 226-го и 269-го гвардейских стрелковых полков. Эти батальоны должны переправиться через Ингулец. 2-й батальон нацеливался на поселок Зеленое, 3-й батальон — на станционный поселок. В случае неудачи батальоны откроют заградительный ружейно-пулеметный огонь по южной окраине поселка Зеленое. Прибывший к разведчикам командир дивизии генерал-майор Б. Н. Панков утвердил этот план.

Разведать и найти броды в излучине реки помогли местные жители. К 8 часам вечера 2 марта рота Каткова полностью переправилась через реку. Разведчики очень ловко использовали высокую насыпь-дамбу, проходившую по западному берегу. Под ее прикрытием и прошла переправа.

В разведывательной роте было около шестидесяти бойцов. Они были вооружены автоматами, восемью ручными пулеметами, десятью немецкими фаустпатронами. За ротой связисты тянули телефонный провод.

В девять часов вечера, перевалив через дамбу, разведчики двинулись к полотну железной дороги. Впереди шли самые опытные: старший сержант Примак, старшина Корш и ефрейтор Лопухин. Метрах в двухстах позади, в середине боевого порядка разведроты, шел Катков. Четыре связиста бесшумно разматывали телефонный провод. Изредка, прикрывшись фуфайками, чтобы заглушить голоса, они проверяли, как работает связь. За их продвижением следили из 2-го и 3-го батальонов. Между дозорными и командиром роты шла переключка условными сигналами.

От берега реки до железнодорожной насыпи всего два километра, на преодоление которых ушло почти два часа. Двигались крайне осторожно, ибо только скрытность могла принести успех их дерзкому рейду.

К одиннадцати часам вечера разведчики достигли насыпи и притаились. Старший лейтенант Катков связался по телефону с командиром дивизии генералом Б. Н. Панковым, доложил ему обстановку и сообщил, что готов встретить 3-й и 2-й батальоны, назначенные в первый эшелон для наступления.

По их плану 2-й батальон 269-го гвардейского полка должен был выйти на правый фланг разведывательной роты и развернуться фронтом на север для атаки на Зеленое, а 3-й батальон 226-го гвардейского полка выходил на левый фланг, чтобы атаковать станционный поселок. Навстречу батальонам Катков выслал опытных провожатых.

В засаду разведчиков у поселка Зеленое попали два патрульных из пехотного полка 16-й немецкой моторизованной дивизии. Пленных привели к Каткову. Он их тут же допросил и выяснил, что участок от Зеленого до Николаевки обороняет 16-я моторизованная дивизия, что гарнизон поселка Зеленое состоит из пехотного батальона численностью двести человек, собранных наспех из разных частей. Батальон усилен шестью танками. Вокруг поселка вырыты окопы полного профиля фронтом на восток, их занимают взводы от каждой роты. Основные силы батальона находятся на западной окраине поселка, из-за плохой погоды командование не ожидает наступления русских. Было также установлено, что поселок Станционное занимает 2-й батальон того же пехотного пол-

ка. Пункт встречи патрулей — у развилки железнодорожного тупика, отходящего к шахте «Визирка».

Около полуночи к Каткову присоединились командир 3-го батальона гвардии майор Черняев и парторг 2-го батальона младший лейтенант Галимов.

На месте были уточнены задачи батальонов и разведроты. Батальоны должны были наступать по ранее определенным направлениям; разведывательная рота, усиленная стрелковой ротой 3-го батальона, направляла свой удар на курган с отметкой 84,4, чтобы перехватить дороги из поселка Зеленое на Рахмановку и на Войково. Атаку было условлено начинать после выхода разведроты на курган с отметкой 84,4. Сигнал — три зеленые ракеты — должен был подать Катков.

На связь с командирами батальонов и с Катковым вышел по телефону командир дивизии генерал Панков. Он расспросил их об обстановке, утвердил план действий и пояснил, что артиллерия нацелена на поселки Зеленое и Станционное, что она готова открыть огонь по первому же сигналу красной ракетой. Остальные батальоны этих двух полков начинают переправу через Ингулец.

16-й моторизованной дивизией командовал генерал-лейтенант граф фон Шверин. Как позднее выяснилось из его следственного дела, захваченного нами, он считал, что наше наступление на Ингулец не могло последовать сразу же, без долгой оперативной паузы после боев за Никополь и Апостолово. Он считал, что «генерал грязь» задержит наступление советских войск на долгое время. В позже захваченной нами переписке между штабами вражеских соединений прямо говорилось, что прорыв советских войск у поселка Зеленое для них был полной неожиданностью. В их расчеты входило как можно дольше держаться на оборонительном рубеже по реке Ингулец. Могли ли гитлеровские генералы такого ранга предположить, что их расчеты опрокинуты старшим лейтенантом Катковым, младшим лейтенантом Галимовым и другими, собственно говоря, младшими советскими офицерами?

Около двух часов ночи разведрота и стрелковая рота, во главе которых шел Катков, подошли к кургану с отметкой 84,4. Ночь была облачная. Темнота густо прикрывала окрестности. Трудно было бы сориентироваться в полной тьме, если бы Каткову снова не выпала удача:



разведчики нащупали телефонный провод, который тянулся с юга на север. Немедленно подключили к линии свой аппарат подслушивания. Линия молчала, но по шорохам связисты определили, что она включена, что она действующая. Двинулись по направлению провода, надеясь определить, куда он ведет. Еще дважды подключали аппарат подслушивания. На третий раз удалось подслушать разговор. По линии передавалось, что на огневые позиции дивизиона отправлено сто сорок восемь снарядов. Катков догадался, что провод ведет к артиллерийскому наблюдательному пункту противника.

Он решил бесшумно захватить артиллерийский наблюдательный пункт. Послал вперед головной взвод и с ним старшину Корша и рядового Зимина, знающих немецкий язык. С наблюдательного пункта их могли окликнуть — Зимин и Корш должны были ответить на немецком языке. Этот прием не раз помогал разведчикам захватить противника врасплох.

Катков шел вслед за головным взводом, который продвигался в темноте строго по проводу. Направление провода давало основание Каткову предполагать, что он приведет их на курган с отметкой 84,4 как господствующей над местностью.

Несколько минут спустя старшина Корш передал сигнал «Внимание!»

Катков подошел к Коршу. Они прислушались. Доносились обрывки немецкой речи. Противник был где-то совсем рядом. Разведчики ползком продвинулись вперед. В темноте вспыхнули огоньки. Это закуривали солдаты. Метрах в двухстах-трехстах севернее сверкнули огни автомобильных фар, послышался шум машин. Они буксовали в грязи, часто останавливались. Похоже было, что везли на артиллерийские позиции снаряды, о которых говорилось в подслушанном телефонном разговоре.

Это было еще одним доказательством того, что разведрота находилась где-то совсем близко от кургана с отметкой 84,4.

Катков приказал первому и второму взводам готовиться к атаке в направлении на огоньки папирос. По его приказу взвились три зеленые ракеты: сигнал атаки и для батальонов. Метрах в пятидесяти от себя увидели гитлеровских солдат и офицеров. Видно, те были ошеломлены, не понимая, что происходит, что за ракеты

взвились над ними. Катков приказал пустить белые осветительные ракеты. Коротким броском взводы преодолели пространство, отделяющее их от противника, в ход пошли автоматы. Несколько человек во главе с офицером были взяты в плен, другие укрылись в блиндаже, вырытом в кургане. Один из разведчиков обнаружил дымоход над блиндажом и метнул туда ручную гранату. С противником на кургане было покончено за несколько минут.

В поселке Зеленое в это время разгорелся бой. Ружейно-пулеметная стрельба слышалась и из поселка Станционное.

С кургана Каткову было видно, как из поселка Зеленое устремились к железнодорожному переезду автомашины с зажженными фарами. Катков решил перерезать им пути отхода. Он приказал командиру стрелковой роты занять на кургане круговую оборону. Старшина Корш получил задание дежурить у телефона и отвечать немцам, что на кургане все спокойно, что бой идет где-то северо-восточнее. Третьему взводу он приказал перерезать дорогу из Зеленого на Рахмановку и продвигаться навстречу отходящим из Зеленого автомашинам. Первый взвод в это время, поддерживая связь с третьим, должен был наступать вдоль дороги Зеленое — Войково. Сам Катков бросился с первым взводом к переезду через железную дорогу. Разведчики подожгли машину с горючим и взяли в плен шоферов остановившихся перед переездом автомашин. Колонна из пятнадцати машин, груженных продовольствием и боеприпасами, была остановлена. К переезду подошли разведчики из третьего взвода. Они гнали перед собой около тридцати пленных, среди которых были офицеры. Путь отхода из поселка Зеленое был противнику отрезан. К переезду левым флангом вышел 2-й батальон, чем завершил окружение вражеского батальона в поселке.

События в поселке Зеленое развивались таким образом...

2-й батальон, построив боевой порядок углом назад: четвертая рота правее железной дороги, пятая — левее, то есть западнее, шестая рота — в центре уступом назад, подошел к окраине поселка Зеленое. Бойцы залегли, ожидая сигнала от Каткова. Ждать пришлось долго.

Сигнала от Каткова не было. В это время в засаду попался патруль, направлявшийся из поселка Зеленое к

станции. Солдат допросили. Они показали, что их взвод занимает траншею около дома, в окнах которого виден свет. Далее пленные рассказали, что солдаты взвода спят в доме, все, кроме одного часового, который ходит под освещенными окнами. Младший лейтенант Галимов разглядел, как этот часовой, проходя под окнами, прикрывает своим силуэтом свет керосиновой лампы. Галимов, а с ним еще два бойца короткими бросками просочились к дому и оглушили часового. А потом к дому цепочкой подошли бойцы во главе с командиром батальона капитаном Чубаровым.

Главные силы батальона скрытно от гитлеровцев заняли на окраине поселка.

К хатам, куда, где расположились на ночлег главные силы батальона противника, направился Галимов с двумя взводами. Командир батальона Чубаров остался с двумя ротами в засаде в готовности поддержать Галимова. В Зеленое в это время прибыл и командир 269-го гвардейского полка подполковник Дмитрий Федорович Михайлов.

На кургане, западнее Зеленого, вспыхнули три зеленые ракеты — сигнал Каткова. Началось...

Крайним домом овладели в несколько секунд.

Галимов продвигался по запутанным переулкам и улочкам поселка. Впереди гитлеровцы зажгли хату — видно, в знак общей тревоги или как ориентир для сбора. В свете пожара мелькали силуэты вражеских солдат.

Подполковник Михайлов приказал батальону, развернувшись фронтом на восток, занять насыпь железной дороги и тем самым отрезать противнику пути отхода.

На участке 3-го батальона 226-го гвардейского полка обстановка сложилась не столь благоприятно. Бойцам майора Черняева удалось захватить несколько крайних домов станционного поселка, но батальон вынужден был залечь под плотным ружейно-пулеметным огнем.

Старший лейтенант Катков, после того как его разведчики у железнодорожного переезда встретились с подразделениями 269-го гвардейского стрелкового полка, решил на новый дерзкий поиск. От гитлеровских офицеров, попавших в плен, он узнал, что юго-западнее Зеленого, в районе поселка Андреевка, расположена батарея 105-миллиметровых гаубиц, артиллеристы с которой уходят ночевать в поселок Андреевка, оставляя на ночь

на батарее лишь несколько человек боевого охранения. Катков с тремя взводами разведчиков сел на немецкие автомашины. Пленные шоферы повели машины с зажженными фарами на батарею.

Старшина Корш, оставленный на кургане 84,4, отвечал почти каждые пять минут на телефонные вызовы и пояснял, что на его участке «все спокойно». Несколько раз он «прерывал» связь, чтобы выиграть время в этих переговорах с неизвестными ему командными пунктами врага.

Командир дивизии генерал-майор Панков, получив информацию о ночных действиях батальонов, а также донесение от старшего лейтенанта Каткова, приказал командиру 269-го гвардейского полка с рассветом очистить поселок Зеленое от противника, накормить людей и подготовить для наступления на Войково.

Командиры 226-го и 271-го гвардейских стрелковых полков подполковники Павленко и Григорьев получили приказ переправить полки на западный берег реки и с рассветом возобновить наступление.

Дивизионный инженер получил приказ — к утру 3 марта подготовить переправу через Ингулец для танков и артиллерии. Артиллерийские наблюдательные пункты еще затемно переносились на правый берег реки.

А что же в это время делали командир 16-й моторизованной дивизии генерал-лейтенант фон Шверин и его штаб? В четвертом часу утра его разбудил начальник штаба, тоже поднятый с постели.

Из станционного поселка, из Зеленого и от артиллеристов в штаб 16-й мотодивизии поступили тревожные донесения: на правом берегу реки Ингулец идут бои, советские войска перешли в наступление. Эти донесения в штабе дивизии были отмечены как панические. Какое такое наступление? Ведь не было артподготовки; по данным разведки, советские части на левом берегу не делали никаких перегруппировок. Начальник штаба дивизии нанес на карту отметки, где вспыхнули ночные бои. В отметку не вошел, конечно, курган, захваченный разведчиками Каткова, ибо Корш оттуда все еще отвечал, что у него «все спокойно».

Батальон противника в поселке Зеленое был полностью окружен, и потому тревожные сообщения поступили в штаб только в первые минуты. Зафиксирована была передача о том, что позиции в Зеленом атакованы советски-



ми разведчиками. Связь после этого оборвалась. Чем могло окончиться нападение разведчиков? Захватом «языка», и только. По-видимому, оснований для серьезной тревоги командир дивизии фон Шверин в этих сообщениях не усмотрел. Может быть, он устал, может быть, и его намотали бои в районе Апостолово? Усталость частенько обезоруживает человека, он утрачивает способность к быстрой реакции. Во всяком случае, фон Шверин не сделал нужных выводов и успокоил свой штаб. А штабные офицеры спросонья, видимо, тоже пожелали быть успешными. Апатия помешала среагировать и среднему составу в батальонах: стоило ли обращать большое внимание на поиск разведчиков?

Короткая тревога во вражеском стане затихла...

А в это время Катков с колонной немецких грузовиков пробирался почти по целине к поселку Андреевка.

Не доезжая до поселка с полкилометра, он приказал остановиться. На востоке заалела зорька. Посветлело.

Катков приказал двум взводам под общим командованием лейтенанта Шевчука ждать возле машин сигнала к атаке. Договорились, что, когда взвод во главе с Катковым завяжет перестрелку, Шевчук со своими разведчиками атакует поселок.

Катков со взводом разведчиков пошел в обход поселка в поисках артиллерийских батарей. Западнее поселка заметили в серой предрассветной мгле стволы орудий, нацеленные на восток. Скрытно подошли к артиллерийским позициям, броском поднялись в атаку. Боевые расчеты батарей были застигнуты врасплох.

Несколькими минутами позже Шевчук атаковал гарнизон поселка и артиллеристов, расположившихся там на ночлег.

Катков оставил часть разведчиков на батарее, а сам двинулся к поселку. Навстречу ему к батарее бежали вражеские артиллеристы. Их встретили огнем на дороге, а тех, кто прорвался к батарее, добились из засады. Гарнизон Андреевки и личный состав двух батарей были окружены, частично уничтожены, частично взяты в плен. Катков организовал круговую оборону вокруг батарей и через поселок Зеленое послал донесение в штаб дивизии.

Командир 3-го батальона 226-го гвардейского стрелкового полка, услышав стрельбу в Андреевке, понял, что это разведчики Каткова прорвались в глубину обороны

противника. Правым флангом своего батальона он перерезал дорогу со станции Ингулец на запад и дружной атакой овладел к рассвету станционным поселком.

Итак, оборона противника на левом берегу реки на участке Зеленое — станция Ингулец фактически была прорвана. Теперь у нас на левом берегу были плацдармы для наступления. Нужно было без промедления развить успех.

Должен сказать несколько слов о судьбе героя. Месяц спустя Федор Леонтьевич Катков погиб смертью храбрых во время выполнения боевого задания. В политдонесении 88-й гвардейской стрелковой дивизии от 6 апреля 1944 года сообщалось:

«...В бою 5 апреля с. г. смелость и дерзость проявили разведчики под командованием ст. лейтенанта Каткова. Захватив пленного немца, разведчики узнали, что в селе Адамовка расположена немецкая батарея. Ночью разведчики бесшумно пробрались в населенный пункт. Предварительно разбившись на мелкие группы, разведчики ворвались в избы, где ночевали немцы. Захватив 80 солдат и отправив их в расположение подразделения, группа разведчиков во главе с Катковым отправилась в село, чтобы захватить артиллерию врага.

В короткой схватке разведчики осуществили и эту задачу. Орудия были захвачены, их расчеты, оказавшие сопротивление, были истреблены. В этом бою смертью героя погиб командир разведроты гв. лейтенант Катков — член ВКП(б)».

Сталинградец, герой великой обороны на Волге, молодой талантливый офицер...

Вспоминая о потерях, об утратах, мы говорим часто о том огромном ущербе, который принесло нам нашествие врага. Но никак невозможно взять на учет тот ущерб, который нанесен нашему народу вот такими потерями... Как развернулся бы талант Каткова, молодого еще человека, в дни мирной жизни... Может быть, он был бы ученым или художником, из него мог вырасти видный военачальник...

Считаю необходимым отметить, что форсирование реки Ингулец благодаря расчетливым и умелым действиям офицеров младшего звена, таких как Катков, Черняев, Галимов, и младших командиров — Примака, Корша, Лопахина, — вовремя поддержанное главными силами, прошло для нас с малыми потерями. В стане противника развился скандал. Гитлеровское верховное командование

недоумевало: что же произошло? Никто не решался прямо ответить на этот вопрос. Сам Гитлер, а за ним командующий армией уже 4 марта потребовали объяснений у генералов фон Эдельштейма и фон Шверина. Несколько позже с трофейными документами к нам попал любопытный текст телефонограммы из 30-го армейского корпуса. Привожу по своим записям того времени:

По кабелю. Секретно 4.3.44 г. 24.00  
Командиру 24 ТД фон Эдельштейму  
Командиру 16 МД фон Шверину

Командование корпуса получило нижеследующий приказ господина верховного главнокомандующего:

Из быстрого и глубокого прорыва неприятелем фронта 16 МД и неясного положения там до сих пор я заключаю, что некоторые командиры подразделений дивизии утратили боеспособность. Я требую тщательного расследования и наказания виновников — командиров и их заместителей — со всей строгостью военным трибуналом, согласно создаваемому положению. О принятых мерах немедленно информировать.

Верховный главнокомандующий.

А далее командированный генерал Мюллер писал:

Командиру 24 ТД фон Эдельштейму и командиру 16 МД представить мне такой материал до 6.3.44 г.

В материалах указать:

1. Почему у Зеленого противнику удалось вклиниться и быстро совершить прорыв?

2. Чем вызвано беспорядочное отступление из «пункта 2»?

3. Почему в ночь с 3 на 4 марта правый фланг 16 МД беспорядочно отступил вопреки приказу корпуса и тем самым поставил под серьезную угрозу левый фланг 3-й горнострелковой дивизии?

Всех виновных командиров и их заместителей снять с должностей и отдать под суд военного трибунала соответственно требованию верховного главнокомандующего.

Командированный генерал Мюллер

Исх. № 1044/44 г.»

Итак, в наступление...

В ночь на 3 марта, пока разведчики вели бои на правом берегу реки Ингулец, войска армии успели провести перегруппировку, переправив часть войск на западный берег.

К рассвету 3 марта все войска 8-й гвардейской армии по приказу командующего фронтом Р. Я. Малиновского заняли исходное положение для наступления. Этот приказ нацеливал армии фронта на решение больших и слож-

ных задач. Приказ о наступлении получила конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева, объединявшая в своем составе 4-й гвардейский мехкорпус, 4-й гвардейский кавалерийский корпус и 5-ю гвардейскую мотострелковую бригаду.

В 11 часов утра 3 марта войска 8-й гвардейской армии перешли в общее наступление, форсировали в нескольких местах Ингулец и, продвинувшись за день боя вперед на пять-шесть километров, захватили несколько разрозненных плацдармов, а затем, развивая успех, соединили их воедино с глубоким выступом в глубину обороны противника. Плацдарм теперь простирался от Зеленого на Андреевку (Забережную), Широкую Дачу, станцию Николо-Козельск. Вцепившись в правый берег широко разлившейся реки, части армии приступили к постройке надежных переправ, стали переправлять через реку артиллерию, танки, подвозить боеприпасы.

Командование 8-й гвардейской армии исходило в анализе обстановки из реально сложившегося положения на правом берегу реки Ингулец. Переправив 3 марта основные силы армии на левый берег, установив на позициях артиллерийские батареи, подтянув для атаки танки, мы считали возможным уже 4 марта сильным ударом развить наступление и подготовить прорыв для ввода в бой конно-механизированной группы И. А. Плиева, значительной по тем временам силы.

И вдруг вечером 3 марта я получаю приказ командующего фронтом, несколько удививший меня. Командующий фронтом приказал отменить до утра 6 марта выполнение своего приказа, нацелившего войска фронта на широкое наступление.

Слов нет, всякое наступление требует тщательной подготовки. Лучше отложить наступление, чем бросать войска в бой без боеприпасов, с ходу, с марша, не сосредоточив их на исходных позициях. Но на войне иной раз складывается обстановка, которая требует быстрых и решительных действий, когда всякая отсрочка может оказаться более выгодной противнику.

С позиции командующего армией, конечно, не все видно в масштабе действий фронта. Но сколько я ни вчитывался в приказ командующего фронтом, принять его внутренне никак не мог.



Я рассуждал так:

1. За день боя мы понесли незначительные потери при форсировании такой серьезной водной преграды, как разлившийся Ингулец, всего сорок человек убитыми и ранеными. Мы захватили только пленными около пятисот человек. Мы нащупали слабые места в обороне противника.

2. А он, несомненно, уже понял нависшую над ним угрозу, разгадал и направление нашего главного удара, определил место наиболее глубокого вклинения в свои позиции и постарается в кратчайший срок сманеврировать резервами, заткнуть прорыв новыми частями, и мы встретим мощную оборону. Для того чтобы по бездорожью подбросить к месту прорыва обороны в районе Зеленое резервы, ему потребуется не менее двух суток. Мы сами дадим ему время для подтягивания резервов, если отложим наступление на два-три дня.

3. Армия вела бой 3 марта фактически лишь четырьмя дивизиями. Все остальные дивизии оставались вне боя, принимали на ходу пополнение, занимались переправкой войск и техники, пополнялись боеприпасами. Они были готовы к развитию наступления.

4. Подвижная группа Плиева была нацелена на прорыв на участке 8-й гвардейской армии. Стало быть, мы имели возможность, расширив прорыв, образовавшийся ночью, обеспечить быстрый и решительный ввод группы в чистый прорыв.

Что же могло побудить командующего фронтом приостановить так удачно начавшееся наступление? Я не видел для этого никаких оснований и потому решил доложить командующему фронтом о своих сомнениях и испросить разрешения продолжать наступательные действия. Ночью я связался с Родионом Яковлевичем Малиновским и изложил ему свои соображения. Родион Яковлевич, узнав от меня подробности о прорыве обороны противника и взвесив наши возможности, дал согласие на продолжение наступления с утра 4 марта.

Утром 4 марта артиллерия армии обрушила огонь на позиции противника. Командующий артиллерией генерал Н. М. Пожарский удачно спланировал огонь. Артиллерия билась по выявленным батареям врага, разрушая опорные пункты обороны, блиндажи и огневые точки. Сразу же поднялись в атаку стрелки. Безотказно, под прикрытием артиллерийского огня и нашей авиации ра-

ботали переправы. Армия развила наметившийся 3 марта успех.

К 6 марта войска 8-й гвардейской армии осуществили прорыв обороны противника на глубину до двенадцати километров и по фронту до восемнадцати километров. Таким образом, был подготовлен ввод в чистый прорыв конно-механизированной группы И. А. Плиева.

Командующий фронтом приказал 6 марта группе И. А. Плиева войти в прорыв. В 20 часов 30 минут через боевые порядки 8-й гвардейской армии пошли конники Плиева и хлынули танковые батальоны.

Я стоял на пригорке, где размещался наш КП. Перед нами простиралась украинская земля. Начинался глубокий рейд по тылам противника.

В результате стремительного и глубокого вклинения наших войск (8-й гвардейской армии и подвижной группы Плиева) вдоль железной дороги Новый Буг — Николаев для противника к исходу 10 марта создалась обстановка почти полного окружения. Гитлеровское командование создало из нескольких пехотных дивизий с танками группу прорыва, которая и начала наносить удары в заднем направлении.

Для усиления правого фланга 8-й гвардейской армии командующий фронтом придал нам 23-й танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Е. Г. Пушкина.

Корпус еще только подходил к месту назначения... Мы с ним поддерживали связь по радио. Шли осторожные переговоры короткими сигналами, чтобы гитлеровцы по радиоперехватам не догадались о передвижениях корпуса. И вдруг по радио открытым текстом сообщение: убит Е. Г. Пушкин... Генерал-лейтенант, командир 23-го танкового корпуса. Убит осколком вражеской бомбы.

Нет, неправду говорят, что на войне привыкаешь к смерти!

Но что делать с корпусом? Ставить боевую задачу по радио было невозможно.

Военный совет армии решил послать туда командующего бронетанковыми и механизированными войсками 8-й гвардейской армии генерала Матвея Григорьевича Вайнруба — ветерана-сталинградца. Ему было приказано: если нужно, вступить в командование корпусом с задачей — находясь во втором эшелоне армии, держать тес-

ную связь с частями подвижной группы Плиева и с дивизиями 28-го гвардейского стрелкового корпуса, не допускать прорыва противника на запад через железную дорогу Новый Буг — Николаев. Через час М. Г. Вайнруб улетел на самолете По-2, а через три часа я получил от него кодограмму о благополучном приземлении и прибытии в штаб 23-го танкового корпуса.

Наши наступающие части встречали яростное сопротивление противника. С каждым часом, с каждой новой контратакой становилось яснее и яснее, что гитлеровское командование спешит вывести войска из наметившегося кольца, что главные силы противника сосредоточиваются в двух районах: северная группа в составе пяти-шести дивизий, южная группа в составе трех-четырех дивизий.

Особую тревогу вызывали вражеские атаки в направлении на Ново-Полтавку. Здесь мы захватили артиллерийский склад, тысячи вагонов боеприпасов.

Надо было немедленно принимать действенные меры.

Я незамедлительно выехал с оперативной группой в Ново-Полтавку. На командном пункте вместе с автором этих строк находились: член Военного совета армии генерал Д. Ф. Семенов, командующий артиллерией генерал Н. М. Пожарский, заместитель начальника штаба армии полковник Белявский, полковник Ткаченко и офицеры штаба Велькин, Касюк, Копаненко, Павлов и другие. Проезжая по дороге от Вольное — Запорожье до Ново-Полтавки, мы дважды сталкивались с просочившимися небольшими группами противника, дважды отстреливались от этих групп и прокладывали дорогу на Ново-Полтавку по вспаханым полям.

Наше прибытие в Ново-Полтавку было как никогда своевременным и нужным. Противник успел сосредоточить достаточно сил и средств и разворачивался для прорыва из наметившегося окружения.

Напоминаю, был март. Начало марта на юге Украины — это самая невообразимая распутица. Прямое движение войск от одного населенного пункта к другому было просто невозможно. Грязь мешала вести наступление сплошным фронтом. Между различными населенными пунктами образовались разрывы пустоты. Зажатая нашими войсками, как стальными клещами, группировка противника в районе Снигиревки искала выхода в западном

направлении крупными соединениями, отрядами, и мелкими группами.

Во все стороны растекались разрозненные кучки солдат. Бросались в явно безнадежные атаки. Иной раз, увязая по колено в грязи, шли на наши позиции в рост, не пригибаясь; встреченные кинжальным пулеметным огнем, устилали трупами раскисшие пашни. Разбивалась о нашу оборону первая волна, поднималась вторая, третья... Это были атаки обреченных, отчаявшихся людей, которые пытались пробиться на запад в надежде уцелеть...

Говорят, смертельно раненный зверь в своем последнем прыжке иной раз может ранить и охотника. Поэтому, завершая операцию по окружению группировки немецко-фашистских войск, мы должны были быть готовыми к тому, что противнику удастся просочиться сквозь наши разбросанные боевые порядки, сквозь бреши в движении наших передовых частей.

Так и случилось в Ново-Полтавке.

Крупными массами пехоты, при поддержке танков, миная опорные пункты наших войск, взяв направление на Ново-Полтавку, противник пытался, используя промежутки между нашими соединениями, прорваться на запад к реке Ингул, на Ново-Горожено и Привольное. Отчаянность их контратак в этой обстановке была объяснима.

К исходу дня 12 марта они участвовали. Создалась реальная угроза Ново-Полтавке. Срочно сформированные две батареи из 105-миллиметровых трофейных орудий, выставленные на огневые позиции около вагона с боеприпасами, не жалели немецких снарядов.

Артиллеристы вели огонь прямой наводкой по наступающим массам пехоты противника. Трудно сейчас сказать, сколько их шло на наши позиции на верную смерть. Огонь был уничтожающим. Пришлось даже создать дублирующие орудийные расчеты, чтобы артиллеристы могли сменяться через каждые два-три часа безостановочного огня. А в атаку шли новые и новые части. Пленные называли номера дивизий: 17-я, 125-я, 302-я пехотные, 3-я горнострелковая и 97-я легкопехотная.

Действия наших артиллеристов, пустивших в дело орудия противника, несколько ослабили его натиск. К этому времени подошла 11-я отдельная штурмовая инженерно-санитарная бригада, и мы смогли произвести некоторую



перегруппировку сил: уплотнить боевые порядки и закрыть разрывы, через которые вражеские части просачивались на запад.

Перегруппировка наших войск проходила при непрерывных и ожесточенных контратаках врага, которые в этом районе усиливались. Назревал кризис.

Противник ценой огромных потерь занял Новоселовку, прорвался к Ново-Горожено. Его атаки поддерживала авиация. Бой приблизился к южной черте артиллерийского склада в Ново-Полтавке.

Мой наблюдательный пункт размещался на паровой мельнице в Ново-Полтавке. Прикрывал его всего лишь взвод саперов. Это все, что оставалось в ту минуту у меня под рукой. Я ждал донесения от генерала М. Г. Вайнруба о готовности к бою одной танковой бригады 23-го танкового корпуса. Наконец, получил донесение, что танковая бригада изготовилась. В 17.00 дал сигнал танковой атаки. Атака была нацелена на Ново-Горожено и Зоотехникум. С наблюдательного пункта было видно, как наши танки с ходу врзались в боевые порядки противника, расстреливая на ходу солдат, круша артиллерию. Я вспомнил август — сентябрь сорок второго года, когда гитлеровцы рвались к Сталинграду, когда их танки двигались клиньями против наших стрелков. Советские солдаты не бежали — зарывались в землю, ложились на дно окопчиков, пропускали над собой стальные чудовища, метали под гусеницы противотанковые гранаты, бутылки с горючей смесью. Рождалась солдатская слава истребителей танков. Морской пехотинец Паникако в Сталинграде сжег себя вместе с вражеским танком... Так могли сражаться только советские бойцы-патриоты. Гитлеровские вояки в 1944 году в панике бежали от наших танков враспынную...

Положение в районе артиллерийского склада значительно улучшилось. Но мы отдавали себе отчет в том, что гитлеровское командование и через горы трупов еще раз может попытаться осуществить в этом направлении вывод своих войск из под угрозы окружения.

В ночь на 13 марта был получен приказ командующего фронтом о наступлении. Он означал, по существу, уничтожение противостоящей группировки противника.

13 марта 8-я гвардейская армия начала наступление. Перестроение войск, проведенное накануне, усилило правый фланг армии, где намечалось замкнуть кольцо окру-

жения. Все попытки гитлеровцев прорваться на северо-запад, найти слабое место в наших боевых порядках ни к чему не привели.

Противник, убедившись в невозможности прорыва через наши боевые порядки днем, решил пойти на ночной прорыв. Во втором часу ночи 14 марта плотными цепями и колоннами гитлеровцы двинулись на прорыв, ведя на ходу ружейно-автоматный огонь. Наша артиллерия из-за темноты вести огонь не могла, но пехота и танкисты расстреливали в упор толпы атакующих, которые шли, не обращая внимания на огонь, не видя ночью своих потерь, и гибли сотнями и тысячами.

Надо было кончать с этой бойней. В 2 часа ночи я приказал 35-й, 57-й гвардейским стрелковым дивизиям и 353-й стрелковой дивизии перейти в наступление с севера на юг.

Трудно было в темноте определить, как разворачивается бой на уничтожение вражеской группировки. Об этом можно было только догадываться по интенсивности ружейно-пулеметного огня. Лишь днем мы установили по трупам вражеских солдат, наваленных буквально штабелями, что противник пытался выйти на Ингул и спастись на западном берегу этой малоизвестной в истории речушки.

Заялся рассвет 14 марта 1944 года. Вражеские колонны все еще пытались прорваться на запад.

Утром из неподвижных огневых точек наши танки превратились в грозную силу. Они расстреливали колонны гитлеровской пехоты из пулеметов, «утюжили» гусеницами.

С рассветом весь фронт пришел в движение. К 10 часам утра разгром противника в районе Ново-Сергеевка, Ново-Горожено, Тарасовка, Зеленый Гай был завершен. Двумя часами позже всякое сопротивление врага было подавлено и в районе разъезда Гороженово, Новопавловка, Новосеменовка, Новобратский.

Захвачено было много пленных, огромны были трофеи тяжелого и легкого оружия, автомашин и танков, самоходных орудий и бронетранспортеров.

Сколько трупов и оружия было оставлено и брошено в оврагах, балках и в поле — сказать трудно.

А те немногие, прорвавшиеся на запад, уходили за Южный Буг. Им удалось спасти себе жизнь, но я уверен,

что мало кто из ушедших остался боеспособен. Освобожденные жители рассказывали, что некоторые гитлеровские солдаты и офицеры сходили с ума.

Наши войска разгромили и отбросили немецко-фашистские войска с Днепра, полностью изолировали с суши крупную фашистскую группировку в Крыму и открыли путь на Днестр и на Одессу. Однако для быстрого преследования и разгрома отходящих войск противника осталось одно препятствие. Это грязь и бездорожье, а также лиманы рек, впадающих в Черное море...

Ставка Верховного Главнокомандования нацеливала 3-й Украинский фронт на решение новых задач.

3-му Украинскому фронту надлежало преследовать отходящие части врага, не допустить их отхода за р. Южный Буг, дабы не дать возможности противнику организовать на реке Южный Буг оборону.

Впервые перед 3-м Украинским фронтом была поставлена задача в процессе наступления выйти к государственной границе.

Я прошу читателя вдуматься в смысл этих слов. Речь шла о выходе на нашу государственную границу. До нее еще было не близко, и путь пролегал нелегкий, впереди нам предстояли бои и сражения, но уже в документе сухим военным языком граница была названа как рубеж для достижения в ходе одной предстоящей операции. Отвоевание родной земли уже было зримо и ощутимо. Не об этой ли минуте мечтал наш боец, отходя в сорок первом из этих мест, покидая своих земляков, оставшихся в оккупации, обещая вернуться? Обещали скоро вернуться. Скоро не получилось. Получилось и долго и трудно...

## Освобождение Одессы

К вечеру 14 марта через передовой командный пункт 8-й гвардейской армии, расположенный в Ново-Полтавке, прошли тысячи пленных гитлеровских солдат и офицеров. Подходили и подходили новые колонны, почти без охраны. В иных случаях один автоматчик конвоировал колонну до двухсот человек. Здесь, на этом участке фронта, враг был морально сломлен.

Надо было немедленно воспользоваться образовавшимся прорывом, чтобы двинуться на запад. Но сделать это в быстром, нарастающем темпе было просто невозможно.

Командование фронта поставило перед армией задачу: круто повернуть фронт с юга на запад и на северо-запад и в обход лиманов продвинуться к реке Южный Буг, с ходу ее форсировать, не дав возможности противнику организовать по водному рубежу оборону. В соответствии с этой директивой войска 8-й гвардейской армии уже 16 марта должны были выйти на берег Южного Буга в районе Новая Одесса. Но обстоятельства сложились так, что 16 марта войска армии еще продолжали уничтожение разрозненных частей противника, появляющихся из роц, балок, с полей.

Только пленных в этот день было захвачено более полутора тысяч человек. Была взята масса трофеев в дополнение к тем, которые были захвачены во время ночного и дневного сражения 14 марта. Одних машин захватили в этот день сто пятьдесят. Срок выхода на Южный Буг был перенесен на два дня.

17 марта войска армии круто повернули фронт и двинулись к Новой Одессе, к Южному Бугу. В пути передовые отряды армии настигали остатки разбитых дивизий противника.



Пленный гитлеровский офицер из 684-го пехотного полка 335-й пехотной дивизии показал, что остатки разбитых дивизий собираются под командованием командира 3-й горнострелковой дивизии и, оставляя аррьергарды, движутся к Южному Бугу, чтобы там занять оборону до подхода резервов с запада.

Наши войска продвигались вперед, насколько это позволяли дороги, сбивая вражеские аррьергарды. За день 17 марта было взято в плен около двух с половиной тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

18 марта армия своим правым флангом — 28-м гвардейским стрелковым корпусом — вышла на Южный Буг и заняла рубеж на участке: Новая Одесса, Касперовка, Новопетровское, Себино.

Противник собрал все свои силы на базе 4-го армейского корпуса и остатков 29-го и организовал вокруг Николаева тет-де-пон\* как прикрытие для эвакуации войск и имущества города.

19 и 20 марта нашим войскам удалось форсировать Южный Буг. Форсировали мы реку исключительно на подручных средствах. Переправа шла на лодках, плотках, переплывали реку даже на бревнах. Но переправилась только пехота с легким оружием. Переправить таким образом артиллерию и танки было невозможно. В армии и в распоряжении фронта понтонных средств тогда не нашлось. Армия ничем не могла поддержать части, переправившиеся на левый берег реки. Боеприпасов в артиллерийских соединениях почти не было. Командир 9-й артиллерийской дивизии генерал-майор артиллерии А. И. Ратов на просьбу командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса поддержать огнем переправившуюся пехоту смог разрешить только по три выстрела на орудие.

Командующий фронтом издал новый приказ. Он требовал от войск 8-й гвардейской армии решительных действий, ставил задачу форсировать реку всеми силами армии. Генералу И. А. Плиеву было приказано подготовить конно-механизированную группу к переправе в ночь с 22 на 23 марта в районе Троицкое — Новая Одесса.

И вновь установленный срок форсирования р. Южного Буга пришлось перенести. Дело в том, что Бугский лиман глубоко врезается в берег, доходя до Новопетровско-

\* Тет-де-пон — предмостное укрепление.

го. И в обычную погоду эта преграда может считаться значительной. А тут с моря подул ветер, в лиман пошла морская вода. Она столь стремительно поднималась, что создалась угроза затопления некоторых захваченных нами плацдармов на правом берегу. Пришлось отдать приказ, чтобы наши части, с боем овладевшие плацдармами, покинули их и вернулись на левый берег, иначе они бы погибли.

21 марта мне на командный пункт позвонил Исса Александрович Плиев и пригласил к себе на обед, намекая, что прибывает высокое начальство.

Я догадался, кого имел в виду Исса Александрович. Задержка с переправой через Южный Буг не могла не взволновать Ставку.

К нам приехал Маршал Советского Союза Василевский в сопровождении генерала армии Р. Я. Малиновского.

Они пригласили к И. А. Плиеву также командира 4-го гвардейского Сталинградского корпуса генерал-лейтенанта Т. И. Танасчишина и командующего воздушной армией генерал-полковника В. А. Судеца.

Александр Михайлович Василевский и Родион Яковлевич Малиновский поздравили меня с высокой наградой, с присвоением звания Героя Советского Союза. Я, со своей стороны, поздравил Родиона Яковлевича с награждением его вторым орденом Суворова 1-й степени. Исса Александрович позаботился об обеде, в этом он был большим мастером.

Я, конечно, ждал серьезного разговора, но начали все с шуток. Василевский и Малиновский принялись меня «пилить» за мои похождения неподалеку от Каменки, когда подо мной была убита лошадь.

Василевский сделал вид, что он ничего не знает, и заинтересовался, где моя лошадь. А Малиновский, как будто бы чем-то обеспокоенный, спросил, не остался ли я без сбруи и папахи.

— Не прислать ли тебе, командарм, новую сбрую? — спросил он меня.

Я объяснил, что не в моем характере оставлять противнику трофей, и рассказал, как в этот же день вечером коновод разыскал и сбрую, и седло, и папаху, и даже сапоги.

— Это у тебя как у Тараса Бульбы получается! — заметил Малиновский. — Тот за своей трубкой в самое пек-

ло полез... Можно было и осчастливить противника столь значительными трофеями.

Пришлось мне «оправдываться».

— А что же делать,— спросил я у Василевского,— если по грязи не идет ни одна машина? Надо заставить инженеров придумать такую машину, чтобы не только по дорогам ходила и по воде плавала, но чтобы могла плыть и по украинскому чернозему... Нельзя же руководить войсками из блиндажа. Что было бы, если бы такие командиры, как Исса Александрович, как Танасчишин, не бывали бы в войсках и не выбирались бы на передовую?

А затем, притворившись обиженным, заявил, что сейчас же прикажу доставить на командный пункт Плиева седло и сбрую.

Василевский, вероятно, поверил, что я сейчас им буду демонстрировать и седло, и сбрую. Он остановил меня и сказал:

— Не сердись, Василий Иванович! Это все в шутку. Нельзя же все о серьезном да о серьезном! Кому не ясно, что плох тот командующий, который в эту войну не слышал ни грохота бомб, ни воя снарядов, ни свиста пуль?!

После обеда Василевский пригласил нас на узкое и короткое совещание. Совещание было посвящено одному вопросу: выполнению дальнейших задач 8-й гвардейской армией и конно-механизированной группой И. А. Плиева в сложившейся обстановке, при тех возможностях техники и транспорта, которыми располагал 3-й Украинский фронт. Ближайшей задачей маршал А. М. Василевский ставил перед войсками фронта форсирование Южного Буга и освобождение Одессы. Конечной целью операции намечался выход наших войск на реку Днестр.

8-й гвардейской армии была поставлена задача — немедленно прорвать оборону противника по правому берегу Южного Буга и создать условия для ввода в бой подвижной группы И. А. Плиева.

С этой задачей мы разъехались по своим командным пунктам. По приезде на свой КП в Новую Одессу я созвал расширенный Военный совет армии, на который были приглашены командиры корпусов, дивизий и начальники их штабов, где обсуждались задачи армии и было принято решение: растянуть одну дивизию для прикрытия по всему фронту армии, а все остальные силы сосре-

доточить в районе Троицкое — Касперовка и форсировать реку на участке Троицкое — Андреевка.

Что нам давало такое концентрированное форсирование и наступление?

Во-первых, наша артиллерия имела возможность сконцентрировать средства поддержки пехоты в боях за плацдарм на правом берегу. Во-вторых, под прикрытием сосредоточенного огня артиллерии и авиации мы могли навести мост. Для одного моста еще можно было каким-то образом собрать строительные материалы, хотя с ними в этом безлесном районе было очень трудно. В-третьих, на этом участке, несмотря на подъем воды в лимане, нам удалось все же сохранить за собой небольшой плацдарм в районе Андреевки на правом, западном, берегу против Троицкого.

Взвесив всю сложность действий в этих обстоятельствах, сложность передвижения армейских соединений на узком участке фронта, мы в штабе армии тщательно разработали план мероприятий по обеспечению боевых действий. Я подписал приказ: с утра 26 марта армии силами 29-го и 4-го гвардейских корпусов форсировать Южный Буг, прорвать оборону противника с Андреевского плацдарма, и развивать наступление в общем направлении на Карлсруэ — Ландау.

Гитлеровское командование мобилизовало все свои последние силы и средства, стараясь задержать наше наступление на крупных водных рубежах. В этом ему помогала весенняя распутица.

31 марта к 16 часам войска армии вышли на следующий водный рубеж — Тилигульский лиман. Стрелковые части продвигались достаточно быстро, не давая возможности противнику оправиться после снитиревского разгрома. Но все чаще и чаще приходилось наткнуться и на организованную оборону в укрепленных опорных пунктах.

Нужна была артиллерия, нужны были танки. Но они стояли в ожидании переправы.

В районе Троицкого наши инженерные части днем и ночью сооружали мост грузоподъемностью в шестнадцать тонн. Шутка сказать — выстроить мост через русло Южного Буга в момент его весеннего разлива! И вот осталось каких-нибудь пять метров пролета. Все строительные материалы, которые могли годиться на строительство моста, были уже пущены в ход. Под рукой ничего не было. На



краю поселка Троицкое саперы обратили внимание на добротный дом. Нам объяснили, что до коллективизации в нем жил местный богатей. Таких построек поблизости больше не было, и саперы решили дом разобрать и бревна пустить в дело. Но тут наших северян ждала неудача. Сняли штукатурку, а под ней — не бревна, а глина. Каркас дома состоял из легких и непрочных деревянных деталей. На строительство моста они не годились...

Войска двигались на запад.

В ход были пущены все средства переправы. Все, что могло плавать и держаться на воде, было спущено в реку. У переправ скопились тысячи повозок, огромное количество боевой техники, грузы с продовольствием и боеприпасами. Пропускная способность наплавных средств была мизерной по сравнению с потребностью. Мост был необходим. Наши саперы измучились. Они промокли, продрогли, но пять метров пролета моста закрыть было нечем.

Я приехал к месту строительства и был встречен армейским инженером-полковником В. М. Ткаченко, сталинградцем, прошедшим огонь и воду, наводившим переправы через многие водные рубежи в труднейших условиях, под огнем вражеской артиллерии, под бомбежкой. Он стоял и разводил руками. Не находилось никакого решения. Хорошо еще, что шел дождь и вражеская авиация бездействовала.

Простое решение приходит всегда внезапно. Я стоял, поглядывая по сторонам, тоже силясь что-нибудь придумать. И вдруг заметил невдалеке ветряную мельницу. Пригляделся. В округе Троицкого на горизонте маячило нить таких мельниц. Может быть, они годятся как материал?

Ткаченко с полуслова понял меня. Отряд саперов тут же двинулся к мельнице. Первым оттуда вернулся Ткаченко и доложил: «Годятся!» Я приказал немедленно выдать саперам по двести граммов водки и сала на закуску. Людям надо было согреться.

Я спросил саперов:

— Как, товарищи гвардейцы, через два часа мост будет готов?

— Материал есть, горючее с нами, закуска на столе — как же не быть мосту, товарищ командарм!

Люди повеселели.

Через два часа я со штабом вернулся на мост, по которому уже переходили наши войска. Перед въездом на мост машину остановил сапер с гренадерскими усами. На его груди блеснули два ордена — орден Славы и орден Отечественной войны — и медаль «За оборону Сталинграда».

В руках гвардеец держал алюминиевую кружку.

— Товарищ генерал Чуйков! — сказал он. — Мост построен! Разрешите и Вас поздравить с окончанием! Таков обычай!

Пришлось выйти из машины. Мы чокнулись с гвардейцами алюминиевыми кружками.

— За саперов, прокладывающих путь от Сталинграда до Берлина!

## 2

Штаб армии перебрался на правый берег Южного Буга. На станции Зеленый Гай меня встретил командир 4-го гвардейского стрелкового корпуса Василий Афанасьевич Глазунов, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза.

Он вкратце доложил обстановку. Противник пытался обороняться, но наши войска сбивали его оборону. Части корпуса захватили в плен около трехсот солдат и офицеров. Среди пленных оказались и румыны. Показания пленных помогли установить, что против нас действуют разбитые части 9-й, 17-й, 358-й, 294-й, 302-й, 325-й немецких пехотных дивизий и части 15-й и 24-й пехотных дивизий румын.

Противник отступал в панике, и свидетельством этого были по-прежнему бесчисленные трофеи. На станциях, на железнодорожных путях стояло множество составов с военной техникой, продовольствием, вином, сигаретами.

К 1 апреля войска армии вышли к Тилигульскому лиману. Часть их обошла лиман с севера, часть сил с ходу его форсировала. Здесь нам повезло. Дул северный ветер, уровень воды в лимане понизился.

Сбитый с позиций на Тилигульском лимане, противник весь день медленно отходил на юго-запад. Попытки приостановить продвижение наших частей аррьергардами ни к чему не приводили. Аррьергарды не только сбивались,

по и начисто уничтожались. Враг нес большие потери. Наши войска продолжали продвигаться, преодолевая один водный рубеж за другим.

Приказом фронта от 1 апреля 8-й гвардейской армии предписывалось к исходу дня 2 апреля выйти на рубеж Добрянка — Алестарово. Группе Плиева было приказано, овладев станцией Раздельная, выслать разведку на Тирасполь, Яски и вдоль железной дороги к Одессе.

Местами все же приходилось останавливаться. Переправив через очередной водный рубеж передовые отряды, необходимо было подтягивать и основные силы, ибо арьергарды противника, расположенные на выгодных позициях, артиллерийским огнем могли причинять неприятности вырвавшимся соединениям. Нужно было подтягивать наши артиллерийские части и боеприпасы.

6 апреля войска 8-й гвардейской армии, преодолев все реки и лиманы, бесчисленные мелкие заливы и заливычки, подошли к Хаджибейскому лиману на участке Белка — Старая Вандаловка.

Это была серьезная водная преграда. Самая узкая часть лимана равнялась восьмистам метрам. Глубина доходила до двух метров. Противник имел все основания рассчитывать, что именно здесь ему удастся закрепиться на правом берегу, организовать оборону, задержать переправу наших войск, несколько выиграть время и организовать оборону Одессы.

Войскам 8-й гвардейской армии удалось с ходу форсировать лиман, что привело в замешательство гитлеровское командование. Ворота на Одессу были открыты.

Конно-механизированная группа И. А. Плиева заходила в это время круто справа, нависая над Одессой с северо-запада.

Правое крыло 3-го Украинского фронта отрезало всю группировку противника, сосредоточившуюся в районе Одессы...

Войска изготовились к завершающему удару, к штурму Одессы.

Вся Одесская операция, несомненно, вошла в историю как одна из самых блестящих по отлично налаженному в ней взаимодействию крупных войсковых объединений 3-го Украинского фронта. Несколько армий действовали в одном ритме, в одном темпе, каждая на своем участке решая свою задачу.

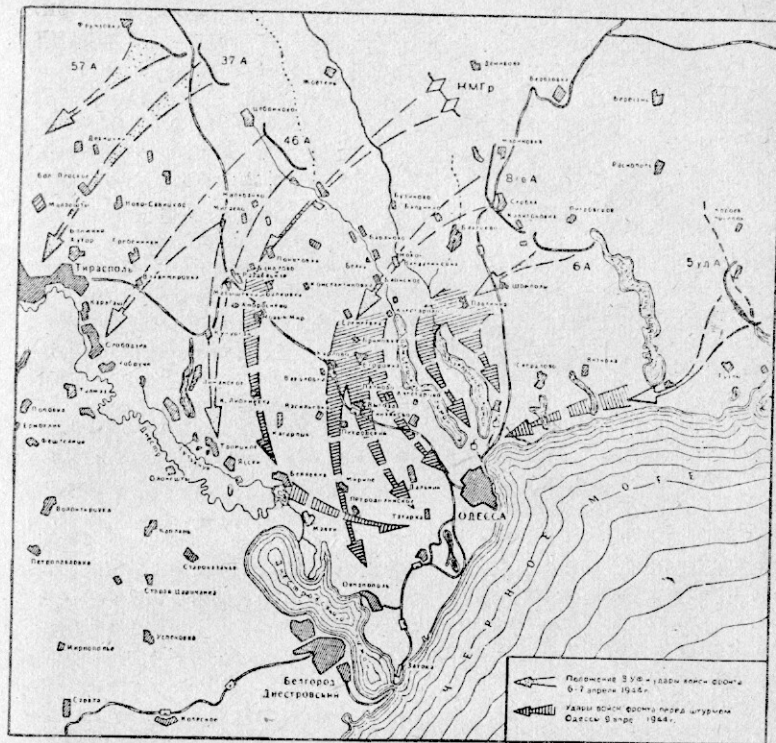


Схема операции по освобождению Одессы.

5-я ударная и 6-я армии двигались вдоль побережья Черного моря. Само по себе их движение — без охватывающего флангового марша нескольких других наших армий — было бы невозможно. В полосе действий этих армий лежали почти непреодолимые водные преграды. Но противник, опасаясь окружения, отступал. 5-я ударная и 6-я армии давили на него, не давая ему возможности где-либо закрепиться.

57-я, 37-я и 46-я армии отбрасывали гитлеровские войска на запад, свертывая его оборону, прикрывая охватывающий маневр на Одессу, с запада и юго-запада, 8-й гвардейской армии и конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева.



В ночь на 28 марта войска правого крыла 3-го Украинского фронта, используя захваченные плацдармы на западном берегу Южного Буга, перешли в наступление. 57-я, 37-я и 46-я армии прорвали фронт, расширили прорыв до 45 километров по фронту и от 4 до 25 километров в глубину. Фланговые соединения 6-й немецкой армии покатались на запад. В это же время войска 2-го Украинского фронта подходили к Яссам... 6-я немецкая армия начала отход по всему фронту.

Итак, 9 апреля войска фронта изготовились к штурму Одессы. Позади были и трудные бои, и преодоление водных преград, позади был массовый подвиг солдат и офицеров нескольких армий. Бойцов вдохновляло, что они должны принять участие в освобождении последнего крупного города Украины, еще занятого захватчиками.

Призыв «Вперед Одесса!» творил чудеса. Люди шли по гризи, шли по поясу, а то и по грудь в ледяной воде. Гитлеровское командование не ожидало, что наши войска сумеют в такой короткий срок преодолеть столь трудные природные препятствия.

8-я гвардейская армия и конно-механизированная группа И. А. Плиева были направлены на Одессу в обход с запада и юго-запада.

Лобовым ударом с востока, по дорогам вдоль Черного моря, Одессу взять было бы нелегко. Обороняли город 72-й армейский корпус в составе четырех дивизий и свыше двадцати отдельных батальонов эсэсовских войск. Они занимали сильные оборонительные укрепления на северных и северо-западных окраинах города. Лобовой удар по этим укреплениям ничего не сулил, кроме тяжелых потерь и длительной борьбы, что привело бы к разрушению улиц и жилых кварталов одного из красивейших приморских городов.

8 апреля политотдел 8-й гвардейской армии обратился к воинам со специальным воззванием. «Товарищи гвардейцы,— говорилось в нем,— мы шли к Одессе, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, распутицу, трудности... Вернем, товарищи гвардейцы, Советской Родине Одессу. Выполним до конца свой воинский долг, как его выполнили доблестные воины, оборонявшие Одессу в 1941 году, освободим Одессу от фашистских мерзавцев!»

В эти дни на отдельных участках противник бросался в яростные контратаки. Дорога от Овидиополя до Одессы сделалась ареной борьбы наших артиллеристов с танками,

которые сумело собрать фашистское командование для обороны северного сектора. Так, только в районе Татарки гвардейцы 220-го полка, которым командовал подполковник М. С. Шейкин, отразили шесть танковых контратак противника. В противотанковой батарее полка каждый снаряд был на счету. Орудия открывали огонь только с близких дистанций. Каждый снаряд — только в цель. На плечах отступающих полк ворвался в Татарку, где было взято в плен более тысячи гитлеровцев.

Утром 9 апреля войска, наступающие на Одессу с юга, севера и запада, увидели окраины города, заводские корпуса, крыши дворцов и жилых кварталов. Вернувшиеся оттуда разведчики сообщили, что портовые сооружения и почти все городские здания, в том числе знаменитый оперный театр, заминированы. Об этом же рассказывали жители Одессы, пробравшиеся к нам. Готовясь к отступлению, гитлеровские изверги хотели оставить после себя выжженную пустынную землю, груды развалин.

Еще день-два, и сатанинская сила тротила сделает свое дело. Как быть? Город надо сохранить во что бы то ни стало.

На партийных собраниях во всех подразделениях фронта было принято решение: артиллеристам не открывать огня по городу, летчикам не бросать бомбы на городские кварталы!

Наступление непосредственно на город, на его улицы началось ночью без артиллерийской и авиационной подготовки. Стрелковые подразделения 8-й гвардейской и 6-й армий и танки конно-механизированной группы штурмовали оборонительные позиции противника на различных направлениях внезапными для противника ударами и в ночь на 10 апреля оказались на улицах Одессы. Так, к утру 10 апреля части 4-го и 28-го гвардейских корпусов совместно с танкистами группы Плиева уже подходили к Дербассовской улице и выходили на берег Черного моря у Малого, Среднего и Большого фонтанов. 29-й гвардейский корпус наносил удар через Овидиополь на Затокку. Огромную поддержку в освобождении Одессы оказали летчики 17-й воздушной армии.

Отважно действовал в боях за Одессу прославленный сталинградский снайпер Василий Григорьевич Зайцев. В ту пору он командовал зенитной ротой 79-й гвардейской дивизии. Расчеты зенитных пулеметов из роты Зайцева,

прикрывая авангардные подразделения с воздуха, много раз вступали в бой с наземными войсками противника — с пехотой, с броневиками. На подступах к юго-западной окраине города, в районе джутовой фабрики, Зайцев повел свою роту в атаку, как обычное стрелковое подразделение, и, взаимодействуя со стрелковой ротой лейтенанта Владимира Бурбы, захватил военный аэродром. Удар был настолько стремителен, что базировавшиеся на этом аэродроме эскадрильи истребителей не успели взлететь. Восемнадцать исправных истребителей-«мессершмиттов» стали трофеями зенитчиков.

В свою очередь, многое сделали патриотические группы города, действовавшие под руководством подпольных партийных организаций: они приняли меры, чтобы предотвратить разрушение дворцов и театров города, не допустили взрыва, угрожающего гибелью нескольким кварталам. Партизанские группы отряда, которыми командовал С. И. Дроздов, завязали открытый бой с гитлеровцами, с тем чтобы отвлечь их на себя от наиболее важных объектов и от наступающих частей Красной Армии. Только за один день — 9 апреля отряд Дроздова вывел из строя сто двадцать вражеских солдат и офицеров и семьдесят пять взял в плен. Сотни, тысячи одесситов встречали воинов Красной Армии и вместе с ними очищали улицы от врага, гасили пожары, снимали мины и фугасы. Не удалось спасти только портовые сооружения, которые гитлеровцы все же успели взорвать. В этом едином порыве воинов и жителей города была выражена вся суть величайшего подвига нашего народа в Отечественной войне.

Так было предотвращено разрушение Одессы. Враг был разбит и отброшен за Днестр. В городе были захвачены большие трофеи — тысячи автомашин, орудий, минометов, более сотни танков и другое военное имущество. 10 апреля 1944 года столица нашей Родины — Москва отметила это событие двадцатью четырьмя залпами салюта из трехсот орудий.

Успешное завершение Одесской операции предопределило дальнейший ход боевых действий по освобождению Крыма. Потеряв Одессу, крымская группировка врага фактически оказалась в «мешке». Оперативная и стратегическая обстановка, созданная действиями Красной Армии на юге, лишила противника всех опорных пунктов

на советском побережье Черного моря. Прошло еще немало времени, и войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, начав наступление, уничтожили главные силы фашистов, а жалкие их остатки вышвырнули с Крымского полуострова и овладели главной военно-морской базой на Черном море — Севастополем.

23 апреля в освобожденной Одессе состоялся митинг трудящихся города совместно с воинами-освободителями. Город праздновал победу над врагом, праздновал освобождение. На митинге плечом к плечу стояли воины и рабочие. Воинам предстояло еще проделать трудный путь вперед, на запад, а рабочим — восстанавливать заводы и портовые сооружения. Это был единый строй людей, готовых на подвиг — трудовой и ратный. Участники митинга приняли решение, в котором говорилось: «Долгом своей гражданской чести считаем мы скорейшее восстановление всего того, что разрушено румыно-немецкими оккупантами в Одессе, возрождение всех форм нашей полнокровной советской общественной жизни... Мы твердо верим, что наша любимая Одесса быстро снова встанет в передовые ряды цветущих советских городов Украины».

Считаю нужным напомнить, что воины Красной Армии и Черноморского флота, народные ополченцы, трудящиеся города обороняли Одессу от многократно превосходящих сил противника два с половиной месяца. Советские войска, разгромив сопротивляющегося врага, освободили город в течение суток.

Как справедливо отмечается в «Истории Великой Отечественной Войны Советского Союза (1941—1945)», в этих боях отличились 248, 416, 6-я гвардейская стрелковая дивизия, 4-й гвардейский кавалерийский корпус, 9-й смешанный авиационный корпус, 62-я инженерно-саперная бригада, 87-й гвардейский минометный полк, 91-й отдельный армейский полк связи и многие другие — всего 60 соединений и частей. Одни из них были представлены к награждению орденами, другие — к присвоению почетных наименований «Одесских» или «гвардейских». Боевые успехи, самоотверженность, героизм воинов 3-го Украинского фронта, как и других фронтов, отметило Советское правительство. Только в марте свыше 13 тысяч воинов были награждены орденами и медалями.

Высокие темпы наступления Красной Армии не позволили немецко-фашистским захватчикам полностью вы-



полнить свой план — сровнять с землей оставляемые населенные пункты. Но все же гитлеровцы нанесли украинским городам и селам огромный ущерб.

Партийным, советским и хозяйственным работникам, которые приходили в города и районы вместе с частями, не приходилось убеждать жителей освобожденных городов и сел приступить к восстановительным работам. Трудящиеся сами шли в местные партийные и советские органы за указаниями, что им надо делать — восстанавливать ли предприятия, дома, строить ли дороги, мосты, аэродромы.

## Днестровский плацдарм

Мы подходим к последним страницам в рассказе о славном боевом пути 8-й гвардейской армии на украинской земле.

Начиналось все с битвы за Донбасс. В ходе боев менялись задачи, направления движения войск, жизнь и боевая практика ставили новые проблемы, которые приходилось решать в боевой обстановке. Я не могу сказать, что эти проблемы решались наспех, но времени для долгих раздумий нам не предоставлялось. Боевая обстановка постоянно менялась. И в соответствии с ней менялись планы командования.

Одесса отвлекла внимание и силы 3-го Украинского фронта от Днестра, от удара через Днестр на Прут.

Как и следовало ожидать, это дало возможность противнику несколько оправиться от поражения, укрепиться на правом берегу Днестра, пополнить и переформировать разбитые части, подтянуть некоторые резервы из глубины.

Вместе с тем Днестровский лиман и сам Днестр в его нижнем течении являли собой мощную водную преграду, которую при организованной обороне противника с ходу преодолеть было невозможно. Противник на Днестре оборонял не только реку, но и Румынию и Балканы.

Перед войсками встала задача особо серьезной подготовки к осуществлению операции по форсированию Днестра, созданию на правом его берегу широких и устойчивых плацдармов для дальнейшего наступления. Необходимо было все предусмотреть, чтобы с теми средствами, которыми мы располагали, добиться успеха в намечающейся операции.

11 и 12 апреля командующий фронтом в своих приказах потребовал от 8-й гвардейской армии и группы И. А. Плиева закончить ликвидацию противника на Днестровском лимане, на его левом берегу, и к исходу 14 апреля захватить плацдарм на правом берегу Днестровского лимана по рубежу: Каменный мост, Турлаки, Бритовка, Щаба Тырг, Рыбачья курень.

Тогда мы не могли знать, что Гитлер избрал Днестровский и Тилигульский лиманы, а также и Днестр для организации серьезной обороны на юге, ставя задачей преградить нам дорогу на Балканы.

Только после окончания войны в наши руки попал оперативный приказ ставки вермахта № 7, объясняющий трудности, с которыми встретилось наше наступление на Днестре.

«Главное командование  
сухопутных войск,  
генеральный штаб  
сухопутных войск,  
оперативный отдел (1),  
№ 440129/44 г.

2 апреля 1944 г.  
Сов. секретно

Только для командования

Оперативный приказ № 7  
Директива о продолжении боевых действий  
войск групп армий «А», «Юг» и «Центр»

1. Наступление русских войск на южном участке Восточного фронта достигло своего апогея и пошло на убыль. Русские соединения измотаны предшествующими боями. Они действуют разрозненно, без четкого обозначения направления главного удара. Настало время окончательно остановить наступление русских.

В этом плане мною отданы соответствующие распоряжения. Задача состоит в том, чтобы, оставив за собой Крым, во что бы то ни стало удержать либо вновь овладеть рубежом: Днестр до района северо-восточнее Кишинева — Яссы — Таргул Неамт — восточные отроги Карпат на участке между Тарги Неамт и Коломыя — Тарнополь — Броды — Ковель.

2. Войска группы армий «А» имеют временно задачу удерживать рубеж Тилигульский лиман — Днестр до района Дубоссары до тех пор, пока будут созданы предпосылки для снабжения Крыма независимо от Одессы. Следует лишь подготовить отвод войск за Днестр. После закрытия бреши, существующей между войсками 8-й армии и Карпатами, принять меры к быстрой переброске возможно большего количества войск с правого крыла группы армий на левый. Организовать оборону восточных отрогов Карпат. Надлежит принять все меры также и с нашей стороны для скорейшего развертывания вновь сформированных румынских соединений.

Румынские войска следует включать в нашу систему обороны с учетом условий местности, с тем чтобы танкоопасные направления оборонялись прежде всего немецкими войсками.

Особенно важно обеспечить скорейшую переброску к фронту предоставленных мною румынам тяжелых противотанковых орудий, которые надлежит использовать на особо угрожаемых участках. Орудийные расчеты остаются немецкие. В данном вопросе дорог каждый час. Ответственность за проведение данного мероприятия я возлагаю целиком и полностью на командующего группой армий, которому надлежит создать для этого специальный штаб.

Гитлер».

К 11 — 12 апреля противник успел укрепиться на правом берегу Днестра. С ходу форсировать Днестр возможности не оказалось. Должен сказать, что в эти дни наша авиация почти не действовала: аэродромы раскисли.

А как обстояли дела с решением задачи, поставленной командующим фронтом перед 8-й гвардейской армией и конно-механизированной группой И. А. Плиева?

Перед нами простирался лиман шириной от пяти до десяти километров. Для того чтобы преодолеть такое водное пространство под огнем обороняющегося противника, нужна была помощь крупных саперных частей с самыми разнообразными переправочными средствами. Нужна была поддержка авиации и тяжелой артиллерии. Авиация не могла нас поддержать, для артиллерии не было возможности подвезти боеприпасы — дороги развезло.

Несколько раз приказом командующего фронтом переносились сроки наступления на правом берегу Днестра, чтобы войска успели обеспечить себя боеприпасами, но бездорожье тормозило все виды транспорта. Для прорыва обороны противника, намеченного на 25 апреля, мы могли израсходовать лишь 0,4 боекомплекта. А требовалось раз в пять больше.

Вмешалась в наши планы и стихия.

С 16 апреля дул ветер с юга. Вода в Днестровском лимане начала подниматься. В Цареградском Гирле повышение уровня воды сорвало переправу 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

Затем начала прибывать вода на захваченном нами плацдарме западнее Беляевки и Маяков. 18 апреля Днестр вышел местами из берегов.

20 апреля вода затопила окопы изготовившихся к наступлению частей 35-й гвардейской дивизии.



Вначале, когда только поднялся ветер, мы, как люди, не знавшие капризов моря, особого значения повышению уровня воды не придали. Каждый день в штаб армии поступали сообщения из частей, что вода не перестает прибывать. Но подъем воды все еще был незначителен.

В ночь на 25 апреля, перед началом запланированного наступления, ветер усилился. Вода начала прибывать прямо на глазах. Она затоплила артиллерийские позиции, под водой оказались боеприпасы. Солдаты выходили из низинных мест на сухое, но его оставалось все меньше и меньше.

25 апреля мы попытались все же выполнить приказ командующего фронтом и перейти в наступление. Куда там! Вода все прибывала и прибывала. Уже скрывались и островки. Бойцы скапливались на мелких местах, влезали на одиноко возвышавшиеся деревья, облепивая их, словно грачи.

Мой наблюдательный пункт располагался на высоте юго-восточнее Паланка. Вода достигла и этой высоты.

Я связался по телефону с командующим фронтом и доложил ему об этом. Р. Я. Малиновский вначале не поверил, что подъем воды так велик. По телефону, конечно, трудно было удостовериться в том, что происходит на берегу реки. Я категорически заявил, что если подъем воды не приостановится, то самое большее через сутки мы окажемся без артиллерии, а солдаты — в грачиных гнездах на деревьях.

Я приказал прекратить наступление и покинуть плацдарм. На наше счастье, в Маяки прибыл фронтовой понтонный батальон. С его помощью мы вывезли людей с плацдарма. Потребовалось на это два дня. 27 апреля почти весь плацдарм был оставлен без боя.

Отойдя на левый берег, мы начали приводить в порядок войска. Надо было заняться и боевой подготовкой с вновь прибывшим пополнением.

Отдыхать не пришлось. 28 апреля был уже получен новый приказ командующего фронтом — перебазировать войска армии в район Котовский. Переброску войск приказано было осуществлять ночью, скрытно от противника. Этой переброской усиливался правый фланг 3-го Украинского на стыке со 2-м Украинским фронтом.

В ночь на 1 мая войска двинулись из района Маяки в район Григориополь и Пугачены.

3 мая войска 8-й гвардейской армии, совершив двадцатикилометровый переход, остановились в новом районе сосредоточения. Армия получила задачу — к утру 7 мая сменить части 5-й гвардейской армии генерала А. С. Жадова на плацдарме на правом берегу Днестра в районе Пугачены — Шерпены, прочно его оборонять и накапливать силы и средства для наступления. К началу смены армия имела шесть дивизий из девяти, с малым количеством боеприпасов.

Плацдарм, который занимали части 5-й гвардейской армии, тянулся по фронту на двенадцать километров, имея глубину от пяти до восьми километров. Он полностью простреливался артиллерией. Господствующие над местностью высоты находились в руках противника. Правее плацдарма, вдоль Днестра, тянулись лесные массивы и рощицы. В них противник мог скрытно от нас совершать накопление войск, там у него размещались батареи тяжелых орудий.

Само собой напрашивалось решение расширить плацдарм до рубежа Балабанешты, Чимишены и Спея, прочно опереть фланги на Днестр и обеспечить перебравы от артиллерийского огня противника. Однако, сразу выйдя на плацдарм, мы эту задачу выполнить не могли — три дивизии из девяти отсутствовали. Не были подвезены боеприпасы, не доставало средств усиления. Войска 5-й гвардейской армии, а затем и 8-й гвардейской на плацдарме не имели ни противотанковых, ни противопехотных мин.

4 мая штаб армии получил короткий приказ командующего фронтом.

В нем говорилось: «Командующему 8-й гвардейской армией иметь в виду нанесение главного удара своим левым флангом в общем направлении на Чимишены, Костожаны в охват Кишинева с юга. Время наступления укажу лично».

Этим приказом армия нацеливалась на наступление.

6 мая командующий фронтом собрал всех командующих армиями в поселке Малаешты на совещание, на котором ориентировал нас в оперативной обстановке. Р. Я. Малиновский констатировал, что немецкие войска на Правобережной Украине разбиты, что их остатки отошли за Днестр, что этим созданы предпосылки для наступления на Кишинев, для освобождения Бессарабии,

для удара на Бухарест и Плоешти. Перед нами была поставлена задача — накапливать силы.

Мы разъехались, чтобы продумать совместно со штабами всех соединений, что нужно для подготовки широкого наступления.

Но уже 8 мая утром был получен приказ командующего фронтом, предопределивший последующие события на Днестре до августа. Войскам фронта надлежало перейти к жестокой обороне, глубокоэшелонированной, с подготовкой не менее трех рубежей на общую глубину 30—40 километров.

Этот приказ знаменовал собой некоторые изменения наших оперативных замыслов на юге.

Еще 6 мая последовала директива Ставки, подписанная И. В. Сталиным и А. И. Антоновым. Она объяснила причину отмены установок на наступление, которые только перед этим были даны нам командующим фронтом. Необходимо было время, чтобы привести в порядок войска, подтянуть тылы, восстановить коммуникации и начать подготовку к летнему наступлению.

Ставка предписывала 3-му Украинскому фронту соорудить оборонительный рубеж по всей линии, занимаемой фронтом, дотянув его до Черного моря.

В этой директиве, правда, вопрос о возможности наступления совсем не снимался. Предписывалось готовиться к наступлению ориентировочно на 25 мая.

Забегая вперед, скажу, что директивой от 26 мая за подписью И. В. Сталина наступление опять было перенесено, на этот раз уже без указания сроков.

Поскольку предыдущий приказ и ориентировка, данная командующим 6 мая, требовали подготовки к наступлению, то в связи с этим главные средства усиления, как-то: 9-я артиллерийская дивизия прорыва и другие артиллерийские полки, хотя и с малым количеством боеприпасов, были направлены на плацдарм, где должны были подготовить позиции для наступления. Конечно, такая группировка сил не совсем соответствовала последующей задаче — переходу к обороне, сооружению мощного оборонительного рубежа.

Плацдарм имел только одну понтонно-мостовую переправу через Днестр в районе поселка Бутор. Если ночами на 5, 6 и 7 мая на плацдарм шли части 8-й гвардейской армии, то ночами на 8 и 9 мая с плацдарма уходили

части 5-й гвардейской армии, то есть единственная переправа обслуживала две армии по очереди, и 8-я гвардейская армия хотя и хотела, но не могла произвести какую-либо перегруппировку до 9 мая. Было бы желательно главные силы артиллерии отвести с плацдарма на восточный берег Днестра, с которого было значительно лучше поддерживать огнем обороняющиеся части на плацдарме. Надо было сделать так же, как в Сталинграде: там мы держали артиллерию на восточном берегу Волги, а оборонялись на западном. Но этого сделать не удалось — одна-единственная переправа не в состоянии была обеспечить такую перегруппировку.

Если бы время и наличие переправ через Днестр позволили отвести на восточный берег артиллерию РВГК, армейскую и корпусную, то, поставив ее в районах: одну группу — у Красной Горки, другую — в лесах восточнее Спая, — мы могли бы простреливать весь передний край плацдарма фланговым огнем, обеспечили бы подвоз снарядов, не загружая единственную переправу, и не создавали бы большую скученность войск на самом плацдарме.

Этот плацдарм (будем впредь называть его Пугачены) был для противника как бельмо на глазу. От него до столицы Молдавии Кишинева напрямую было около тридцати километров, а взятие Кишинева открывало ворота для наступления на Бухарест, Плоешти, на Балканы. Гитлеровское командование это хорошо понимало.

Удар непосредственно по Румынии, выход этого союзника из войны грозил фашистской Германии многими осложнениями, включительно — потерей Балкан. Поэтому гитлеровское командование не могло не предпринять наступления на Днестре, хотя бы и с целью ликвидировать захваченные нами плацдармы на его правом берегу, с тем, чтобы, укрепившись по всему правому берегу, поставить таким образом преграду наступлению советских войск на Балканы.

Мы должны были ожидать активизацию действий гитлеровцев, этим объяснялась и озабоченность Ставки Верховного Главнокомандования строительством оборонительных рубежей по левому берегу Днестра.

К 8 мая противник сосредоточил против плацдарма Пугачены, который обороняли четыре стрелковые дивизии 8-й гвардейской армии, четыре пехотные и три танко-



вые дивизии общей численностью около двухсот пятидесяти танков.

Наши дивизии, занимавшие плацдарм, к этому времени еще не успели получить пополнения ни живой силой, ни техникой. В распоряжении армии на плацдарме имелось всего десять танков, половина из которых были трофейными.

Противник, несомненно, внимательно следил за всеми передвижениями войск на плацдарме. В его распоряжении были господствующие высоты в этом районе, иногда появлялись и самолеты-разведчики.

10 мая в 2 часа 50 минут гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку по нашему переднему краю и глубине обороны.

После сорокаминутного интенсивного артиллерийского огня, поддержанные авиацией, двинулись в атаку пехота и танки. Это яростное наступление врага было для нас внезапным.

Однако первые атаки были отражены. Не удалась и почная атака, рассчитанная на внезапность. Гитлеровцы откатились, понеся значительные потери в живой силе и технике.

С наступлением рассвета противник, возобновив артиллерийскую и авиационную подготовку, введя в бой сорокпятьдесят танков и самоходных орудий, при поддержке с воздуха сорока бомбардировщиками, потеснил правогофланговые части 28-го гвардейского корпуса до северо-западной части Пугачены, а затем до центра этого населенного пункта. Было ясно, что противник стремится через Пугачены, вдоль берега Днестра, выйти к нашей переправе и тем самым отрезать от нее части обоих корпусов.

Командир 28-го гвардейского корпуса генерал-лейтенант Степан Ильич Морозов, находясь на южной окраине Пугачены, подтянул свои резервы, поставил зенитные орудия на прямую наводку против танков противника. Наступление вражеских войск вдоль реки на нашу понтонную переправу было приостановлено. В этом бою за Пугачены был ранен в обе ноги знаменитый сталинградский снайпер Василий Зайцев, который был уже капитаном и командовал зенитной батареей. В центре этого корпуса на участке 39-й гвардейской дивизии около шестидесяти танков противника при поддержке пехоты прорвались и вышли на дорогу Пугачены — Шерпены.

Создалась угроза рассечения армии пополам с выходом противника к переправе прямо с запада на восток. Кроме этого, от корпусов и дивизий начали поступать тревожные сигналы о недостатке боеприпасов.

Части 4-го гвардейского корпуса весь день 10 мая отбивали атаки противника, нанося ему большие потери.

Командованию армии было ясно, чего добивается враг. Еще в темноте 10 мая было принято решение: всю артиллерию 29-го гвардейского корпуса, находящуюся на восточном берегу Днестра в районе Григориополь, нацелить на участок перед фронтом 28-го гвардейского корпуса — Пугачены, Делакеу и южнее. Для поддержки этого маневра огнем к генерал-лейтенанту Я. С. Фоканову в штаб 29-го гвардейского корпуса был послан заместитель командарма генерал-лейтенант М. П. Духанов. Артиллерия этого корпуса открыла огонь во фланг и тыл противника, хотя и с запозданием, но ее воздействие на противника сказалось скоро. По прорвавшимся танкам и пехоте противника на дороге Делакеу — Шерпены был нанесен огневой удар бригадой реактивных минометов и огнем прямой наводкой орудиями калибра 203 миллиметра. В результате этого удара несколько десятков танков было разбито и горело, а пехота была или уничтожена, или отступила.

За день боя 10 мая было убито более четырех тысяч вражеских солдат и офицеров, разбито и сожжено свыше шестидесяти танков, в воздушных боях и зенитной артиллерией было сбито пятнадцать самолетов противника.

Командование фронта размещалось в это время возле станции Раздельная. Р. Я. Малиновский был разбужен артиллерийской канонадой около трех часов ночи. Уяснив обстановку, он приказал фронтовой авиации включиться всеми силами в бой против наступающего на плацдарм противника. На рассвете на мой наблюдательный пункт на кургане между поселками Бутор и Ташлык прибыл командующий воздушной армией генерал-полковник В. А. Судец. Вслед за ним прибыл командующий артиллерией фронта генерал М. И. Неделин. С первым я согласовывал авиационные удары по танковым и пехотным колоннам противника, второго просил подвозить большие боеприпасов.

Противник в ночь с 10 на 11 мая особой активности

не проявлял, но все время вел сильный ружейно-пулеметный огонь по переднему краю нашей обороны и производил огневые налеты по переправам через Днестр и по подходам к ним через поселки Ташлык и Бутор. В шесть часов утра наши войска контратаковали врага, но были встречены сильным огнем всех видов оружия и вынуждены были вернуться на исходные позиции и отбивать непрерывные атаки превосходящих сил противника.

В 6 часов 30 минут крупные силы вражеской пехоты при поддержке свыше ста пятидесяти бронеединиц и бомбардировочной авиации перешли в наступление из рощ, что северо-западнее Спея, на Шерпены, где оборонялись две дивизии 4-го гвардейского корпуса. Завязался исключительно упорный бой. Несмотря на огромные потери, противник усиливал давление. Нашей пехоте приходилось трудно. Несмотря на упорное сопротивление советских войск, танкам противника к 11 часам 11 мая удалось ворваться в поселок Шерпены. Для частей 35-й и 47-й гвардейских дивизий создавалась угроза быть отрезанными от главных сил армии и от переправы в районе поселка Бутор. Фронт обороны этих дивизий развернулся от Шерпены вдоль дороги на запад, до Спея включительно.

Во второй половине дня противник стремился всеми силами выйти к основной нашей армейской переправе. Введенные в бой части 57-й гвардейской дивизии приостановили наступление противника.

Авиация противника в эти дни применила кассеты, начиненные мелкими бомбами весом килограмма по полтора. «Фокке-вульфы» и штурмовики сбрасывали эти кассеты, которые, разрываясь высоко в воздухе, разбрасывали мелкие бомбы сотнями, поражая живую силу на большой площади. Но достаточно было иметь над головой легкое укрытие — десять-пятнадцать сантиметров земли толщиной, и эти бомбы вреда не приносили. В ответ наша авиация применила подобные же, но улучшенные кассеты, которые эффективно действовали не только по живой силе но и по танкам.

За день боя 11 мая противник понес большие потери — не менее пяти тысяч убитыми и ранеными, было подбито и сожжено до пятидесяти танков.

11 мая в район Бутора прибыл Р. Я. Малиновский. Осмотрев в бинокль поле боя и увидев около сотни разбитых и сожженных вражеских танков, он понял, что противник на этом участке фронта еще силен и что нужны время, силы и, главное, боеприпасы.

Бой 11 мая был для нас тяжелым, советские войска с большим мужеством и стойкостью отбивали вражеские атаки. Только к наступлению темноты мы могли переправить на западный берег, на плацдарм, боеприпасы, которые спешно доставлялись с баз фронта, так как армейские базы были уже пусты.

В ночь на 12 мая противник начал активные действия с трех часов утра. Его атаки повторялись одна за другой. Но уже чувствовалось, что противник выдыхается. К этому времени, то есть 12 мая, подошел и 29-й гвардейский корпус, его сменили части 5-й гвардейской армии. За две ночи мы сумели под огнем противника переправить с плацдарма главные силы артиллерии, которые были направлены туда фронтом для подготовки наступления на Кишинев, развернуть их на восточном берегу Днестра, что усилило наше огневое воздействие по наступающим частям противника.

За трое суток боев противник, несмотря на превосходящие силы, не добился решительных результатов, он не смог сбросить наши войска с плацдарма, потерял при этом более сотни танков и много другой техники. За это время он сумел лишь потеснить наши части и сузить их плацдарм на два-четыре километра.

15 мая командующий фронтом приказал нашей армии прекратить бои за расширение плацдарма и перейти к упорной обороне занимаемого рубежа. И все же 16 мая в 16 часов 226-й гвардейский стрелковый полк после огневого налета атаковал противника в населенном пункте Шерпены и, преодолев многократные контратаки противника, овладел им.

С 16 по 22 мая противник неоднократно пытался атаковать наши части, вводя в бой свои последние резервы, которые он мог собрать и сколотить после отступления за Днестр, но все его атаки отбивались с большими для него потерями.

Его последняя атака была проведена рано утром 23 мая частями 17-й пехотной и 3-й танковой дивизий. Атака началась в 4 часа 30 минут и продолжалась до



8 часов. Четыре раза он поднимался в атаку и каждый раз ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь заставлял его зарываться в землю. Вражеские танки, их было около пятидесяти, подбивались и сжигались нашей артиллерией и противотанковыми гранатами и также откатывались назад. Было видно, что враг напрягает свои последние силы, что он обессилен и обескровлен и вынужден прекратить наступление, которое длилось около двух недель.

Своим упорным сопротивлением в обороне плацдарма советские войска окончательно измотали силы противника, а к исходу мая улучшили положение, очистив от врага поселки Шерпены и Пугачены.

На этом заканчивались тяжелые бои на Днестровском плацдарме.

Гитлеровское командование бросило против плацдарма все, что оно могло собрать на Днестре...

Бои на Днестре показали, что гитлеровская Германия более не располагает средствами для операций масштабных, того же рода, каким было ее наступление на Курской дуге...

Итак, 62-я — 8-я гвардейская — армия прошла по Украине от Купянска, от Северного Донца до Днестра. Прошла с тяжелыми боями, в тяжелейших условиях, наступая, нигде и ни разу не споткнувшись, не попятившись, не показав спины противнику, о ее стойкость и мужество разбилась и атака гитлеровцев в мае 1944 года. Она победоносно пронесла по украинской земле гвардейское знамя, с которым ей предстояло еще пройти по Европе до самого Берлина. Но о дальнейшем пути армии и отдельный рассказ...

Прошло немного времени, и 8-я гвардейская армия влилась в войска, нацеленные для удара по Берлину.

Мы освобождали города, поселки, деревни, хутора и везде приход советского воина вызывал слезы радости, нас встречали как освободителей. В нашу армию вливались жители освобожденных сел, деревень и городов.

62-я армия вышла из горнила оборонительных боев в Сталинграде, на Северном Донце начиналась ее новая жизнь; из армии обороны она превращалась в армию наступательную; переименованная в 8-ю гвардейскую, она, как и другие гвардейские соединения, становилась ударной силой в наступательных операциях. В составе войск Юго-Западного фронта 8-я гвардейская армия предназначалась для взламывания вражеской обороны. Опыт боев оборонительных должен был обогатиться умением наступать.

Это был рубеж, переходный этап в жизни армии, каждого солдата и командира. Я обязан здесь рассказать об огромной роли, которую сыграли политработники армии в этой ее перестройке, не столько внешней, сколь внутренней.

Перед политработниками армии стояли свои особые задачи.

Прежде всего, как я уже говорил выше, после перемещения армии в район Северного Донца в ней произошла значительная смена состава. Часть дивизий, принимавших участие в обороне Сталинграда, была переведена в другие объединения, к нам пришли новые люди взамен ушедших. Политработники должны были принять новых товарищей, спаять воедино новый коллектив, сохранив боевые традиции Сталинграда. Это была

большая воспитательная и разъяснительная политическая работа.

Без боевого мастерства солдата в бой посылать было нельзя, а мы часто получали пополнение совершенно необученное и обучали на месте. Но одного боевого мастерства для солдата было недостаточно, он должен был отчетливо понимать, что происходит в стране, что происходит на соседних участках фронта и на других фронтах, каковы перспективы.

Политработник в те годы был человеком вездесущим, перед ним внезапно вставали самые неожиданные вопросы, из самых различных областей человеческой деятельности. Он был и историком, он умел рассказать о великих исторических традициях русского народа, Советского государства, он умел разъяснить политику Коммунистической партии на протяжении последнего десятилетия, он умел раскрыть интернационализм в политике нашей партии, рассказать о дружбе народов, он умел позаботиться и о снабжении солдата самым необходимым в военном обиходе, написать письмо, откликнуться на просьбу солдатской семьи.

Армия готовилась к наступлению, армия наступала, и вместе с тем армия училась; учились все, сверху до низу, от генерала и до солдата. Политработник вместе с командиром должен был организовать эту всестороннюю учебу.

Политработой были пронизаны все звенья, все ступени армейской жизни. Много раз Военный совет армии собирался специально, чтобы обсудить те или иные итоги политработы, наметить новые задачи перед политработниками.

Вспоминается в связи с этим заседание Военного совета армии после завершения Никопольско-Криворожской операции в Апостолово. Действия нашей армии получили высокую оценку Ставки Верховного Главнокомандования. Вставали новые задачи. Все это налагало повышенную ответственность на армию.

Задачи были действительно новыми. Все время нарастал темп наступления. Трудный переход, трудная зима — все это оставалось позади. Впереди был Ингулец, впереди был удар на Николаев — Одессу.

Военный совет армии ставил перед политработниками задачи — разъяснить принципы нового наступления

и особенно поработать с работниками тыловых служб армии, ибо при смене темпа наступления на их долю выпадали немалые трудности.

Прорыв вражеской обороны на реке Ингулец, знаменитый ночной поиск Каткова и его товарищей — это был, конечно, результат большой политико-воспитательной работы...

Немалое значение имело и заседание Военного совета армии в Новой Одессе. Здесь уже определился повышенный темп нашего наступления. Мы гнали врага с Советской земли, близка была государственная граница. Это воодушевляло наших бойцов. Перед политработниками вставали новые задачи. Надо было готовить солдат к той минуте, когда свершится переход через границу...

Вернемся, однако, к вопросам чисто военного характера.

Первые же наступательные бои на Северном Донце, сражения летом сорок третьего года во многом дополнили и расширили наши представления о наступательных операциях того времени.

Решающим, конечно, становился артиллерийский удар, сочетающийся с броском наступающей пехоты, с танками, под прикрытием авиации. Усилия солдата в наступлении только тогда могли достичь результата, когда он был вооружен, как того требовали обстоятельства. Одним из решающих просчетов Гитлера и его генералитета, когда они начинали войну, было их убеждение, что после нескольких ударов по крупным промышленным центрам промышленность нашей страны будет парализована и не сумеет оснастить армию для ведения сложных военных операций.

Советская промышленность оправилась от ударов, полученных в сорок первом году, рабочий класс, весь советский народ под руководством партии преодолел трудности, связанные с перемещением промышленности в восточные районы страны. Под Сталинград пришли танковые корпуса, а в Курской битве приняли участие уже танковые армии, оснащенные самыми современными машинами советского производства.

В предвоенные годы в военных кругах не раз дискутировался вопрос о роли артиллерии в грядущих сражениях. Перед войсками ставилась задача довести концен-



трацию стволов до сотни и свыше на один километр про-  
рыва. В ходе войны обнаружилось, что и этого в иных  
случаях недостаточно.

Свыше ста стволов на один километр фронта... Каких  
стволов! Уже в первый год войны обнаружилась непри-  
годность орудий малого калибра для борьбы с вражески-  
ми танками новой конструкции. Нам пришлось увеличи-  
вать калибры противотанковой артиллерии.

Все это влекло за собой преодоление огромных техни-  
ческих трудностей, тянуло за собой решение множества  
неожиданных задач. Рабочий класс справился! Мы полу-  
чили первоклассную технику, самое современное оружие...  
Советские воины ими овладели в совершенстве и оказа-  
лись подготовленными к решению сложнейших военных  
задач. Они отразили удар врага, подкрепленный оружей-  
ным арсеналом всей Европы, и погнали его прочь...

Расчет Гитлера на то, что после первых же ударов  
фашистских войск Советский Союз как многонациональ-  
ное государство распадется, не оправдался.

Да и не мог оправдаться. Ведь Советская держава  
была создана как добровольный, основанный на взаим-  
ном доверии и дружбе союз, призванный слить воедино  
усилия народов, строящих новое общество, строящих со-  
циализм. И когда над Советской Родиной, над социа-  
листическими завоеваниями нависла грозная опасность,  
советский народ в едином патриотическом порыве гру-  
дью встал на защиту социалистического отечества, еще  
теснее сплотился вокруг Коммунистической партии и со-  
ветского правительства. Напрягая все силы, и на фронте,  
и в тылу ковали победу над сильным и опасным врагом  
советские люди. Они проявили невиданную стойкость в  
этой схватке двух политических систем, и победа ока-  
залась на нашей стороне.

## Содержание

|  |     |
|--|-----|
| СПРАЖЕНИЕ ВЕКА . . . . .                   | 3   |
| ИЗ СТАЛИНГРАДА НА СЕВЕРНЫЙ ДОНЕЦ . . . . . | 25  |
| БИТВА ЗА ДОНБАСС . . . . .                 | 49  |
| ЗАПОРОЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ . . . . .             | 75  |
| ТРУДНЫЙ ПЕРЕХОД . . . . .                  | 103 |
| ИНГУЛЕЦКИЙ ПАРАДОКС . . . . .              | 141 |
| ОСВОБОЖДЕНИЕ ОДЕССЫ . . . . .              | 161 |
| ДНЕСТРОВСКИЙ ПЛАЦДАРМ . . . . .            | 175 |
| ПОСЛЕСЛОВИЕ . . . . .                      | 187 |

**ЧУЙКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ**

**В боях за Украину**

Политиздат Украины

Заведующий редакцией *В. Г. Щербак*

Редактор *Л. В. Лазаренко*

Художник *В. Д. Ткаченко*

Художественный редактор *Н. К. Лычак*

Технический редактор *М. Я. Таратута*

Корректоры: *Г. И. Подольский, М. Н. Роголенко*

Подписано к печати с матриц 19/X—1972 г.  
Формат 84 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Физ.-печ. л. 6. Усл.-  
печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,47. БФ 29320.  
Зак. 2—2147. Тираж 115 000. Цена 43 коп.  
Издание объявлено в т. п. 1971 г., поз. 242.

Издательство политической литературы  
Украины.  
Киев, Владимирская, 42.

Напечатано с матриц Киевской книжной  
фабрики на Киевском полиграфическом комбинате  
Государственного комитета  
Совета Министров Украинской ССР  
по делам издательств,  
полиграфии и книжной торговли,  
ул. Довженко, 3.



43 коп.